

Коллективные сборники Маршал Тухачевский

– Черновол В.Г.

«Маршал Тухачевский»: Военнздат; Москва; 1965

Аннотация

Со страниц этой книги перед читателем встанет обаятельный образ выдающегося советского полководца Михаила Николаевича Тухачевского, безвинно погибшего в результате сталинского произвола. Люди, хорошо знавшие М. Н. Тухачевского, рассказывают о его жизненном пути и военной деятельности. Среди авторов воспоминаний – товарищи заслуженного военачальника по юношеским годам, по службе в царской армии, по гражданской войне, а также те, кто под его руководством работали над укреплением Советских Вооруженных Сил на протяжении последующих лет.

Сборник подготовлен с участием Военно-научного общества при Центральном музее Советской Армии.

Маршал Тухачевский

Составители:

**Я. И. КОРИЦКИИ, С. М. МЕЛЬНИК-ТУХАЧЕВСКАЯ, Б. Н.
ЧИСТОВ**

Литературная подготовка текста В. КАРДИНА

Михаил Николаевич ТУХАЧЕВСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ ДРУЗЕЙ И СОРАТНИКОВ

**ВЫДАЮЩИЙСЯ ВОЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
К. А. МЕРЕЦКОВ**

Имя Михаила Николаевича Тухачевского по праву стоит в ряду имен выдающихся военных деятелей, сформировавшихся под руководством партии, великого Ленина в горниле гражданской войны и в годы послевоенного строительства Вооруженных Сил.

Впервые я услышал о нем в сентябре 1918 года. Это были радостные дни крупных наших побед на Восточном фронте. Советские войска освободили Казань, и Владимир Ильич Ленин обратился к ним с проникновенным приветствием. Затем 1-я армия, преследуя разбитые белогвардейские полки, вступила в родной город Ильича – Симбирск.

Тут-то и заговорили все о Тухачевском.

Передавали, что командарм-1 совсем молод, чуть ли не 18 лет, что он безупречно храбр, широко образован, высоко одарен. Солдатская молва оказалась справедливой. Все было так, за исключением возраста. Михаилу Николаевичу исполнилось в ту пору 25 лет.

В последующем с именем Тухачевского связывались все новые и новые победы на фронтах гражданской войны. Как я теперь понимаю, это объяснялось не только природной одаренностью молодого полководца, но и тем обстоятельством, что ему посчастливилось работать рука об руку с В. В. Куйбышевым, с Серго Орджоникидзе. У них он многому научился. Они укрепили его веру в справедливость революционной борьбы советского народа, привили ему сознание партийного долга, выработали у него привычку смотреть

далеко вперед.

На полях гражданской войны росло боевое мастерство, оттачивалось оперативно-стратегическое мышление М. Н. Тухачевского. На завершающем ее этапе он уже признанный полководец, опытный организатор крупных наступательных операций. Лишь однажды «боевое счастье» изменило ему. Было это в 1920 году.

Командуя войсками Западного фронта, Тухачевский вывел их на подступы к Варшаве. Весть об этом разнеслась по всей стране. Долетела она и к нам в Первую Конную армию, которая входила тогда в состав Юго-Западного фронта.

Я занимал в то время скромный пост помощника начальника штаба по разведке в 6-й кавалерийской дивизии и не собираюсь сейчас ввязываться в запоздалый спор о том, кто виноват в неблагоприятном исходе Варшавской операции. Советские историки на основе документов давно установили эту истину.

Как непосредственный участник событий тех памятных дней, могу засвидетельствовать лишь одно: когда стало известно о предстоящей переброске под Варшаву нашей Первой Конной армии, среди некоторой части командного состава начались пересуды о том, что, мол, лучшая помощь Западному фронту – это взятие Львова. Кое-кто проезжался по адресу Тухачевского:

– Рассчитывал на легкую победу...

– Недооценил противника...

Только 20 августа Первая Конная вышла из боев под Львовом и через 8 дней прибыла в указанный ей район Замостья. Но было уже поздно. Войска Западного фронта повсеместно отступали...

После гражданской войны все свои недюжинные силы, знания, опыт М. Н. Тухачевский отдает строительству Советских Вооруженных Сил. Он возглавляет Военную Академию РККА, принимает деятельное участие в осуществлении военной реформы, командует войсками Западного, а затем Ленинградского военных округов. Последние годы жизни Тухачевский – заместитель Народного комиссара по военным и морским делам. И всюду, всегда, на любом посту проявлялись его выдающийся ум, кипучая энергия.

Широк был круг творческих интересов и практических дел М. Н. Тухачевского. Он имел особое чутье на все новое, передовое, проявлял особую страсть при продвижении этого нового, передового в войска. Через всю его многообразную деятельность проходит повышенный интерес к проблемам технического перевооружения армии, к созданию сильной авиации, мощных бронетанковых соединений, мобильной пехоты. Он следил за иностранной технической литературой, лично занимался испытанием новых образцов оружия, являлся неперенным участником опытных учений, проводимых в войсках.

В моей памяти отчетливо сохранилось одно такое учение. Проводилось оно в 1933 году в Белоруссии.

Белорусским военным округом командовал тогда И. П. Уборевич, а начальником штаба у него был автор этих строк. Сама жизнь поставила перед нами вопрос о повышении огневой и ударной мощи стрелковых соединений. Для этого было запланировано учение с дивизией, в штат которой впервые включался танковый батальон, а в ее стрелковые полки – по батальону танкеток. Проводить его довелось мне, так как Уборевич находился в отпуске.

Меня заранее предупредили, что на нашем учении обязательно будет присутствовать заместитель наркома М. Н. Тухачевский. Не приходится говорить, что все мы – и начальник бронетанковых войск С. С. Шаулян, и командир дивизии, и командиры штаба округа – приложили максимум усилий, чтобы подготовиться наилучшим образом. Труды наши не пропали даром. Эффект встречного боя (на учении проигрывалась именно эта тема) превзошел все ожидания. Сторона, имевшая в своем составе танковые подразделения, упредила противника во всем: и в занятии выгодного рубежа, и в развертывании, и в нанесении удара.

Тухачевский буквально ликовал.

– Только слепой не заметит, – говорил он на разборе, – какие преимущества получают

стрелковые войска от введения в их штат танков. Они становятся подвижнее, сильнее в огневом отношении, приобретают новые качества. Это мы с вами наблюдали даже на примере действия танкеток – машин слабых во всех отношениях. Если же танкетки заменить танками с мощной броней, сильным мотором и грозной скорострельной пушкой, результат, несомненно, улучшится...

В настоящее время у нас для этой цели нет танков. Но они будут! Когда-нибудь каждая стрелковая дивизия получит танковый полк, а стрелковый полк – танковый батальон...

После разбора М. Н. Тухачевский пригласил меня, командира дивизии и еще нескольких человек из руководителей учения к себе в вагон на обед. За столом обсуждалась все та же тема. В отличие от многих военачальников, избегающих деловых разговоров в нерабочее время, Тухачевский любил всегда беседовать с людьми о том, что его более всего волновало. А это были проблемы, связанные с армией, с военным делом.

И кажется, именно в тот раз мне впервые бросилась в глаза привлекательная черта Тухачевского – умение вести беседу, а главное – умение слушать. Когда кто-либо говорил, он весь обращался во внимание. Тухачевскому можно было смело выкладывать правду, не соглашаться с его мнением.

В конце обеда Михаил Николаевич поблагодарил нас за откровенные высказывания о техническом перевооружении армии и поделился своими мыслями на этот счет.

– В настоящее время, – говорил он, – на первое место выдвигаются военно-воздушные и бронетанковые силы. Им принадлежит ведущая роль на поле боя. К сожалению, в развитии этих родов войск и вообще в техническом оснащении мы еще отстаем от европейских армий. А отстающий всегда будет бит. Поэтому наша задача состоит сейчас в том, чтобы в кратчайший срок создать сильнейшую, с большим радиусом действия авиацию, мощные подвижные бронетанковые силы, модернизировать артиллерию, дать пехоте автоматическое стрелковое оружие и средства передвижения, дать войскам новые средства связи и управления, новое переправочное имущество.

От появления новых и развития старых образцов вооружения Михаил Николаевич ставил в прямую зависимость и организацию, и тактику, и всю систему обучения войск.

– Прежде всего надо найти соответствующее место новым техническим средствам, – говорил он, – обеспечить их внедрение в войска и определить наиболее подходящие, наиболее эффективные способы применения их во всех видах боя и в операции. Ценность только что проведенного учения заключается в том, что там была правильно решена одна сторона проблемы глубокого боя – сопровождение пехоты танками. Вторая же сторона – быстрое проникновение в тыл противника, нанесение ударов по резервам, подавление артиллерии, нарушение связи, захват штабов и в конечном итоге уничтожение главных сил противника – должна решаться бронетанковыми соединениями во взаимодействии с другими родами войск. Об их организационных формах и использовании в операции также надо думать...

Слушая Тухачевского, я невольно вспомнил один разговор о нем с И. П. Уборевичем. Иероним Петрович утверждал, что Тухачевский уже дважды – в 1928 году, а затем будучи командующим Ленинградским военным округом – писал докладные записки о необходимости перевооружения армии, выдвигая в них смелые по тому времени требования: создать сильную авиацию с большим радиусом действия, мощные соединения из быстроходных танков, вооруженных пушкой, модернизировать артиллерию, пехоту и другие рода войск. Вот, оказывается, с каких пор проявлял он озабоченность об этом!..

В мою бытность начальником штаба Белорусского и еще раньше Московского военных округов мне нередко приходилось встречаться с Михаилом Николаевичем Тухачевским. И как правило, это случалось на различных учениях и маневрах. Некоторыми маневрами и учениями Тухачевский руководил сам, на других только присутствовал. Однако на разборах выступал всегда. И выступления эти служили для командного состава тогдашней армии превосходной теоретической школой подготовки и вождения войск. Все мы неизменно восхищались его мастерским анализом, умением использовать исторические примеры,

глубиной мысли и тонкой критикой исполнителей.

Памятная встреча с Тухачевским произошла у меня в 1935 году. Я получил назначение на должность начальника штаба Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, которой командовал В. К. Блюхер. По долгу службы зашел представиться к заместителю наркома. Михаил Николаевич пригласил присесть и стал расспрашивать, знаком ли я с Блюхером, бывал ли на Дальнем Востоке раньше, что думаю о прикрытии дальневосточных границ.

Выслушав мои ответы, подошел к карте и провел ладонью от Камчатки до Байкала:

– Особая Краснознаменная Дальневосточная армия занимает обширные пространства. На прикрываемых ею границах всегда неспокойно. В отличие от войск, дислоцируемых в европейской части Союза, она находится в постоянной боевой готовности. Колоссальные расстояния между соединениями и частями, отсутствие развитой сети дорог сильно усложняют маневр и управление войсками... Вот, пожалуй, наиболее важные особенности, на которые вам надо обратить внимание. Когда ознакомитесь с Дальневосточным театром и изучите обстановку, я заслушаю вас по оперативным вопросам...

Потом речь пошла о боевой учебе войск. Тухачевский рекомендовал проявить максимум заботы о подготовке частей и мелких подразделений к самостоятельным действиям.

– Для Дальнего Востока это очень важно, – подчеркивал он. – Местность там своеобразная – далеко не везде позволяет войскам действовать компактной массой. Да и возможный противник отводит значительную роль самостоятельным действиям мелких подразделений...

Последний раз я виделся с Тухачевским осенью 1936 года, перед отъездом в Испанию. Он был тогда особенно внимателен, я бы даже сказал, добр ко мне. Расспрашивал о семье, о том, как она устроена. Рассказал о положении в Испании. Особо подчеркнул, что к Франко уже потянулись итальянские и немецкие самолеты, танки, советники и не исключена возможность открытой интервенции.

– Итальянская армия, – говорил он, – немногим отличается от старой испанской, выступающей на стороне мятежников. Как та, так и другая располагают опытом главным образом «малых» колониальных войн. А вот немцы – иное дело. Но их-то вы знаете.

На прощание Михаил Николаевич крепко пожал мне руку:

– Больших вам успехов! До скорого свидания!

Но свидеться нам уже не удалось. Он оказался одной из первых жертв сталинского произвола по отношению к нашим военным кадрам.

Жизнь этого замечательного человека, выдающегося военного деятеля оборвалась в расцвете творческих сил, в пору полководческой зрелости.

М. Н. Тухачевский оставил большое научное наследие. Несмотря на загруженность текущей работой, он неустанно занимался разработкой военной теории. Из-под его пера вышли такие труды, как «Война классов», «Вопросы высшего командования», «Вопросы современной стратегии», «Характер приграничных сражений», множество статей и докладов, в которых нашли отражение широкие стратегические взгляды.

Мне неоднократно приходилось слышать, что М. Н. Тухачевским был задуман капитальный трехтомный труд «Новые вопросы войны», где он собирался проанализировать вооруженные силы ряда государств и способы их использования на сухопутных фронтах, исследовать вопрос о военном базисе СССР и империалистических коалиций, рассмотреть проблемы борьбы против последних. Трагические события помешали ему осуществить этот замысел. Вчерне был закончен лишь первый том, выдержки из которого впервые опубликовал «Военно-исторический журнал» в 1962 году. Читая их, прямо-таки поражаешься прозорливости автора.

Не менее трезвы взгляды Тухачевского на развитие современной войны, в частности на ее первоначальный этап при внезапном нападении врага. И как знать, если бы его высказывания на этот счет были своевременно учтены, возможно, драматические события

лета 1941 года получили бы иное направление.

ОН ЛЮБИЛ ЖИЗНЬ **Б. Н. АРБАТОВА-ТУХАЧЕВСКАЯ, О. Н. ТУХАЧЕВСКАЯ**

У каждой семьи – своя история, свое прошлое, свои традиции. Всякий новый член что-то наследует от родителей, что-то принимает, а что-то и отвергает.

Поэтому свой рассказ о брате Михаиле Николаевиче Тухачевском нам хочется начать с нашей семьи, с родителей, с того, что бесконечно дорого каждому.

Наш род со стороны отца идет от все более разорявшихся дворян Тухачевских, а со стороны матери – от крестьян Милоховых из деревни Княжино.

Когда мы припоминаем сейчас свое детство, становится ясно, что отец наш, Николай Николаевич, был человеком передовых для своего времени воззрений, свободным от дворянской спеси. Знал толк в искусстве и литературе. Полюбив простую крестьянку Мавру Петровну, не побоялся пойти против сословных обычаев и навсегда соединил с ней свою судьбу.

С молоком матери впитали мы уважение к людям труда, а отец привил нам интерес к музыке и книге. С детства и до седых волос мама оставалась для нас образцом во всех отношениях. Мы всегда восхищались ее высоким чувством собственного достоинства, силой, мужеством, духовным богатством. Нужно было видеть, с каким негодованием и презрением отвергла она в 1937 году клевету на сына, решительно отказалась признать его врагом народа...

Михаил Николаевич родился 16 февраля 1893 года в скромном имении неподалеку от станции Вышегор, бывшей Смоленской губернии. По рассказам сверстников, да и по собственным наблюдениям, он запомнился нам необыкновенно живым и подвижным ребенком, не знавшим предела в выдумках и шалостях. Наказания – а ему нередко доставалось за всевозможные проделки – не могли испортить его настроения. Сразу же затевал новые игры, вовлекая в них братьев и любимую сестру Надю.

Игре Миша отдавался самозабвенно. Охотнее и чаще всего, как и многие другие мальчишки, играл в войну. Но вкладывал в это столько азарта и страсти, что никто уже не мог оставаться равнодушным.

Несмотря на горячность, его всегда отличала удивительная доброта. Он никогда не сердился на «противника». Если даже кто-нибудь причинял ему боль или неприятность, не помнил зла, не старался отомстить и уж ни в коем случае не жаловался.

Как-то раз Миша с братьями и приятелями залез на стог сена. Там затеяли возню. Кто-то толкнул Мишу, и он полетел на землю, сильно ударился грудью. Подбежавшая мать увидела, что мальчик не только говорить, дышать не может. Но и придя в себя, он наотрез отказался сказать, кто же именно столкнул его со стога.

Еще совсем маленьким Михаил пристрастился к верховой езде, упражнялся с гирями, очень любил бороться. И редко кто из сверстников мог победить его. Брат Николай удивленно спрашивал:

– Что ты, в цирк готовишься, что ли? Зачем тебе все эти тренировки? Для чего силы копишь?

И Миша отвечал с детской непосредственностью:

– Силы нужны мне, чтобы не нуждаться в посторонней помощи, если потребуется передвинуть письменный стол или шкаф с книгами.

Эта привычка все делать самостоятельно, не прибегать без необходимости к помощи других осталась у Миши на всю жизнь. У него были руки, которые в народе называют золотыми. Шутка ли сказать, будучи кадетом, он собственноручно изготовил скрипку.

А что до физической силы, то она у Михаила была действительно исключительной. Уже взрослым он нередко сажал кого-нибудь из нас на стул и поднимал его за одну ножку на вытянутой руке.

Но не только шумные игры и спорт увлекали Мишу. Он рано научился читать и мог часами сидеть за книгой, не замечая ничего вокруг. Любил устраивать вместе с братьями «представления». Пьесы сочиняли сами и сами же рисовали смешные афиши. Главными действующими лицами обычно бывали Михаил и Шура. Николай открывал и закрывал занавес, а также исполнял обязанности суфлера. Игорь играл на рояле.

Когда старшие братья и сестра начали танцевать, Миша сразу превзошел всех. Ему легко удавалось исполнять самые замысловатые танцы с двумя стаканами в руках, не расплескивая воду. В дальнейшем, в военном училище, он танцевал на балах с Надей, и никто не мог оторвать восхищенного взгляда от этой красивой, ладной пары.

Отец наш был убежденный атеист и в таком же духе воспитал детей. Самым воинственным безбожником стал Михаил. Он выдумывал всевозможные антирелигиозные истории и подчас даже «пересаливал», невольно обижая живущую в нашем доме набожную портниху Полину Дмитриевну. Но если Полина Дмитриевна все прощала своему любимцу, мама иногда пыталась утихомирить антирелигиозный пыл расшалившегося сына. Правда, это ей не всегда удавалось. Однажды после нескольких безуспешных замечаний, рассердившись не на шутку, она вылила на голову Мише чашку холодного чая. Тот вытерся, весело рассмеялся и продолжал как ни в чем не бывало...

С малых лет Миша просил отца отдать его в кадетский корпус, но отец был против. Он уступил этим просьбам только после того, как у Миши появились переэкзаменовки и тот дал слово учиться отлично, если ему разрешат стать кадетом. В корпусе Миша учился превосходно, переходил из класса в класс с наградами.

Хочется сказать еще об одной рано обнаружившейся, столь милой нам черте Михаила – его трогательном отношении к братьям и сестрам. Это был впрямь надежный наш защитник и, если можно так сказать, ходатай по делам братьев и сестер перед родителями.

Однажды Миша, возвратившись вечером домой, застал в слезах младшую сестренку Марусю. Папа с мамой ушли в гости к тете и не взяли ее с собой. Миша быстро принял решение:

– Одевайся, пойдем к тете со мной.

Тогда и остальным сестрам захотелось в гости. Михаил не заставил себя долго упрашивать:

– Собирайтесь.

Он взял на руки Марусю, и мы всей компанией отправились к тете. Путь был неблизкий. Добрались лишь часам к десяти вечера. Когда ввалились в гостиную, там все ахнули...

К сестрам своим Миша был особенно добр, щедр и снисходителен. Он разрешал нам делать все, что захочется, и сам охотно участвовал в любой нашей шалости. За это мы платили ему безграничной любовью.

Нас очень огорчало, что Миша, живя в корпусе, почти не ест конфет. По предложению Сони мы стали откладывать для брата часть из тех сладостей, которые получали сами. И в первый же праздничный день, когда Миша появился дома, молча положили собранные конфеты в один из карманов его шинели. Ничего не подозревавший Михаил на другой день отправился в корпус, и только там швейцар обратил его внимание на оттопыривавшийся липкий карман – конфеты растаяли...

За кадетским корпусом последовало Александровское военное училище. Период учебы там, как мы сейчас понимаем, был очень важным в человеческом становлении Михаила. Именно тогда прочно стали складываться его пристрастия и взгляды.

Если говорить о пристрастиях, то это прежде всего глубокий, не ослабевавший с годами интерес к музыке. Музыка была воздухом, наполнявшим наш дом. Играли все: и дети, и отец, и бабушка. У нас стояло два рояля. Один свой, на котором некогда давал концерты Антон Рубинштейн. Второй брали напрокат. Часто к нам приходил знаток и теоретик музыки Николай Сергеевич Жиляев, сохранивший с Михаилом Николаевичем самые сердечные отношения на всю жизнь.

В годы пребывания Михаила в училище началось его сближение, а затем и дружба еще с одним хорошим человеком – Николаем Николаевичем Кулябко. Он сыграл важную роль в судьбе нашего брата. Под несомненным влиянием Н. Н. Кулябко у Михаила Николаевича стало вырабатываться в ту пору свое, все более критическое отношение к самодержавию.

Однажды во время прогулки няня повела нас посмотреть приехавшего в Москву царя. Когда Миша узнал об этом, он принялся объяснять нам, что царь – такой же человек, как всякий другой, и специально ходить смотреть на него глупо. А потом через стену мы слышали, как Михаил в разговоре с братьями назвал царя идиотом.

Годы пребывания Михаила Николаевича в Александровском училище – последние годы его беззаботной юности. Окончание училища совпало с началом мировой войны. Брат сразу же уехал в свой полк. От него стали поступать письма с фронта. Только осенью 1914 года он на день или на два вырвался в отпуск. Приезд этот был обусловлен смертью отца. Мы не сообщали Мише о постигшем нашу семью горе, но он сам почувствовал неладное и при первой же возможности приехал в Москву.

А месяца три-четыре спустя имя брата появилось в газетах в списке убитых. Мы были потрясены. Но, к счастью, это оказалось ошибкой. Недели через две выяснилось, что Михаил находится в плену.

Его письма из плена неизменно начинались фразой: «Жив-здоров, все благополучно». Но мы-то уж понимали, насколько относительно это «благополучие». В одной из открыток Михаил с присущим ему юмором сообщал: «Сегодня нам давали мед, который вкусом и цветом похож на ваксу».

Своими письмами брат все время старался подбодрить нас, уверял, что скоро увидимся, советовал читать «Слово о полку Игореве», намекая на побег из плена. И он действительно неоднократно предпринимал попытки бежать из неволи. Но лишь в 1917 году они увенчались успехом.

И вот однажды, когда мы все собрались за обеденным столом, неожиданно распахнулась дверь и на пороге появился худой, измученный человек. Лишь по улыбке мы узнали нашего Мишу.

Дни, проведенные им с семьей, были для нас днями беспредельного счастья и бесконечных расспросов. Мы дознавались, как он бежал, как скрывался, чем питался в пути, каким образом шел ночами по незнакомым местам. Михаил не очень охотно вспоминал обо всем этом – слишком много перенес. На привезенных им из Швейцарии¹ фотографиях он походил на мумию и был страшно оборван.

Через трое суток Михаил опять покинул нас и отправился в полк. На этот раз разлука была недолгой. Он вернулся к нам зимой, примерно в декабре.

Мы жили тогда в селе Вражском, под Пензой, в бывшем имении нашей бабушки. Крестьяне на сходе постановили оставить там для нас наш дом.

Свое не ахти какое хозяйство мы вели сами. Самым тяжелым делом была, конечно, заготовка дров. И Михаил сразу же взял на себя главные заботы об этом. Он всячески старался избавить родных, и прежде всего маму, от непосильного труда.

В январе 1918 года Миша опять оставил нас – уехал в Москву. Там в его жизни произошли важнейшие события. Он вновь встретился с Н. Н. Кулябко, который дал ему рекомендацию в партию и познакомил с Владимиром Ильичем Лениным.

Месяца через три, уже весной, Михаил только на день заехал к нам. Даже не заехал, а зашел. Ямщик смог довести его лишь до деревни Варварки, и последние семь-восемь километров Миша добирался пешком по колена в грязи. Перепрыгивал с льдины на льдину, преодолевая уже тронувшуюся реку. И когда добрал до дому, на нем не было сухой нитки.

Однако трудная дорога не сказалась на настроении Михаила Николаевича. Радостно возбужденный, полный надежд, он рассказывал нам о предстоящей работе по организации

¹ При побеге из плена М. Н. Тухачевский вышел на территорию Швейцарии. (Прим. ред.)

новой армии.

– Откуда ей взяться, этой новой армии? – усомнилась мама.

Но Михаил горячо доказывал, что новая армия будет создана, что множество людей стремятся к этому и он твердо решил связать свою судьбу с ней.

После той короткой встречи с братом от него долго не было никаких вестей. Лишь в июле в нашем доме появился военный, по фамилии Голубев, назвавшийся адъютантом Михаила Николаевича. От него мы узнали, что брат командует 1-й красной армией. Голубев привез Мишино письмо и немного денег.

Вслед за этим начались наши поездки к Михаилу. Мама ездила к нему в Инзу. Вернувшись, она рассказала нам об опасности расстрела, которая нависла над ним в момент измены Муравьева. Гордилась мужеством сына, зосхищалась уважением, каким он пользуется у своих товарищей по службе. Мы слушали мать с замиранием сердца. Ведь это же был наш родной Миша.

Потом Михаил Николаевич вызывал к себе по очереди и нас – сестер. Когда он командовал 5-й армией, у него, помнится, довольно долго жила сестра Соня. Когда возглавлял Западный фронт, одна из нас, Ольга, навестила его в Смоленске. Из Смоленска Михаил уехал на подавление Кронштадтского мятежа и достойно исполнил там поручение В. И. Ленина. За Кронштадтом последовал Тамбов – надо было покончить с антоновщиной.

В Тамбове у него бывала Маруся. Михаил Николаевич занимал там маленький домик в саду, похожий на беседку. Ни о какой охране он не хотел и слышать.

В 1921 году, после успешного разгрома банд Антонова, Михаил по указанию В. И. Ленина получил месячный отпуск и провел его во Вражском.

В это лето, первое после окончания гражданской войны, дома собрались все братья и сестры. Приехала во Вражское и наша давняя приятельница, пианистка Нина Отто. Снова, как в юности, у нас звучал рояль, возобновились музыкальные вечера. Михаил очень много читал. А когда отпуск кончился и пришло время возвращаться в Смоленск, брат захватил нас обеих с собой.

Несмотря на большую загруженность, он и там находил время для музыки, увлекался живописью. Иногда у нас проводились веселые семейные вечера, для которых Миша сочинял забавные стихи и даже целые сатирические поэмы.

Квартира, которую вначале занимал Михаил Николаевич в Смоленске, была очень холодная. Особенно его кабинет. Работая там, Михаил надевал обычно серую папаху и накидывал на плечи летнее пальто, приобретенное еще в Швейцарии.

В Смоленске родилась дочь Михаила Николаевича – Светлана. Он чувствовал себя счастливейшим отцом. У нас установилась несколько необычная семейная традиция: в течение года мы ежемесячно отмечали день рождения Светланы...

В 1925 году М. Н. Тухачевского перевели в Москву. Он получил квартиру на Никольской улице (ныне улица 25 Октября). Здесь же поселился брат Александр. Сюда перебрались все сестры и мать.

В квартире на Никольской всегда было многолюдно. Боевые товарищи Михаила и его друзья-музыканты, известные полководцы и преподаватели академии – все чувствовали себя там как дома. Дружеские беседы и импровизированные концерты затягивались далеко за полночь. Спал Михаил очень мало, и когда кто-нибудь напоминал ему об этом, он только отшучивался:

– Жалко тратить на сон время...

Всю жизнь Михаил Николаевич с увлечением, беззаветно отдавался единожды избранному военному делу. Но он не мог обойтись и без музыки, без живописи, без систематического чтения. В его богатом духовном мире было место Бетховену и Баху, Шуману и Мусоргскому, Моцарту и Скрябину, Шопену и Мендельсону, Толстому и Шекспиру. Его интересовало все новое в науке, технике, искусстве. С детства он увлекался астрономией.

Короче говоря, он любил жизнь...

Даже работая, Михаил оставлял дверь в кабинет открытой. Доносившийся шум не мешал ему. А выйдя из кабинета, он сразу же легко включался в атмосферу, царившую вокруг: шутил, веселился или вступал в серьезную беседу, в горячий спор.

И когда у кого-нибудь из окружающих случались неприятности, либо кошки скребли на душе, Михаил Николаевич тоже не оставался безучастным. Мы не видели человека более отзывчивого и чуткого, чем он, способного лучше понять и разделить беду ближнего.

М. Н. Тухачевский был интеллигентом в самом высоком и лучшем смысле этого слова, то есть человеком больших знаний, нерушимых принципов, всесторонней культуры. Человеком, не прожившим впустую ни одного дня!

Никто никогда не слышал от него жалоб, сетований на трудности или несправедливость. Лишь зимой 1937 года, чувствуя недоброе, он сказал одной из нас:

– Как я в детстве просил купить мне скрипку, а папа из-за вечного безденежья не смог сделать этого. Может быть, вышел бы из меня профессиональный скрипач...

Прошло немного времени, и стал ясен горький смысл этой поначалу странно прозвучавшей фразы.

Нет, наш Михаил правильно избрал путь, достойно шел по нему. Беспредельно веривший партии, Ленину, он не мог предвидеть страшного конца, ожидавшего его. И вера эта, хоть и не скоро, хоть и после чудовищно несправедливых жертв, восторжествовала.

ТАКОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ **А. А. ТИПОЛЬТ**

Начало моей связи с Семеновским полком относится ко временам безусой юности. В 1907 году я, выпускник училища правоведения, отбывал там воинскую повинность. А когда летом 1914 года грянула война с Германией, меня призвали в этот полк в чине прапорщика. Тут-то я и познакомился с Михаилом Николаевичем Тухачевским, или попросту с Мишей.

Подружились мы с быстротой, присущей молодости. Оба служили во втором батальоне. Оба были младшими офицерами. Один – в 7-й роте, другой – в 6-й.

В ту пору в полку оказалось немало молодых способных офицеров. Но Тухачевский, менее всего стремившийся чем-то выделяться, все-таки обращал на себя внимание. Бросалась в глаза его сосредоточенность, подтянутость. В нем постоянно чувствовалось внутреннее напряжение, обостренный интерес к окружающему. Чем ближе я узнавал Тухачевского, тем больше ценил.

Да и не только я.

В нем очень рано и очень определенно выявились командирские качества. Вспоминается эпизод, относящийся к сентябрю – октябрю 1914 года. Полк занимал позиции неподалеку от Кракова, по правому берегу Вислы. Немцы укрепились на господствующем левом берегу. Перед нашим батальоном посредине Вислы находился небольшой песчаный островок. Офицеры нередко говорили о том, что вот, дескать, не худо бы попасть на островок и оттуда высмотреть, как построена вражеская оборона, много ли сил у немцев... Не худо, да как это сделать?

Миша Тухачевский молча слушал такие разговоры и упорно о чем-то думал. И вот однажды он раздобыл маленькую рыбачью лодчонку, борта которой едва возвышались над водой, вечером лег в нее, оттолкнулся от берега и тихо поплыл. В полном одиночестве он провел на островке всю ночь, часть утра и благополучно вернулся на наш берег, доставив те самые сведения, о которых так мечтали в полку.

Картины молодости с удивительной четкостью откладываются в памяти. Я и сейчас вижу Мишу Тухачевского, вылезавшего из лодки. Он неуверенно улыбается, еще не ведая, что его ждет – то ли поощрение, то ли нагоняй начальства...

Зима 1915 года застала семеновцев под Ломжей. Здесь, как, впрочем, и на других направлениях, немцы располагали большим превосходством в артиллерии. При поддержке крупных калибров в ночь на 19 февраля 1915 года они перешли в атаку. 7-я рота почти

полностью была уничтожена, а остатки ее вместе с М. Н. Тухачевским попали в плен.

Четвертый взвод 6-й роты, которым я тогда командовал, в том бою не участвовал – мы находились в резерве. Но утром 20 февраля пришел и наш черед. На сей раз счастье изменило мне: получил тяжелое осколочное ранение в голову.

Пять суток пролежал пластом в ломжинском госпитале не приходя в сознание, а когда очнулся, был эвакуирован в Петроград. Здесь меня оперировали, и я постепенно стал оживать. Возвращалась память. Припоминались недавние события. «Где сейчас Михаил, что с ним, какова его судьба?» – тревожно думал я. Но ответов на эти вопросы получить не мог. Не получил я их и через месяц, когда опять вернулся в свой полк.

Мы встретились с М. Н. Тухачевским лишь поздней осенью 1917 года, после его счастливого побега из плена. Стали видеться почти ежедневно. Нам было что вспомнить, о чем поговорить.

Случилось так, что моя комната превратилась в своего рода полковой клуб. Сюда набивались офицеры, унтер-офицеры, солдаты. Шум, споры, облака табачного дыма. Впечатление такое, будто все проснулось после многолетней спячки и каждый сейчас же, немедленно должен получить ответы на вопросы, терзавшие всех нас в последние месяцы. Михаил сосредоточенно прислушивался к нашей полемике, но сам высказаться не спешил. Чувствовалось, что в нем происходит напряженная внутренняя работа.

Отмирили извечные, казалось, истины. Рождались новые взгляды, и он их принимал близко к сердцу. Пожалуй, именно в это время у него созревали решения, определившие его дальнейшую, всем хорошо известную судьбу...

Последующие наши встречи относятся уже к советскому времени, когда Михаил Николаевич стяжал себе славу выдающегося полководца, а я после демобилизации стал издательским работником. Каждая из этих встреч была счастливым событием. Разговор неизбежно возвращался к минувшему, к пережитому в годы первой мировой и гражданской войн. Я видел, как дороги Михаилу такие воспоминания, как прочно держит он в памяти имена прежних боевых товарищей. Но его отношение к любому из них всегда определялось местом, которое тот занял в боях за Советскую республику.

Как-то Тухачевский рассказал мне, что во время мирных переговоров с Польшей ему в вагон передали визитную карточку Сологуба, бывшего офицера нашего Семеновского полка.

– Ты с ним виделся? – спросил я.

– Нет, не счел нужным. Он в трудный момент покинул родину, стал даже ее врагом...

Зато своим единомышленникам Михаил Николаевич сохранял верность всю жизнь. И всегда приходил на помощь им в трудную минуту. Я имел возможность лично убедиться в этом.

В 1934 году меня необоснованно репрессировали. На положении заключенного «переселили» из Ленинграда в Казахстан.

Как только представилась возможность, я дал телеграмму Тухачевскому. В эти же дни к нему обратился за помощью и мой родственник Владимир Иванович Немирович-Данченко.

Старый испытанный друг не проявил малодушия. Благодаря его вмешательству я вскоре был освобожден.

Такое не забывается.

ПЛЕН И ПОБЕГ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ А. В. БЛАГОДАТОВ

То, что я хочу рассказать в этих заметках, относится к давнему времени, к годам нашей молодости – моей и Михаила Николаевича Тухачевского. Случай свел нас в форту № 9 крепости Ингольштадт, где немцы в период первой мировой войны содержали особенно «неспокойных» военнопленных, уже неоднократно пытавшихся бежать.

Германская крепость Ингольштадт – старинное фортификационное сооружение,

окруженное глубоким и широким рвом, заполненным водой. Окна приземистых казарм схвачены железными прутьями толщиной в два пальца. Стальные двери. Часовых не меньше, чем пленных.

Стремясь затруднить и без того почти невозможный побег, немецкие власти собрали там представителей разных национальностей – русских, французов, бельгийцев, итальянцев. Попробуй сговориться!

Но, несмотря ни на что, молодых офицеров (а они составляли большинство обитателей форта) не покидали светлые надежды. Всех нас объединяло стремление к побегу. Никто не утратил чувства человеческого достоинства. При стычках с администрацией мы выступали дружно, сплоченно, сообщая отстаивая свои интересы. Тем не менее, как и в каждом коллективе, у нас были люди наиболее деятельные и люди, отличавшиеся наименьшей активностью. К первым неизменно относился Михаил Николаевич Тухачевский. Он буквально покорял своих товарищей по несчастью жизнелюбивостью и дружелюбием. Военнопленные всегда были готовы пойти за ним на любое самое рискованное дело.

Вспоминается наша демонстрация против нового коменданта форта. Он отменил проверку по казематам и приказал нам для этой цели выстраиваться на площадке. Мы не выполнили его приказ. Комендант вызвал караул, дал команду зарядить винтовки. В ответ раздались свист, улюлюканье, выкрики. Французы запели «Марсельезу». Побоявшись, как видно, что пленные набросятся на караул и произойдет драка, комендант махнул на все рукой и ушел.

М. Н. Тухачевский был одним из зачинщиков этой демонстрации.

Для тогдашних настроений Михаила Николаевича, да и вообще для настроений, господствовавших в форту № 9, характерен и такой запомнившийся мне эпизод. В день взятия Бастилии мы собрались в каземате французских военнопленных. На столе появились бутылки с вином и пивом, полученные к празднику нашими французскими друзьями. Каждый стремился провозгласить какой-нибудь ободряющий тост. Михаил Николаевич поднял бокал за то, чтобы на земле не было тюрем, крепостей, лагерей...

О взглядах Тухачевского в плену хорошо рассказал впоследствии один из французских офицеров, находившихся вместе с нами. В своих воспоминаниях он приводит слова Михаила Николаевича, смысл которых таков: если Ленин окажется способным избавить Россию от хлама старых предрассудков и поможет ей стать независимой, свободной державой, то он, Тухачевский, пойдет за Лениным.²

Михаил Николаевич был очень близок со многими французами и некоторым из них помог осуществить заветную мечту о побеге из Ингольштадта.

² Здесь имеется в виду книга «Дело Тухачевского», вышедшая в Париже в 1962 году. В ней содержатся и другие любопытные свидетельства французских офицеров, в свое время разделивших с М. Н. Тухачевским участь узников Ингольштадта. Так, например, генерал-майор авиации Гойс де Мейзерак рассказывает: «Я живо помню одно событие, в ходе которого молодой Тухачевский был моим сообщником, а возможно, даже и спасителем. 3 апреля 1917 года я бежал из лагеря с одним товарищем, английским майором Гаскюлем... в ящике из-под бисквитов. Это звучит неправдоподобно, но это было так. Для успеха этого побега было необходимо, чтобы кто-нибудь ответил за меня на следующий день утром при перекличке. «Слушай, старина Тука (так французы в плену звали Тухачевского. – *Ред.*), – спросил я у него, бывшего в то время моим соседом по камере, – хочешь ты ответить за меня на перекличке?»

Это был рискованный шаг, но Тука принял это предложение не колеблясь. Я был глубоко тронут этим жестом преданности, благородного товарищества. Часть ночи Тука провел, сидя на краю моей койки в подвале форта, а на следующий день на рассвете он пришел на перекличку вместо меня, одетый в мой мундир, и в моей шинели, брошенной на плечи».

А вот рассказ еще одного бывшего узника Ингольштадта: «Я тоже помню один факт. Речь идет о смотре, на котором Тука отказался приветствовать немецкого генерала... Когда этот генерал дошел до Туки и увидел, что тот стоит, держа руки в карманах, его чуть не хватил апоплексический удар. «Что это за военнопленный, который не приветствует меня?» – спросил он своего адъютанта. Последний перевел вопрос Туке, который невозмутимо ответил: «Русский офицер не приветствует тех, кто уничтожил французов в Санлисе и в других местах». – (*Прим. ред.*)».

Когда началась подготовка к побегу французского офицера Дежобера, Тухачевский принял самое деятельное участие в изготовлении для него немецкой формы, а потом при перепиливании оконной решетки устроил нечто вроде концерта самодеятельности, чем отвлек внимание часовых. Дежобер пролез в окно и, пользуясь темнотой, пристроился к сменявшемуся караулу. Ему удалось пройти вместе с караульными по мосту и добраться до железнодорожной станции. Вскоре мы получили весть о том, что Дежобер через Голландию пробрался к себе на родину. А еще через некоторое время узнали, что он сбил немецкий самолет.

Удача Дежобера окрылила Тухачевского, всеми силами стремившегося вырваться из плена. Однако она оказала влияние и на охрану форта. Часовые усилили бдительность. Появились дополнительные проволочные ограждения с колокольчиками. Через несколько дней при попытке к бегству был убит французский морской офицер капитан Божино. Но Михаил Николаевич не изменил своих намерений.

А тем временем в России уже свергли царя. К нам в крепость неведомыми путями доходили волнующие вести о многих революционных преобразованиях, и в частности о захвате крестьянами помещичьих земель. В памяти не сохранились подробности разговоров на эту тему с Михаилом Николаевичем. Но я отлично помню, как один из пленных, богатый помещик Леонтьев, с возмущением жаловался мне на Тухачевского, защищавшего «взбунтовавшуюся чернь» и утверждавшего, что земля должна принадлежать тем, кто на ней работает.

Откровенное сочувствие революции еще больше усилило тягу Михаила Николаевича в Россию, заставило его пренебречь опасностями и форсировать свой побег.

Тут как раз подвернулся удобный случай: на основании международного соглашения военнопленным разрешили прогулки вне лагеря, хотя каждый должен был дать письменное обязательство не предпринимать при этом побега. Тухачевский и его товарищ капитан Генерального штаба Чернявский сумели как-то устроить, что на их документах расписались другие. И в один из дней они оба бежали.

Шестеро суток скитались беглецы по лесам и полям, скрываясь от погони. А на седьмые наткнулись на жандармов. Однако выносливый и физически крепкий Тухачевский удрал от преследователей. Через некоторое время ему удалось перейти швейцарскую границу и таким образом вернуться на родину. А капитан Чернявский был водворен обратно в лагерь.

Мы долго ничего не знали о судьбе Михаила Николаевича и очень волновались за него. Примерно через месяц после побега в одной из швейцарских газет прочитали, что на берегу Женевского озера обнаружен труп русского, умершего, по-видимому, от истощения. Почему-то все решили, что это Тухачевский. В лагере состоялась панихида. За отсутствием русского попа ее отслужил французский кюре.

И вдруг, когда я уже сам вернулся из плена и вступил добровольцем в Красную Армию, в оперативных сводках мне стала встречаться знакомая фамилия – Тухачевский. Первоначально мне даже в голову не приходило, что это тот самый поручик, с которым мы вместе мыкали горе в Ингольштадте. Был твердо уверен, что это однофамилец. Недоразумение разъяснилось лишь в 1924 году: на совещании в Реввоенсовете Республики я лицом к лицу встретился с Михаилом Николаевичем.

Я РЕКОМЕНДОВАЛ ЕГО В ПАРТИЮ Н. Н. КУЛЯБКО

Закончив музыкальную школу Гнесиных – было это в 1911 году, – я перешел учиться к профессору Николаю Сергеевичу Жилиеву. Как-то раз он посоветовал мне послушать способных мальчиков Тухачевских и указал их адрес.

– Пойдите, не пожалеете, – сказал Николай Сергеевич.

Так в 1912 году я познакомился с семейством Тухачевских.

В один из воскресных дней, когда я беседовал с двумя братьями Тухачевскими, пришел третий. Отец представил его мне. Это был Михаил Николаевич. Он только что окончил Московский кадетский корпус и поступал юнкером в Александровское военное училище.

Чтобы понять, какими глазами я в тот день смотрел на Михаила Николаевича, надо кое-что знать обо мне и моей семье. Уже тогда меня захватили революционные настроения. Я общался со своим дядей Юрием Павловичем Кулябко и его женой Прасковьей Ивановной. Они состояли в большевистской партии, активно участвовали в революции 1905 года. Ю. П. и П. И. Кулябко встречались с В. И. Лениным в Петербурге, а позже, когда он находился в эмиграции, ездили к нему за границу. Под их влиянием и мой отец, железнодорожный служащий Николай Павлович Кулябко, помогал большевикам, добывал оружие для боевых дружин, а моя мать Ядвига Иосифовна прятала в своей квартире революционеров, скрывавшихся от полиции.

К 1912 году мои политические взгляды уже определились, и я не без предубеждения отнесся к юнкеру Тухачевскому. «Будущая опора трона», – подумал я о нем. Однако не кто иной, как сам Михаил Николаевич, тут же заставил меня усомниться в правильности этого моего предположения.

Братья сообщили Михаилу, что они готовятся к посещению Кремлевского дворца, где обязательно будут «августейшие» особы. К моему удивлению, он встретил это сообщение довольно скептически.

– Что же, ты не пойдешь? – удивились братья.

– Меня это не очень интересует, – пожал плечами Михаил и заторопился к себе в училище.

Из дома мы вышли вместе. По дороге завели разговор о революции пятого года. Михаил с острым интересом расспрашивал меня, и я окончательно убедился, что мой спутник – юноша серьезный, думающий, отнюдь не разделяющий верноподданнических взглядов, характерных для большинства кадетов и юнкеров.

Постепенно я все больше проникался симпатией к Михаилу Николаевичу. Наши беседы раз от разу становились все более откровенными. Михаил не скрывал своего критического отношения к самодержавию и так называемому «высшему обществу».

Откуда взялось такое свободомыслие?

Вероятно, сказывались прежде всего воззрения, господствовавшие в семье Тухачевских. Да и сам Михаил, будучи юношей умным, впечатлительным, не мог оставаться равнодушным ко всем тем мерзостям, которые везде и всюду сопутствовали царизму.

Однажды я разговорился о Михаиле Николаевиче с его курсовым офицером А. М. Кавелиным (впоследствии он служил в 5-й армии, которой командовал М. Н. Тухачевский). И Кавелин признался, что его удивляет этот юнкер. Способный к военным наукам, начитанный, признанный авторитет среди товарищей, он оставался совершенно равнодушным к своей будущей карьере и месту «в свете».

Но я тогда уже неплохо знал Михаила Тухачевского и вполне понимал то, что оставалось еще загадкой для курсового офицера.

Летом 1914 года М. Н. Тухачевский закончил военное училище и был произведен в подпоручики. Его имя, как преуспевавшего в учении, значилось первым в списке выпускников. По существовавшим тогда правилам он мог сам выбирать себе место службы и избрал лейб-гвардии Семеновский полк, в котором некогда служил А. В. Суворов.

Выезд в полк совпал с началом первой мировой войны. Михаил Николаевич должен был догонять семеновцев, уже выступивших на фронт. Для него, безусловно, очень еще далек был тогда тезис большевиков о превращении войны империалистической в войну гражданскую. В то время многие честные интеллигенты находились в состоянии душевной раздвоенности: они ненавидели царизм, но любили родину, народ. Они считали, что, воюя против немцев, служат своей стране, а не царизму. Вероятно, и Михаил Николаевич испытывал нечто подобное. Во всяком случае, воевал он храбро и осенью 1914 года за отличие при наступлении в Галиции был награжден орденом Владимира IV степени.

Война разлучила меня с М. Н. Тухачевским на довольно длительный срок. Мы встретились вновь лишь в марте 1918 года. Он уже успел поработать в Военном отделе ВЦИКа. А меня IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов избрал членом ВЦИК. После переезда правительства из Петрограда в Москву я был назначен военным комиссаром штаба обороны Москвы, потом стал заместителем председателя Всероссийского бюро военных комиссаров. В эти дни как раз и возобновились наши дружеские связи с Михаилом Николаевичем.

Я видел, что он уже твердо стоит на позициях большевиков, слышал его восторженные отзывы о Владимире Ильиче и потому предложил ему вступить в ряды Коммунистической партии. М. Н. Тухачевский был глубоко взволнован этим предложением. Он очень серьезно обдумал его и согласился.

Вместе мы отправились в Хамовнический райком партии, который помещался тогда, кажется, на Арбате.

Я дал М. Н. Тухачевскому устную рекомендацию и подтвердил ее письменно. Делал это без малейших колебаний, твердо веря, что, став коммунистом, Михаил Николаевич принесет еще большую пользу Советской власти, которая очень нуждалась в преданных военных специалистах.

Во Всероссийском бюро военных комиссаров подбирались тогда кадры для так называемой Западной завесы. Она должна была прикрыть центр России на случай, если германские империалисты нарушат Брестский мир. По моему предложению М. Н. Тухачевский был назначен военкомом Московского района Западной завесы. А когда на Волге вспыхнул мятеж белочехов, я имел случай доложить о Тухачевском В. И. Ленину. Владимир Ильич очень заинтересовался им и попросил привести «поручика-коммуниста».

Присутствовать при состоявшейся вскоре беседе Владимира Ильича с Тухачевским мне не пришлось. Но со слов самого Михаила Николаевича кое-что знаю о ней. Владимир Ильич сразу задал ему два вопроса: при каких обстоятельствах он бежал из немецкого плена и как смотрит на строительство новой социалистической армии? Тухачевский ответил, что не мог оставаться в плену, когда в России развернулись революционные события, и затем стал подробно излагать свои мысли о том, как соединить разрозненные красногвардейские отряды в настоящую регулярную армию.

Видимо, эти мысли понравились Владимиру Ильичу, и очень скоро вчерашний поручик получил назначение на пост командующего 1-й Революционной армией Восточного фронта. Ему предоставили возможность самому сводить разрозненные отряды в регулярные соединения. И он, как говорится, не ударил лицом в грязь. Под его командованием 1-я Революционная армия одержала славные победы.

Михаил Николаевич называл меня партийным отцом и потому, очевидно, считал своим долгом отчитываться передо мной. Он часто писал мне о своих фронтовых делах. Письма эти, к сожалению, не сохранились. Но недавно товарищи передали мне копию уцелевшей телеграммы от 8 июля 1918 года. Вот ее текст:

«Лосиноостровская Нижегородская дача Ермакова – Николаю Кулябко. Тщательно подготовленная операция Первой армии закончилась блестяще. Чехословаки разбиты и Сызрань взята с бою.

Командарм 1-й Тухачевский».³

Это был первый успех Михаила Николаевича на Восточном фронте, и он делился своей радостью. Подписью «Командарм» он как бы говорил мне: «Смотри, я оправдываю твои надежды!»

Осенью 1919 года меня назначили членом Сибревкома. В только что освобожденном от колчаковцев Омске я опять встретился с моим давнишним другом. Надо ли говорить о том, как радостна была эта наша встреча, сколько волнующего о боях и походах узнал я от

³ ЦГАСА, ф. 157, оп. 3, д. 57, л. 167.

возмужавшего М. Н. Тухачевского. Но вскоре нам снова пришлось расстаться. Меня свалил тиф. Тухачевского ждали новые фронты, новые сражения. В памяти сохранилось относящееся к тому времени постановление Реввоенсовета Республики: «Наградить Командующего Пятой армией тов. Тухачевского за блестящее руководство победоносной армией орденом Красного Знамени».

С гордостью воспринял я это известие. Это чувство не раз посещало меня и в последующем, когда узнавал о победах наших войск под руководством М. Н. Тухачевского на Кавказском и Западном фронтах, при подавлении Кронштадтского мятежа и разгроме антоновщины.

Чуждый малейшей самоуспокоенности, М. Н. Тухачевский продолжал плодотворно трудиться и в мирное время, играя все более значительную роль в совершенствовании и оснащении нашей армии.

Узнав об аресте Тухачевского, я немедленно написал протестующее письмо Сталину. И тут же был арестован сам.

Прошли долгие годы, прежде чем меня реабилитировали. Но не меньшую радость принесла мне реабилитация моего незабвенного друга Михаила Николаевича Тухачевского, которого я рекомендовал в партию и который до конца был верным ее сыном.

КОМАНДАРМ – КОММУНИСТ **Б. Н. ЧИСТОВ**

Время, когда М. Н. Тухачевский командовал 1-й Революционной армией, несомненно, явилось для него периодом полководческого и партийного становления. Здесь он получил первую серьезную партийную закалку, которая в свою очередь способствовала развитию его как полководца нового типа.

Партийное возмужание Михаила Николаевича проявилось, в частности, в его тесном сотрудничестве с Симбирской большевистской организацией, отдавшей много сил делу создания 1-й армии.

Автор этих строк был тогда работником Симбирского комитета РКП (б), являлся членом партийной военной комиссии, и ему представилась счастливая возможность довольно близко наблюдать командарма-коммуниста.

Хорошо помню, как он появился в наших краях.

В последних числах июня 1918 года телеграф принял из Казани «Декрет № 8 Реввоенсовета Востфронта».⁴ Этим декретом смещался с поста командующего 1-й армией И. А. Харченко и назначался М. Н. Тухачевский. Фамилия нового командарма ничего нам не говорила. Тухачевского у нас не знали ни военные специалисты, ни партийные работники. Но от него ждали многого.

После жестоких поражений советских войск у Безенчука, у Липягов, под Самарой и Сызранью в район действий 1-й армии были двинуты новые отряды, созданные местными совдепами и присланные из центра. Прибыли три бронепоезда, броневики. Началось сведение разрозненных отрядов в группы.

После этого продвижение противника стало медленнее, однако решающего перелома не чувствовалось. Попытки координировать действия советских войск срывались не изжитой еще автономностью отдельных отрядов, предпочитавших вести войну партизанскими методами. Особенно отличались своеволием и недисциплинированностью отряды анархистов и левых эсеров.

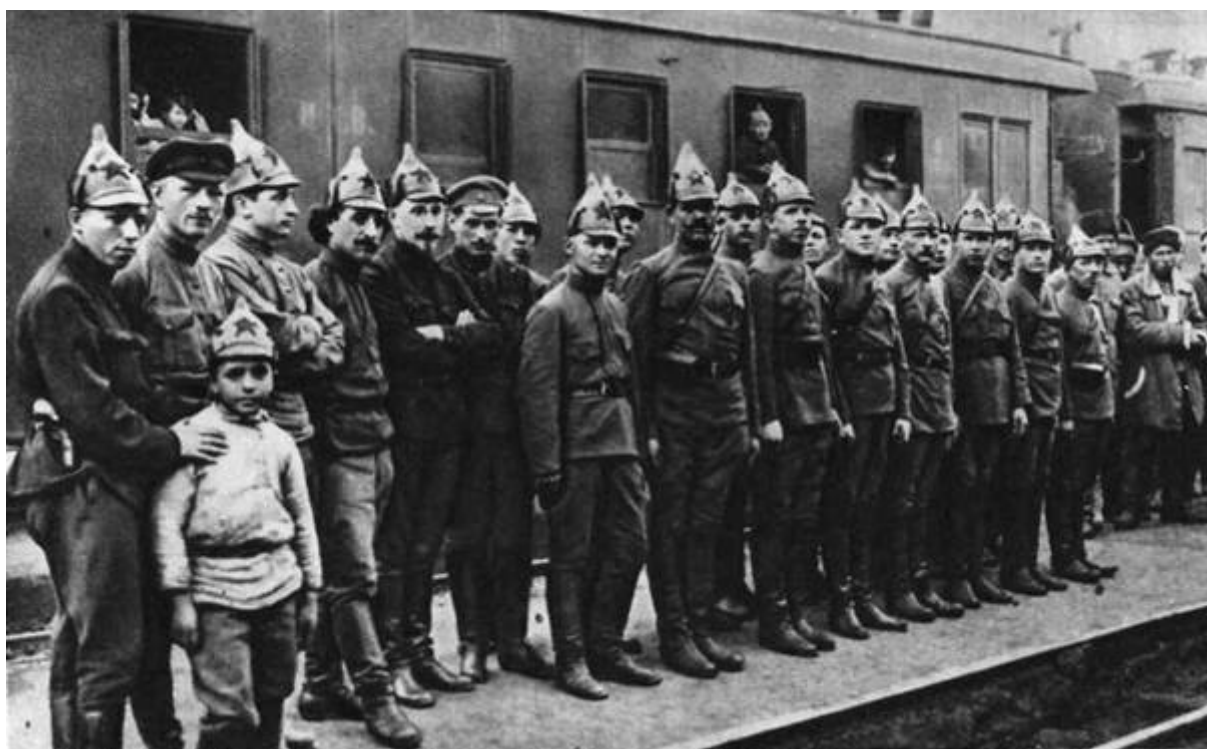
К объективным трудностям, неизбежным при перестройке разрозненных отрядов в регулярную Красную Армию, прибавлялась тайная дезорганизаторская деятельность главкома Востфронта М. А. Муравьева – соучастника заговора ЦК левых эсеров против

⁴ Так называл тогда свои приказы и постановления РВС Восточного фронта. (Прим. авт.)

Советской власти. Прикрываясь шумихой и показной деловитостью, он всячески стремился отеснить от руководства войсками большевиков и поставить на важнейшие командные посты «своих людей». Начальником обороны Уфы был назначен Ф. Е. Махина, засланный в Красную Армию правыми эсерами. Командующим Симбирской группой войск – крупнейшей в 1-й армии – был утвержден левый эсер Клим Иванов. Сообщником Муравьева был и Харченко.

Среди военных коммунистов и в прифронтовых большевистских организациях царил глубокая неудовлетворенность таким положением. Большевики еще не знали всей глубины предательства Муравьева, не предполагали, что Харченко сбежит потом к белым, но своей последовательной принципиальной борьбой с многочисленными их авантюрами срывали тайные замыслы изменников.

В этой борьбе видную роль сыграли старые партийцы – комиссар 1-й армии О. Ю. Калнин и председатель Симбирского комитета РКП (б) И. М. Варейкис. Они принимали все меры к тому, чтобы усилить позиции коммунистов в руководстве 1-й армией. С помощью приехавшего в Симбирск председателя Высшей военной инспекции Н. И. Подвойского им удалось добиться продвижения нескольких своих работников в губвоенкомат и штаб Симбирской группы войск. Затем О. Ю. Калнин сумел разоблачить Харченко, как бездельника и совершенно бездарного военного руководителя. Калнина решительно поддержали в этом отношении члены Реввоенсовета Востфронта П. А. Кобозев и Г. И. Благонравов, после чего Муравьев вынужден был согласиться на отстранение Харченко. Так был расчищен путь на пост командующего 1-й Революционной армией для М. Н. Тухачевского.

М. Н. Тухачевский и Г. К. Орджоникидзе у захваченного Красной Армией поезда Коледина

М. Н. Тухачевский на трибуне VII съезда Советов Белоруссии (1925 г.)

Симбирские коммунисты, естественно, связывали с новым командармом надежды на лучшее руководство войсками. И он не обманул этих надежд. Сразу же по вступлении Михаила Николаевича в командование 1-й Революционной последовала целая серия приказов, очень дельных по существу и бодрых по своему революционному духу. Группы войск преобразовывались в дивизии, штаб армии усиливался новыми работниками. Особенно важен был приказ о решительных мерах по укреплению революционной дисциплины.

М. Н. Тухачевский на строевом смотре частей Западного фронта (1920 г.)

Моя первая встреча с М. Н. Тухачевским произошла в здании бывшего кадетского корпуса, где размещались губисполком и комитет РКП (б). Там я бывал ежедневно. Работа в политотделе Симбирской группы войск не освобождала меня от моих прежних обязанностей. Я, как и раньше, ведал в Симбирском комитете большевиков партийной техникой.

И вот однажды (это было 3 июля 1918 года) И. М. Варейкис представляет мне молодого человека в ладно пригнанной военной форме:

– Знакомьтесь. Это и есть новый командарм В Инзе⁵ пока нет парткома, и товарищ Тухачевский хочет зарегистрироваться у нас.

Михаил Николаевич с приветливой улыбкой пожал мне руку и предъявил членский билет Коммунистической организации Хамовнического района Москвы...

Когда потом в клубе коммунистов я рассказывал друзьям о посещении Тухачевским комитета партии, они восприняли мое известие почти как победу на фронте. И действительно, это была победа в борьбе с левыми эсерами за позиции в армии. В нашей памяти было еще свежо недавнее горькое разочарование, когда приезжавший в Симбирск главком Муравьев не пожелал даже встретиться с коммунистами. Мы невольно сравнивали муравьевское высокомерие с партийной скромностью Тухачевского.

Михаил Николаевич прибыл в Симбирск, конечно, не только для того, чтобы стать на партийный учет. Вступив в командование 1-й Революционной, он сразу понял, что для превращения ее в действительно регулярную армию недостает многого: слишком мало рядового состава, остро чувствуется нехватка опытных командиров и штабных работников, плохо с вооружением. И новый командарм уже на четвертый день обращается за помощью к местным партийным организациям, устанавливает личный контакт с председателем

⁵ Инза была в то время местом расквартирования штаба 1-й армии.

Симбирского комитета РКП (б).

В этом заключался большой принципиальный смысл. Значит, в отличие от своего предшественника трудные задачи создания армии он хочет решать по-партийному, по-большевистски. Значит, сознает, что только при поддержке со стороны партийных организаций и совдепов можно будет поднять широкие массы трудящихся на борьбу с белыми.

При первой же встрече с М. Н. Тухачевским мне довелось стать свидетелем очень интересного разговора между ним и И. М. Варейкисом.

– У нас в Симбирске несколько тысяч офицеров, – говорил Варейкис. – Из них лишь единицы пошли в Красную Армию. Большинство выжидает. Две недели назад губчека раскрыла подпольную белогвардейскую организацию. Но из офицерства в ней участвовали сравнительно немногие, только сынки помещиков и купцов.

Тухачевский подхватил эту мысль:

– Я знаю настроения офицерства. Среди них есть отъявленные белогвардейцы. Но есть и искренне любящие свой народ, Родину. Надо помочь им пойти с народом, а не против него...

Михаил Николаевич увлек Варейкиса к дальнему столу, и они тут же составили совместный «Приказ по 1-й Восточной армии».⁶ В небольшом вводном абзаце этого документа разоблачалась роль иностранных империалистов, разжигавших гражданскую войну в России, и разъяснялся патриотический долг офицерства. Далее говорилось:

«Для создания боеспособной армии необходимы опытные руководители, а потому приказываю всем бывшим офицерам, проживающим в Симбирской губернии, немедленно стать под Красные знамена вверенной мне армии. Сегодня, 4 сего июля, офицерам, проживающим в городе Симбирске, прибыть к 12-ти часам в здание Кадетского корпуса, ко мне. Неявившиеся будут предаваться военно-полевому суду».

Приказ был опубликован в «Известиях Симбирского Совета» и расклеен по городу. Два дня подряд, 4 и 5 июля, в губвоенкомате М. Н. Тухачевский лично принимал бывших офицеров. В помощь себе по отбору специалистов он пригласил заместителя губвоенкома коммуниста Першина.

Как рассказывал потом Першин, беседы Тухачевского с бывшими офицерами отличались исключительным тактом. Новый командарм произвел на своих собеседников огромное впечатление, и не одна сотня офицеров благодаря ему перешла тогда на сторону Советской власти.

Показательно, что командующий Симбирской группой войск К. Иванов, левый эсер и тайный сообщник Муравьева, от участия в этой работе уклонился, заявив, что его штаб, губвоенкомат и части гарнизона военными специалистами уже укомплектованы. Каков же был подобранный Ивановым штаб группы, можно судить по тому, что при захвате Симбирска белыми он почти целиком перешел на их сторону. И наоборот, военные специалисты, приглашенные Тухачевским на службу в штаб 1-й армии, работали не за страх, а за совесть. Многие из них приобрели впоследствии широкую популярность на Восточном фронте. Таков, например, бывший подполковник И. Н. Устичев, ставший затем начальником административного отдела штаба 1-й Революционной армии, К. П. Диков – начальник оперативного отдела, его помощник И. И. Черноморцев, помощник начальника разведывательного отдела Б. Н. Арсеньев и другие.

Деятельность М. Н. Тухачевского по привлечению в Красную Армию военных специалистов была замечательным примером его умения подходить к сложнейшим вопросам с точки зрения государственных интересов. До того практиковалось привлечение в советские военные учреждения лишь отдельных лиц из старого генералитета и офицерства, и только на добровольных началах. Обязательный массовый призыв офицерства, проведенный М. Н.

⁶ Так называлась вначале 1-я Революционная армия.

Тухачевским в полосе фронта, был мероприятием в подлинном смысле новаторским. Тухачевский сумел на деле применить ленинскую идею о необходимости для пролетарской диктатуры использовать знания старой интеллигенции.

Позже И. М. Варейкис рассказывал, что комиссар 1-й армии О. Ю. Калнин поначалу отнесся к М. Н. Тухачевскому несколько настороженно. Ведь он дворянин и в недавнем прошлом – офицер царской армии.

Не обошлось без неприятных объяснений. Тухачевский сразу же хотел внести ясность, где кончается комиссарский партийный контроль и начинается недопустимое вмешательство в функции командующего.

– Поймите, – настаивал он, – я не просто военный специалист, а еще и коммунист.

Сохранился любопытный документ – запись переговоров по прямому проводу между М. Н. Тухачевским и политкомом Восточного фронта Г. Н. Благодеровым. Здесь Михаил Николаевич опять возвращается к тому же вопросу и с достоинством подчеркивает:

«Прошу не усматривать в этом прихоти. Я – партийный работник и достаточно дисциплинирован».⁷

Но, конечно, не словами, а прежде всего делами доказал новый командарм свою полнейшую преданность Советской власти и свое умение с партийных позиций подходить к решению любой задачи. В конце концов Калнин и все другие старые большевики поверили в него, стали горячо поддерживать.

М. Н. Тухачевский в полной мере оценил это и в последующем отмечал, что важнейшей причиной успехов 1-й армии был «счастливый подбор командного и комиссарского состава».⁸

Мысль очень верная. Именно благодаря сработанности командарма с комиссарами так целеустремленно формировалась 1-я армия, так укрепился ее революционный дух.

Относя самого себя к партийным работникам, а не «просто военным специалистам», Михаил Николаевич никогда не упускал случая принять личное участие в политическом воспитании войск. В этой связи мне опять приходит на память первый его приезд к нам в Симбирск.

Накануне возвращения в Инзу Михаил Николаевич еще раз зашел в комитет партии. Он принес текст обращения к красноармейцам 1-й Революционной армии и очень просил отпечатать его в Симбирской типографии, затем передать часть тиража штабу Симбирской группы войск, а остальное доставить в армейский штаб.

В интересном этом документе войскам разъяснялась необходимость перехода в наступление, с тем чтобы освободить от врага левобережье Волги и пути к сибирскому хлебу, спасти Советскую республику не только от иноземного нашествия, но и от голода. И тут же смело назывались недостатки, присущие в ту пору Красной Армии.

«Наши теперешние враги, – говорилось в обращении, – наемники контрреволюционеров... представляют хорошо дисциплинированные, вооруженные и испытанные в боях части. Поэтому до тех пор, пока мы слабо организованы, мы не в силах не только подавить и ликвидировать мятеж и контрреволюционное движение, но даже оказать самое необходимое сопротивление. Монархической дисциплине контрреволюционеров... мы должны противопоставить железную революционную самодисциплину».⁹

Незамедлительно началась и разработка плана наступления. Тухачевский замышлял

⁷ ЦГАСА, ф. 157, оп. 3, д. 57, л. 175.

⁸ Сб. «Годовщина Первой Революционной армии». М., 1920, стр. 8.

⁹ Сб. «1918 год на родине Ленина». Куйбышев, 1936, стр. 325.

нанесение главного массированного удара на Самару отрядами Сенгилеевской и Ставропольской групп. Их натиск предполагалось подкрепить речной флотилией и броневиками. Командарм считал, что вся организационная подготовка к этому может быть завершена до 15 июля. Но вмешался главком Муравьев и спутал все карты: он потребовал немедленного наступления, не дожидаясь сосредоточения необходимых для этого сил. Свой приказ Муравьев отдал через голову командования 1-й армии.

Как показали дальнейшие события, эта авантюра являлась преднамеренным вредительством. Разгром еще не вполне готовых к наступлению частей 1-й армии должен был облегчить Муравьеву контрреволюционный переворот на фронте, который он приурочивал к антисоветскому выступлению левых эсеров в Москве. Однако жаждущие победы, воодушевленные своим командованием войска 1-й армии опрокинули белогвардейцев и белочехов, взяли Сызрань и Бугульму. Только развить этот успех было нечем. Обещанный Муравьевым бронедивизион и другие подкрепления не прибыли.

1-я армия оказалась втянутой в неравные бои. А тем временем главком снимал с фронта отдельные, преимущественно анархистские и левоэсеровские, части и сосредоточивал их для чего-то в Казани и Симбирске.

В этой неясной обстановке М. Н. Тухачевский сам выехал в Симбирск, чтобы лично на месте разобраться во всем. Здесь его и застигли драматические события муравьевского мятежа.

Но прежде чем рассказать о роли Михаила Николаевича в этих событиях, автор должен перенестись далеко вперед, в тридцатые годы, когда на его долю выпали новые встречи с И. М. Варейкисом и М. Н. Тухачевским.

Вместе с директором Ульяновского краеведческого музея Б. Н. Афанасьевым я приехал в Воронеж. Бывший тогда секретарем партийной организации Центрально-черноземной области И. М. Варейкис обещал дать предисловие к подготовлявшемуся нами сборнику воспоминаний «1918 год на родине Ленина».

Иосиф Михайлович вызвал стенографистку и в нашем присутствии стал диктовать ей абзац за абзацем. Дойдя до того места, где речь пошла о 1-й Революционной армии, он подчеркнул:

«К числу выдающихся организаторов армии, которые вырастали при непосредственном руководстве Ленина, принадлежит наиболее талантливый, преданный, показавший себя на Восточном фронте во всей полноте своих способностей М. Н. Тухачевский».¹⁰

После этой фразы И. М. Варейкис задумался и вдруг перешел на беседу с нами:

– А знаете ли вы, историки, про мою встречу с Тухачевским за несколько часов до муравьевского мятежа? Михаил Николаевич пришел ко мне поздно вечером. Оба мы были полны тревоги за положение в стране и у нас на фронте в связи с левоэсеровским мятежом в столице. Тухачевский решительно заявил: «Если по вине этих негодяев начнется новая война с Германией и немцы займут Москву, то Красной Армии придется продолжать борьбу, базируясь на Волгу. Значит, надо спешить с разгромом Самарской учредилки, а Муравьев и в ус не дуется». Для меня тоже было ясно, что нельзя далее терпеть авантюриста Муравьева во главе Восточного фронта. Борьба большевиков с муравьевским левоэсеровским охвостом достигла предельной остроты. Обе стороны готовились прикончить своего противника. Различие заключалось лишь в методах. Мы еще считали Муравьева советским человеком и хотели лишь энергичным представлением в правительство добиться его отстранения от командования Восточным фронтом. Вероломный же негодяй Муравьев помышлял, вероятно, о физическом уничтожении Варейкиса и Тухачевского... Советую вам, историки, отразить в своих работах эту остроту ситуации. Настоятельно рекомендую поговорить с Тухачевским. Он расскажет вам такое, о чем вы и понятия не имеете.

Я последовал совету И. М. Варейкиса. Мне удалось попасть на прием к М. Н.

¹⁰ Сб. «1918 год на родине Ленина», стр. 76.

Тухачевскому, занимавшему тогда пост заместителя наркома обороны. Михаил Николаевич приветствовал меня как «земляка», извинился, что из-за занятости не может уделить мне много времени. Но потом увлекся и нарисовал в подробностях обстоятельства своего ареста Муравьевым.

А в конце беседы достал из стола наш сборник «1918 год на родине Ленина» и с некоторой укоризной сказал:

– Зачем вы так выпячиваете мою персону? Вот, например, даете заголовок: «Тухачевский готовит окружение и разгром белых». Разве это по-марксистски?! Я готовил это не один, принимал решения совместно с другими членами Реввоенсовета. Так что правильнее было бы написать: «Командование 1-й армии готовит окружение и разгром белых».

После этой справки вернусь к событиям, связанным с муравьевским мятежом. Думаю, что читатель уже догадался, для чего мне потребовалось перескакивать с 1918 на 1935 год: я намереваюсь рассказать здесь о муравьевском мятеже не только то, что помню сам, но и то, о чем узнал много лет спустя от М. Н. Тухачевского.

Итак, 9 июля 1918 года командарм 1-й Революционной выехал в Симбирск. Следующее утро застало его на станции Киндяковка. Он сидел в своем служебном вагоне и писал рапорт Муравьеву:

«Еду на Инзу – Сызрань. Сызрань оставлена. Хотел еще вчера начать наступление всеми силами, но броневому дивизиону было Вами запрещено двигаться, а поэтому наше наступление на Усолье и Ставрополь велось лишь жидкими пехотными частями. Совершенно невозможно так стеснять мою самостоятельность, как это делаете Вы.

Мне лучше видно на месте, как надо дело делать. Давайте мне задачи, и они будут выполнены, но не давайте рецептов – это невыполнимо... Армии, согласно уставу... получают только задачи и директивы самого общего характера. Даже приказание армиям избегают давать. Вы же командуете за меня и даже за моих начальников дивизий.

Может быть, это было вызвано нераспорядительностью прежних начальников, но мне кажется, что до сих пор я не мог бы вызвать в этом отношении Вашего недовольства...»

Документ этот ярко отражает характер М. Н. Тухачевского – его смелость, принципиальность, уверенность в своих действиях.

Отослать свой рапорт Михаил Николаевич не успел. Приехал на автомашине адъютант Муравьева и передал приказание главкома: немедленно явиться для доклада на штаб-яхту «Межень».

Это было очередное вероломство, заранее подготовленная ловушка. Муравьев уже начал свой мятеж. Накануне он пытался захватить в Казани бразды правления и арестовать членов РВС фронта. Но это ему не удалось. Он сам попал под негласный арест. Однако сумел ускользнуть на пароходе в Симбирск и, пользуясь положением главкома, вывел с собой из Казани некоторые воинские части.

Симбирск был вторым пунктом, где Муравьев готовил свои акции, опираясь на левых эсеров и вызванные с фронта воинские части. Войскам он объявил, что немцы, нарушив Брестский мир, начали наступление и ему, мол, ничего не остается, кроме как взять на себя все руководство священной войной против германского империализма.

По какой-то причине Реввоенсовет Востфронта не сумел предупредить Симбирский комитет большевиков об измене и бегстве Муравьева. В городе ничто не предвещало надвигающейся беды. Лишь на пристани Тухачевский был несколько удивлен необычным скоплением войск.

Муравьев с деланным радушием принял Михаила Николаевича на верхней палубе парохода. Но Тухачевский отказался от угощения и стал устно излагать ему то, что было написано в неотправленном рапорте. Муравьев слушал, криво усмехаясь. За истекшие две недели он сделал все (вплоть до задержки жалования красноармейцам), чтобы подорвать авторитет нового командарма в войсках. А теперь решил попытаться склонить бывшего

поручика к участию в антисоветском выступлении, – Ваш доклад, ваши тревоги и ваши выпады против меня уже неуместны, – резюмировал Муравьев. – Введу вас в курс начавшихся новых исторических событий. Брестский мир разорван. Война с Германией стала фактом. Немцы заняли Оршу и наступают на Москву. Совнарком колеблется: капитулировать ли перед кайзером или начать революционную войну с Германией. В этот час мы с вами должны принять ответственные решения, диктуемые нам любовью к родине. Под нашим командованием самые надежные войска. Давайте вместе подумаем, что нам предпринять...

Потом словоохотливо принялся объяснять, что англичане и американцы якобы предвидели нынешнюю ситуацию и заблаговременно высадились в Мурманске и на Дальнем Востоке. Они будто бы рассматривают спровоцированный на восстание чехословацкий корпус как авангард в организации отпора немцам.

Тухачевский сразу понял, куда клонит предатель. Едва сдерживая негодование, он заявил, что не согласен с оценкой обстановки.

– Если война с Германией – факт, – отвечал он, – то наш с вами долг нанести сокрушительный удар по белогвардейцам и белочехам, разгромить их прежде, чем на Волге появятся «союзники», и тем самым обезопасить тыл Красной Армии.

Тут же Михаил Николаевич напомнил, что, как только левые эсеры совершили провокационное убийство германского посла Мирбаха и страна оказалась под угрозой новой войны с Германией, он, командарм 1-й, предложил Реввоенсовету Востфронта план немедленного разгрома белогвардейщины в Самаре.

– Вам этот план, конечно, доложен, и вот его я хотел бы обсудить, – сказал Тухачевский.

Это был гордый категорический отказ от участия в грязной аванюре. Однако Муравьев не отступал. Он пустил в игру новый козырь:

– Поручик Тухачевский, вы же русский дворянин! Обещаю вам любой ответственный пост в войсках, которые я организую на Волге, объединив Красную Армию с чехословаками.

Развернув полевую книжку, он предложил Тухачевскому отшлифовать уже заготовленный приказ чехословацким эшелонам.

– Через час, – заявил Муравьев, – этот приказ будет передан по радио на ту сторону фронта.

И самодовольно прочитал свое творение: «От Самары до Владивостока всем чехословацким командирам! Ввиду объявления войны Германии приказываю вам повернуть эшелоны,двигающиеся на восток, и перейти в наступление к Волге и далее на западную границу. Занять на Волге линию Симбирск – Самара – Саратов – Балашов – Царицын, а в северо-уральском направлении Екатеринбург и Пермь. Дальнейшие указания получите особо. Главнокомандующий армии, действующей против германцев, Муравьев».¹¹

Сомнений не оставалось: Муравьев открывал фронт интервентам. Тухачевский встал:

– Нам не о чем более говорить. Вы – изменник!

Тогда Муравьев приказал арестовать Тухачевского. Однако он не оставил арестованного на пароходе, а усадил к себе в машину и вместе со своим штабом поехал в город. Видимо, у предателя еще теплилась надежда втянуть Михаила Николаевича в свою компанию, поколебать его видом заранее отрететированного присоединения к мятежу некоторых воинских частей.

Так Тухачевский получил возможность наблюдать почти театральное представление, где Муравьев исполнял роль Бонапарта, слышать демагогические речи этого авантюриста перед бронедивизионом, который предназначался для развития первоначального успеха 1-й армии, но по вине эсеров застрял в Симбирске.

¹¹ Текст приказа воспроизводится здесь по газете «Вечерняя заря» (орган Самарского комитета меньшевиков), Самара, 1918 г., 20 августа.

Бесстыдно обманывая солдат, Муравьев заявил, будто Тухачевский и Симбирский совдеп хотели арестовать и расстрелять их командира. Те клюнули на эту удочку. Нашлись истерики, а возможно, и специально подобранные негодяи, которые стали требовать немедленного расстрела Тухачевского. Однако Муравьев решил блеснуть своим великодушием.

– Это всегда успеется, – возразил он и велел взять арестованного под стражу.

Тухачевский был водворен в вагон. Для охраны его Муравьев выделил две бронемшины, а с остальными двинулся в центр города и блокировал здание, в котором размещались Симбирский губисполком и комитет большевиков.

В тот же день на совещании с местными левыми эсерами Муравьевым была провозглашена «Поволжская республика» и сформировано «правительство». После «освобождения Москвы» в состав последнего предполагалось ввести членов ЦК левых эсеров и представителей от левых коммунистов. Чтобы прикрыть контрреволюционную сущность мятежа, его главари пытались склонить на свою сторону и коммунистическую фракцию губисполкома.

Коммунисты во главе с И. М. Варейкисом согласились выслушать Муравьева. Надо было выиграть время. В частях обманутого Симбирского гарнизона широко развернули нелегальную работу большевистские агитаторы. Некоторые из агитаторов, в том числе и автор этих строк, были схвачены муравьевцами. Но красноармейцы уже узнали правду, и в комитет партии одна за другой потянулись делегации от войск с заявлениями о верности совдепу и готовности бороться с изменниками.

Не бездействовал и Тухачевский. Он быстро сориентировался, как следует вести себя в обстановке мятежа, построенного на бессовестном обмане бойцов.

Вот что рассказывал об этом сам Михаил Николаевич:

«Я остался арестованный в одном из вагонов команды броневиков, окруженный часовыми... Когда среди них улеглось первое возбуждение, я начал агитацию против Муравьева. На вопрос одного из них, за что я арестован, я ответил: «За то, что большевик». Это произвело сильное впечатление, так как почти все они были большевиками. Я объяснил им, что происходило в эти дни в Москве. Тут они поняли, что пошли против себя, примкнув к Муравьеву. Они много совещались и тайно послали, наконец, делегатов к своим товарищам, к Совету.

Через несколько часов пришло известие, что команда броневиков тайно решила арестовать Муравьева и своего командира. Я был освобожден...».¹²

В ночь на 11 июля в здании бывшего Кадетского корпуса наступила развязка событий. Муравьев, явившийся на заседание Симбирского губисполкома с довольно многочисленной эсеровской свитой, был решительно разоблачен как предатель и изолирован. Он пытался вырваться, но в дверях натолкнулся на засаду, открыл стрельбу, ранил нескольких бойцов и ответными выстрелами был убит сам. Его сообщники тотчас же без сопротивления подняли руки.

Главный организатор героической ликвидации мятежа И. М. Варейкис взял на себя командование войсками, верными Совету. Немедленно была организована боевая экспедиция для разоружения штаба Муравьева. Комната президиума губисполкома сама превратилась в импровизированный штаб.

Здесь мне довелось быть свидетелем еще одной встречи Тухачевского с симбирскими коммунистами. Произошла она рано утром 11 июля. По залу, примыкавшему к комнате президиума губисполкома, раздались четкие быстрые шаги, и в проеме распахнувшейся двери мы увидели командарма 1-й. Он прибыл со станции на автомобиле бронедивизиона.

Варейкис встал из-за стола и пошел навстречу Тухачевскому. Они обнялись и долго,

¹² Письмо М. Н. Тухачевского в Наркомвоен. См. сб. «1918 год на родине Ленина», стр. 331–332.

крепко жали друг другу руки.

Тухачевский, невзирая на пережитое, как всегда подтянутый и бодрый, доложил обо всем, что с ним произошло, и пожалел, что в решительный момент не был здесь вместе со всеми товарищами.

– Пусть вас это не тревожит, – успокоил его Варейкис. – Ваша твердая линия в Первой армии была чрезвычайно важна для борьбы партии с муравьевщиной.

И, улыбнувшись, добавил:

– В эту ночь мы победили агитацией. И тут вы, товарищ Тухачевский, тоже показали себя грозным противником контрреволюции.

Эти слова вызвали веселое оживление. Смех развеял кошмар минувшей ночи.

Варейкис предложил Тухачевскому возглавить войска в Симбирске.

Тухачевский взял под козырек.

Со свойственной ему энергией он принял меры, диктовавшиеся обстановкой. Была введена усиленная охрана важнейших объектов города, в войска пошло оповещение, которым отменялись все изменнические приказы Муравьева, произошла замена командования Симбирской группы войск.

Тут же Тухачевский вместе с председателем губисполкома М. А. Гимовым подписал воззвание к красноармейцам и трудящимся Симбирской губернии, объяснявшее последние события.

Ликвидация муравьевского мятежа предотвратила грозную опасность, нависшую над Советской республикой. Но Симбирск все же не удалось отстоять. Измена главкома очень болезненно сказалась на войсках: появилось огульное недоверие ко всем командирам, ослабла дисциплина. Белогвардейцы не замедлили воспользоваться этим. От обороны они перешли к наступательным действиям, и наши части, до того великолепно сражавшиеся, оказались не в состоянии противостоять их натиску. Фронт стремительно покатился к западу.

М. Н. Тухачевский больно переживал неудачи армии, но не терял присутствия духа. Он работал без отдыха, без сна. Не ограничивался одними лишь оперативными распоряжениями, а широко пользовался и средствами политического воздействия на подчиненных.

Вспоминаю случай с Уфимским коммунистическим инженерным отрядом. Одно время в этот отряд проникли паникерские настроения. Люди были подавлены поражениями, понесенными на пути от Уфы к Симбирску, и всячески стремились уйги подальше в тыл.

Командир отряда поплелся в хвосте этих настроений. Более того, попытался оправдать их. В рапорте командарму он доказывал неправильность использования технического отряда в качестве пехоты и настаивал на отправке в Казань для переоснащения.

При нормальной боевой обстановке это могло быть правильным. Но под Симбирском зрела катастрофа, и для предотвращения ее приходилось прибегать к сверхординарным мерам. Тухачевский приказывает отряду остаться в Симбирске и обращается к партийной совести бойцов. Он зовет их выполнить революционный долг.

«Как командарм и коммунист, – пишет он, – считаю, что выставленные Вами мотивы не освобождают Вас от обязанности защищать Советскую власть в Симбирске в столь критический момент. До сих пор я еще никогда не слышал, чтобы члены нашей партии отказывались бороться за Советы.

А потому вперед! Я еду вместе с Вами!»¹³

Это возымело свое действие. Уфимский отряд честно дрался на подступах к Симбирску.

¹³ ЦГАСА, ф. 157, оп. 3, д. 26, л. 70.

Михаил Николаевич понимал, что в условиях упадка морального духа войск командиры всех степеней должны быть поближе к бойцам. Поглощенный бесконечным множеством обязанностей, он находит время побывать то в одной, то в другой части.

Тяжелая ситуация создалась в 4-м Латышском стрелковом полку. Этот полк, только что выведенный в резерв после почти двухмесячных боев на сызранском направлении, отказался выполнить приказ о выступлении под Симбирск. Увещевания командира и комиссара полка не помогли. Но вот среди латышских стрелков появляется командарм и во всеуслышание объявляет, что если они не выступят, то он возглавит их командиров и сам пойдет на выручку 1-го Латышского полка, сражающегося в Симбирске во вражеском окружении. Стрелки заколебались, стали митинговать» 170 человек вместе с командирами и политработниками сомкнулись вокруг Тухачевского. Образовавшийся таким образом отряд стал без промедления грузиться в эшелон. Это окончательно переломило настроение у остальных. 4-й Латышский стрелковый полк вновь обрел боеспособность.

М. Н. Тухачевский умел руководить войсками не только из штаба, но и находясь на линии огня или в важнейших пунктах тылового обслуживания. Эти его методы не были вначале поняты новым главкомом Востфронта И. И. Вацетисом. Однажды Вацетис в довольно грубой форме телеграфировал командарму 1-й, чтобы тот побольше находился в штабе армии. Михаил Николаевич ответил на это очень тактично, но с присущим ему достоинством. Вот его телеграмма Вацетису:

«Получил Ваше приказание находиться при штабе, а не болтаться в тылу. Я не осмеливаюсь возражать, но думаю, что Вам не известна моя работа... Большую часть времени я находился на передовых позициях, а в Пензу ездил, чтобы устроить бежавшие части и набрать артиллеристов и инженеров.

Мне совестно оправдываться, но я никак не ожидал, чтобы моя работа была оценена как бездеятельность. Если Вы разрешите, то я, когда затихнут бои, приеду к Вам с подробным докладом для выяснения некоторых чрезвычайно важных общих положений...»¹⁴

Это деликатное, но твердое возражение Вацетис оставил было без последствий. Но от Тухачевского трудно было отделаться молчанием, когда решался принципиальный вопрос. Михаила Николаевича решительно поддержал политический комиссар армии В. В. Куйбышев. Вместе они направили главкому еще одну телеграмму, в которой с некоторой иронией просили об отмене запрета командарму выезжать из штаба и предоставлении ему полной свободы действовать в пределах поставленных задач.¹⁵

Ответ на это последовал 31 июля: «Не считайте ту мою телеграмму категорическим императивом для себя».¹⁶

Таким образом, практикуемый М. Н. Тухачевским стиль руководства войсками и тылом получил наконец признание со стороны И. И. Вацетиса.

Огромная работа дала свои плоды. Выросшая, окрепшая, спаянная революционной дисциплиной 1-я армия блестящим маневром разбила врага и через полтора месяца вернула оставленный в июле Симбирск. М. Н. Тухачевский вошел в город во главе победоносных войск и счел своим товарищеским партийным долгом тотчас же снестись с признанным руководителем симбирских большевиков И. М. Варейкисом. Он послал в Алатырь следующую телеграмму:

¹⁴ ЦГАСА, ф. 157, оп. 3, д. 57, л. 165.

¹⁵ ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 45, л. 549.

¹⁶ Т а м ж е, л. 548.

«Двенадцатого сентября Симбирск взят. Прошу Совдеп возвратиться в Кадетский корпус и принять управление городом».¹⁷

Немногословная эта депеша как бы подводила итог нелегкому пути, пройденному М. Н. Тухачевским вместе с симбирскими коммунистами.

В начале 1919 года М. Н. Тухачевский получил новое назначение. К этому времени 1-я армия одержала уже победы под Бугурусланом, Бузулуком и приближалась к Оренбургу. Симбирск остался далеко в тылу. Но Михаил Николаевич не забывал о дружбе, которая связывала его с симбирской большевистской организацией.

Перед отъездом на Южный фронт он написал два прощальных письма. Одно – войскам 1-й Революционной армии, второе – симбирским коммунистам. В последнем говорилось:

«Глубокоуважаемый т. Варейкис! Приказом Революционного Военного Совета Республики я назначен помощником командующего Южным фронтом. Уезжая и покидая Симбирскую губернию, с таким напряжением обороняемую и наконец возвращенную Советам, в Вашем лице, товарищ Варейкис, искренне и горячо благодарю Симбирский комитет нашей партии.

Я открыто говорю, что дело создания 1-й армии и изгнания контрреволюции никогда не могло бы осуществиться, если бы Симбирский комитет партии и исполком не пришли на помощь.

В том единомыслии, какое у нас с Вами было, мне легко было работать... Еще раз горячий привет всем дорогим товарищам коммунистам...»¹⁸

Симбирская партийная организация и поныне помнит этот привет. Коммунисты города, носящего ныне великое имя – Ульяновск, свято чтят выкованную в годы гражданской войны боевую дружбу с выдающимся советским полководцем М. Н. Тухачевским. Они хранят в своих сердцах светлый образ командарма-большевика.

В ДНИ ВОЙНЫ И В ДНИ МИРА ГЕНЕРАЛ-МАЙОР Н. И. КОРИЦКИЙ

Первые годы Советской власти стали уже достоянием истории. Новые поколения узнают о них только из книг. А для нас – это пора нашей незабываемой молодости. Именно тогда фронтовая судьба свела меня с одним из самых выдающихся и прекрасных людей, каких я когда-либо знал, – с Михаилом Николаевичем Тухачевским. О нем я и хочу рассказать в этих отрывочных записках.

Во главе 1-й Революционной

С Михаилом Николаевичем Тухачевским меня познакомил М. Н. Толстой, который вместе с ним учился в гимназии. Встреча произошла летом 1918 года. Я и Толстой в то время служили в инструкторском отделе Пензенского губвоенкомата.

Пенза только оправлялась после мятежа контрреволюционного чехословацкого корпуса. Город еще носил следы уличных боев; окраины были изрыты окопами, на улицах – неразобранные баррикады, на стенах домов – царапины от шрапнели.

Покинув Пензу, белочехи направились на Сызрань – Самару. Под их крылышком в Самаре образовалось контрреволюционное правительство «Комуч»,¹⁹ начала формироваться

¹⁷ Сб. «1918 год на родине Ленина», стр. 335.

¹⁸ Газета «Пролетарий», орган Симбирского губкома РКП (б), № 58, 11 февраля 1919 г.

¹⁹ Комуч – Комитет членов Учредительного собрания – образовался в результате тайного сговора между ЦК партии эсеров и агентами Антанты. Состоял главным образом из эсеров – бывших членов распущенного в январе 1918 г. Учредительного собрания. Ставил своей целью поднять мятежи на окраинах России и свергнуть

белогвардейская «народная» армия. В оренбургских и уральских степях разбойничали банды атамана Дутова.

Развертывался Восточный фронт гражданской войны, и Пенза стала одной из его баз.

Михаил Николаевич Тухачевский появился здесь 15 или 16 июля. А 18-го числа в губернской газете был опубликован и во многих местах города расклеен приказ:

«Для создания боеспособной Красной Армии все бывшие офицеры-специалисты призываются под знамена.

Завтра, 19 сего июля, все бывшие артиллеристы и артиллерийские техники, офицеры-кавалеристы и офицеры инженерных войск должны явиться в губернский военный комиссариат в 16 часов.

Все бывшие офицеры пехоты должны явиться 20 июля в 12 часов туда же.

Призываются офицеры от 20 до 50 лет.

Не явившиеся будут преданы военно-полевому трибуналу».

Подписали этот документ три лица: командующий 1-й Революционной армией Тухачевский, комиссар армии Калнин и председатель губернского Совета Минкин.

Приказ взбудоражил не только офицеров, но и все население Пензы. Встревожилось и контрреволюционное подполье. Эсеры и меньшевики понимали, что военные специалисты, работая под контролем комиссаров, умножат силы Красной Армии.

Начались провокации. По городу поползли слухи: большевики, мол, собирают офицеров для того, чтобы бросить их в тюрьму и затем расстрелять. А красноармейцам нашептывалось, что на их шею опять сажают «золотопогонников», возрождают в армии старорежимные порядки.

Для разоблачения этой злостной клеветы Пензенская партийная организация приняла энергичные меры. На митингах и в беседах коммунисты разясняли офицерам, что служба в Красной Армии – это их патриотический долг, к выполнению которого призывает Советская власть. Помню, как горячо выступал комиссар инструкторского отдела губвоенкомата тов. Соловьев:

– С кем вы, русские офицеры? – взволнованно спрашивал он. – С народом или против народа?..

Наступило 19 июля. Еще задолго до 16 часов к губвоенкомату, разместившемуся в доме, который недавно занимал архиерей, стали стекаться офицеры. Приходили поодиночке и группами, некоторые с женами, с родными.

Ровно в 16 часов начался прием. В зале бывшей архиерейской трапезной за большим столом, накрытым красной кумачовой скатертью, сидели командарм Михаил Николаевич Тухачевский, политический комиссар армии Оскар Юрьевич Калнин, начальник административного управления Иван Николаевич Устичев. Представителем Совета и губкома партии был комиссар инструкторского отдела военкомата Соловьев.

Незадолго до приема Толстой представил меня Тухачевскому. Я остался в зале и мог наблюдать за Михаилом Николаевичем, слушать, как и о чем он беседует с мобилизованными.

Подходя к столу, офицеры по укоренившейся привычке опраивали гимнастерки, подтягивались и четко представлялись: «поручик такой-то», «капитан такой-то». Они обычно обращались к Устичеву. Им imponировали солидность и осанка Ивана Николаевича, седеющие пушистые усы, суровый взгляд из-под золотого пенсне. Устичев имел в старой армии звание подполковника, но по виду его вполне можно было принять за генерала. Некоторые офицеры так и обращались к нему: «Ваше превосходительство».

Иван Николаевич тактично перебивал таких и жестом указывал на сидевшего рядом с

Советскую власть. К началу августа 1918 г. с помощью бело-чехов и кулачества захватил бразды правления в ряде губернии Поволжья и Приуралья, приступил к формированию своей армии. После образования «Уфимской директории» Комуч был переименован в «Съезд членов Учредительного собрания», а затем 3 декабря 1918 г. ликвидирован Колчаком, объявившим себя «верховным правителем России».

ним Тухачевского:

– Представляйтесь товарищу командующему.

Он нарочито подчеркивал «товарищу», стараясь тем самым вернуть забывшихся к действительности.

Офицеров поражала молодость командарма. Михаилу Николаевичу было тогда 25 лет.

Он сидел в туго перехваченной ремнем гимнастерке со следами погон на плечах, в темно-синих, сильно поношенных брюках, в желтых ботинках с обмотками. Рядом на столе лежал своеобразный головной убор из люфы, имевший форму не то пожарной каски, не то шлема, и коричневые перчатки.

Манеры Михаила Николаевича, его вежливость изобличали в нем хорошо воспитанного человека. У него не было ни фанфаронства, ни высокомерия, ни надменности. Держал себя со всеми ровно, но без панибратства, с чувством собственного достоинства.

Весь облик командарма, его такт и уравновешенность действовали на мобилизованных успокаивающе.

Свою беседу Тухачевский начинал обычно вопросом:

– Хотите служить в Красной Армии?

Ответы были разные, подчас маловразумительные: «Что ж, приказ есть приказ», «Раз призывают, повинуюсь». Некоторые вступали в объяснения, жаловались на усталость, ссылались на болезни, раны и т. д. Случались и другие ответы: «Я, товарищ командующий, по призыванию военный, вне армии мне тяжело, я люблю свою родину, но... ведь нам, офицерам, не доверяют».

Это было понятно Михаилу Николаевичу. Он хорошо знал психологию русского офицерства, знал, как тяжело честным патриотам огульное недоверие.

Солдаты и рабочие имели основания для такого недоверия. Веками помещичье-дворянский офицерский корпус был оплотом царского трона. В офицере солдаты видели прежде всего барина-крепостника. Еще не забылись карательные отряды, возглавляемые офицерами, расстрелы по их команде рабочих демонстраций.

Офицерам, которых от вступления в Красную Армию удерживало недоверие солдат, Михаил Николаевич говорил примерно так:

– Чувствовать по отношению к себе подозрительность очень тягостно. Я испытал это. Но ведь доверие само собой не возникает. Его надо заслужить, завоевать. А чем офицер может завоевать доверие и авторитет у солдат? Во-первых, честностью, во-вторых, отличным знанием своего дела и, в-третьих, любовью к солдату, заботой о нем, уважением в нем человеческого достоинства.

Многим, очень многим офицерам помог Михаил Николаевич стать на путь служения Советской Родине...

Поздно закончился первый день работы комиссии по отбору мобилизованных. Выходя из военкомата, Тухачевский предложил мне и Толстому пройтись.

Стояла теплая июльская ночь. Пенза была погружена в сон. Пустынные улицы с деревянными тротуарами слабо освещались редкими фонарями. Наши шаги гулко раздавались в тишине. Из подворотен на них откликались собаки.

С наслаждением вдыхая свежий воздух, мы шли по хорошо знакомому Михаилу Николаевичу пути к вокзалу. Разговор вели между собой Толстой и Тухачевский, вспоминали гимназические годы, товарищей, педагогов, общих знакомых.

Толстой по образованию был инженер-технолог, в войну окончил Николаевское военное инженерное училище и стал поручиком лейб-гвардии саперного батальона. Батальон этот входил в тот же самый гвардейский корпус, что и лейб-гвардии Семеновский полк, где служил Тухачевский.

Между прочим, вспомнили и Марию Владимировну Игнатьеву, дочь машиниста пензенского депо. В гимназические годы она была постоянной «дамой» Тухачевского на

балах.²⁰

Прощаясь с нами у салон-вагона, Михаил Николаевич спросил:

– Ну, а как вы решаете – остаетесь работать в Пензе или поедете в действующую армию?

Очевидно, он был уже осведомлен о том, что я с конца 1917 года служил инструктором в Красной гвардии, что в дни чехословацкого мятежа мы с Толстым стали членами оперативного штаба губвоенкомата. Пензенская партийная организация, Совет депутатов нам доверяли. Но вопрос Михаила Николаевича не застал нас врасплох. Не сговариваясь, мы ответили:

– Поедем!

Толстому Тухачевский предложил должность для особых поручений по инженерной части при командарме, а мне – начальника штаба Симбирской группы войск. Мы согласились с этим.

Меня, правда, точило одно сомнение. Будучи в Москве делегатом первого съезда Всевобуча от Пензенского губвоенкомата, я встретился со многими своими фронтовыми товарищами, намеревавшимися поступить в Академию Генерального штаба, расформирование которой приостановил своим личным распоряжением Владимир Ильич Ленин. Открытие Академии намечалось на осень, я подал рапорт о зачислении в ее слушатели, получил согласие и, вернувшись в Пензу, стал готовиться к экзаменам.

Не стал скрывать этого от Михаила Николаевича и тут же услышал в ответ:

– А знаете, я тоже мечтаю об академии! Но война – лучшая подготовительная ступень к этому. Особенно нынешняя, гражданская, где так много нового, не похожего на все войны прошлого. Давайте после победы поступать в академию вместе...

Массовая мобилизация офицеров в Красную Армию была мероприятием большой практической и политической важности. Своего пролетарского командного состава, обладающего хотя бы минимальной военной подготовкой, Советские Вооруженные Силы еще не имели. Для этого требовалось время. А его не оказалось. Развертывались все новые фронты, формировались новые армии, нужда в тысячах командиров всех степеней все обострялась.

Только Ленин нашел путь к решению этой неотложной проблемы кадров. Он предложил призывать в армию военных специалистов, возложив на политических комиссаров ответственность за их перевоспитание и контроль за добросовестным выполнением ими своих задач.

10 июля 1918 года V съезд Советов вынес постановление о необходимости широкого использования опыта и знаний военных специалистов. Декрет же Совета Народных Комиссаров о призыве офицеров в Красную Армию был издан 29 июля 1918 года. Таким образом, мобилизацию офицерства, проведенную Михаилом Николаевичем Тухачевским 4–5 июля в Симбирске и 19–20 июля в Пензе, надо считать первым пробным шагом. У нас нет точных данных, но можно предположить, что по этому принципиальному и очень щепетильному вопросу Тухачевский получил указания от Владимира Ильича во время беседы с ним перед отъездом на Восточный фронт.

Из Пензы все мобилизованные офицеры направлялись на станцию Инза, в расположение штаба 1-й Революционной армии. Для этого был сформирован поезд особого назначения, к которому прицепили и салон-вагон командующего. Меня назначили начальником эшелона, и мы с Толстым разместились в отдельном купе мягкого пульмана.

В пути Михаил Николаевич пригласил нас к себе на чай. Его салон-вагон, ранее принадлежавший какому-то крупному железнодорожному чиновнику, был комфортабелен и удобен для работы. Здесь стоял письменный стол, тяжелые кресла красного дерева; у

²⁰ Позже Мария Владимировна стала женой М. Н. Тухачевского. Сопутствовала ему на фронтах гражданской войны и трагически погибла в Смоленске в 1920 г.

кожаного дивана – круглый столик. За ним мы и пили чай.

Разговор перескакивал с одной темы на другую. За окном мелькали поля, луга. Сменялись привычные картины матушки-Руси с ее нищенскими деревушками, погостами да деревянными церковками. На станциях крестьянки предлагали печеную картошку, молоко, ягоды. Вместо денег просили какую-нибудь одежонку или обувь, мыло или соль.

На письменном столе у Тухачевского я заметил томик Пушкина, раскрытый на «Истории Пугачевского бунта». Рядом лежали «Походы Густава Адольфа», «Прикладная тактика» Безрукова, «Стратегия» Михневича. Михаил Николаевич перехватил мой взгляд.

– Да, – вздохнул он, – со времен Разина и Пугачева этот край не знал войны. А теперь вот пожалуйста...

О чем бы ни заходила речь, мысли Тухачевского неизменно возвращались к военным событиям. Больше всего его занимали тогда вопросы организационные. Вместе с Устичевым, имевшим солидный военно-административный опыт, он разрабатывал штаты полков, дивизий, штабов. Не выпускались из поля зрения и армейские склады и ротные обозы. Это была кропотливая и сложная работа, требовавшая недюжинных способностей.

На каждой крупной станции Тухачевский устанавливал связь с Инзой, вел переговоры то с одним, то с другим работником своего штаба. Положение на фронте было крайне тяжелым, особенно под Симбирском. Еще из Пензы Михаил Николаевич телеграфировал началу нику Симбирской группы войск Пугачевскому:

«Обстановку знаю. Держитесь на занимаемой позиции. Скоро в Инзу прибудет Мценский полк, который немедленно вышлю на помощь к вам...»²¹

Этот полк мы встретили в пути 21 июля. Тухачевский вызвал к себе его командира А. Г. Реву, расспросил состояния полка, подробно ознакомил с обстановкой приказал сейчас же двигаться на Киндяковку, атаковать; противника с тыла и войти в связь с Симбирской группой.

Запомнился мне и еще один путевой эпизод. Мы нагнали 4-й Видземский латышский стрелковый полк Я. Я. Лациса. Полк этот пользовался доброй славой. Но произошли какие-то неурядицы, солдаты были чем-то недовольны и отказались двигаться дальше на фронт. Об этом, насколько я помню, доложил Тухачевскому комендант станции Рузаевка. Михаил Николаевич сам отправился к латышам. Поговорил со стрелками, разобрался в причинах отказа, тут же принял какие-то меры чисто организационного порядка и «забузивший» полк как ни в чем не бывало выступил по указанному ему маршруту...

На станцию Инза мы прибыли рано утром 22 июля. Отсюда Казанская железная дорога разветвлялась на Симбирск и на Сызрань. Пристанционный поселок состоял из нескольких домов, старой кирпичной казармы и 20–25 дощатых барачных помещений питательного пункта, построенных для проходящих воинских эшелонов в первую мировую войну. Весь штаб армии размещался в вагонах, хотя мог бы устроиться и получше, в стационарных поселковых помещениях. Но Михаил Николаевич заботился не только о своем штабе и подчиненных ему войсках. Коммунисту Тухачевскому близки были и нужды рабочих Инзенского узла, ютившихся в страшной тесноте. Сохранился любопытный документ тех дней, являющийся ярким свидетельством этой черты характера командарма 1-й Революционной. Не могу удержаться от соблазна воспроизвести его здесь.

«Инзенский районный исполнительный комитет на общем собрании 18 июля с. г. постановил:

Поручить делегатам – председателю Инзенского районного комитета Андрееву, секретарю Николаю и врачу 20 участка Заглухинскому выразить глубокую благодарность командующему 1-й Революционной армии тов. Тухачевскому и начальнику штаба тов. Захарову от лица всех рабочих, служащих и мастеровых Инзенского района за

²¹ ЦГАСА, ф. 157, оп. 3, д. 30, л. 28.

предоставление 11 барачков под квартиры...»²²

Но вернемся к прерванному рассказу о нашем приезде в Инзу. Там было очень беспокойно. Начальник штаба армии Иван Николаевич Захаров доложил Тухачевскому, что связь с Сенгилеевской и Симбирской группами войск утеряна. Левый фланг армии в пространстве между железными дорогами Инза – Сызрань и Инза – Симбирск оказался оголенным. Под непосредственной угрозой находилась и Инза. Противнику достаточно было подбросить сюда один усиленный батальон, чтобы разгромить армейский штаб и захватить всех нас во главе с командармом в плен.

Вскоре стало известно, что Симбирск занят противником. Мое назначение начальником штаба Симбирской группы само собой отпадало.

Толстой, вступивший уже в исполнение своих обязанностей, пригласил меня к командарму. В салон-вагоне происходило совещание. Кроме Михаила Николаевича здесь находились О. Ю. Калнин, И. Н. Устичев, старшие адъютанты – по оперативной части Диков и по разведывательной Скворцов. Иван Николаевич Захаров отсутствовал: в придачу к своему туберкулезу он подхватил малярию.

– Мы решили, Николай Иванович, назначить вас генерал-квартирмейстером армии,²³ – объявил Тухачевский.

Я был обескуражен. Для нас, строевых офицеров, не только «генкварм», но и начдив представлялись не иначе как маститыми старцами. Попытался отказаться, просил полк.

Михаил Николаевич рассмеялся:

– Да ведь и я не родился командармом. На фронте командовал лишь ротой, и то недолго.

А Оскар Юрьевич Калнин, с трудом выговаривая русские слова, добавил:

– Не бог горшки слепил.

На этом вопрос был исчерпан. Началась моя служба в непосредственном подчинении М. Н. Тухачевского.

Из-за болезни И. Н. Захарова мне пришлось некоторое время исполнять и его обязанности. А после эвакуации Ивана Николаевича в Москву я окончательно был утвержден в должности начальника штаба армии.

С первых же дней моего пребывания в 1-й Революционной мне довелось наблюдать работу командарма не только в штабе, но и в непосредственной близости к полю боя.

Сразу же после захвата белыми Симбирска для обеспечения нашего левого фланга и прикрытия направления Инза – Симбирск на станцию Чуфарово был выброшен отряд под командованием М. Н. Толстого. Отряд формировался наскоро, из сил, имевшихся под рукой.

Вечером 23 июля В. В. Куйбышев и я тоже выехали на станцию Чуфарово.

Первоначально Михаил Николаевич ставил Толстому задачу овладеть Симбирском. Но это оказалось делом непосильным, и фактически действия отряда свелись к успешной разведке противника боем. Было установлено, что белогвардейцы укрепляют Симбирск, воздвигая на подступах к городу инженерные оборонительные сооружения.

Я. Я. Лацис доносил, что и в полосе Инзенской дивизии враг активизируется. Особенно на стыке с отрядом Толстого.

Обеспокоенный создавшейся обстановкой, Тухачевский сам поспешил на станцию Вешкайма и в ночь на 25 июля вызвал к себе меня вместе с Толстым.

Обычно Михаил Николаевич выезжал в расположение войск в своем салон-вагоне, к которому прицеплялись классный вагон охраны, теплушка для лошадей и платформа для автомобиля. При командарме всегда находились состоящий для особых поручений и

²² ЦГАСА, ф. 157, оп. 3, д. 26, л. 41.

²³ Так называлась тогда должность, соответствующая начальнику оперативного отдела.

адъютанты. Иногда его сопровождал кто-либо из командиров штаба или начальник полевого управления. Такими специальными поездами пользовались в гражданскую войну почти все командующие.

В тот раз для особых поручений при командарме состоял бывший старший лейтенант флота Потемкин, а адъютантами были Метлош и Гавронский. Обязанности каждого из них четко разграничивались. Метлош ведал текущей перепиской. Гавронский вел «Дневник событий в армии». На Потемкине лежала ответственность за оперативную карту и разработку вопросов взаимодействия с Волжской флотилией.

К поезду командующего мы с Толстым явились ранним утром. Проводник салон-вагона сообщил нам, что Михаил Николаевич умывается, и совсем конфиденциально добавил:

– За всю ночь только часика три вздремнул, а то все читал...

В те годы некоторые бывшие офицеры стремились всячески «опроститься»: редко брились, щеголяли в драных гимнастерках, не чистили сапог. Им казалось, что таким образом они приобретают «пролетарский вид». А чтобы еще больше приспособиться к «простому люду», некоторые даже сквернословили, сплевывали под ноги, курили козы ножки, лутили семечки.

Михаил Николаевич не подражал этой «моде» и ни к кому не приспособивался. При любых обстоятельствах Тухачевский был верен себе. И в то раннее утро он вышел к нам, как всегда, бодрый, подтянутый, тщательно выбритый. Совсем не чувствовалось, что «только часика три вздремнул». К слову замечу, что опрятность командарма очень влияла на всех окружавших его. Скоро даже наши ординарцы, садясь на коня, стали надевать перчатки.

Приняв от меня и Толстого рапорты, Михаил Николаевич пригласил нас позавтракать. За столом шел разговор об обстановке в районе действий отряда Толстого. Михаил Николаевич приказал Толстому ретироваться на Вешкайму, занять здесь оборону и сосредоточить основное внимание на глубокой разведке. Сам он намеревался сразу же после завтрака ехать на рекогносцировку недавно образовавшегося симбирского направления и распорядился, чтобы я находился при нем.

Мы отправились верхом в сопровождении небольшого конвоя. Погода стояла великолепная. Местность вокруг отличалась исключительной живописностью – слегка всхолмленная, с оврагами и перелесками. Михаил Николаевич моментально фиксировал возможности маневрирования, скрытых передвижений войск, их маскировки. И вместе с тем любовался природой. Полководец и художник словно бы соперничали в нем. Однако шла война, и полководец брал верх.

В этом прилежавшем к Инзенскому железнодорожному узлу районе он проектировал сооружение инженерных укреплений. Стронник высокой подвижности войск и ярый противник «окопной войны», Тухачевский тем не менее еще тогда, в 1918 году, продумывал систему укрепленных районов, взаимодействующих с полевыми армиями.

Чем ближе мы подъезжали к фронту, тем чаще приходилось спешиваться. И все-таки раза два-три попали под жестокий обстрел противника.

Михаил Николаевич держал себя с удивительным хладнокровием, вникал во все мелочи, неторопливо беседовал с бойцами и командирами передовых разведывательных дозоров и сторожевых застав. Это спокойствие командарма вселяло во всех уверенность, надежду на скорую победу.

Поздно вечером мы вернулись в Вешкайму, и Тухачевский продиктовал приказ, уточнявший задачу отряду Толстого.

Из этой поездки я вынес первое впечатление о Тухачевском как военачальнике. Михаил Николаевич был отважен, крепок и вынослив. Быстро оценивал обстановку и принимал решения. Обратило на себя внимание и его отношение к подчиненным. Со всеми он был одинаково вежлив, прост, в каждом уважал человека.

Все эти качества свидетельствовали не только о прекрасной выучке, но, я бы сказал, и о командирском призвании Тухачевского. Одно для меня оставалось еще не ясным: под силу ли ему успешное руководство крупными войсковыми соединениями? Ведь военное училище,

которое закончил Михаил Николаевич, готовило младших офицеров. Там отработывались задачи максимум за батальон на фоне полка. Да и первая мировая война была для Тухачевского не очень-то длительной школой – на фронте он провел всего 6–7 месяцев. А теперь ему доверена армия, насчитывающая 10–12 тысяч человек, занимающая фронт в 400–500 километров, и к тому же еще слабо оснащенная.²⁴

С этими сомнениями я явился на первое для меня служебное совещание руководящего состава 1-й Революционной. Здесь присутствовали оба политических комиссара армии – В. В. Куйбышев и О. Ю. Калнин, начальник административного управления И. Н. Устичев, начарт тов. Гарднер, интендант армии тов. Шевчук и другие.

Михаил Николаевич сообщил им результаты рекогносцировки и пункт за пунктом стал излагать план будущей операции по освобождению Симбирска. Он как бы отвечал на мой никому не высказанный вопрос. И ответ этот был обнадеживающим.

– Наше первое преимущество перед противником, – говорил командарм, – наш революционный боец. Главное – в его революционной сознательности, в его инициативе, сметке, отваге и выносливости.

Но Тухачевский не закрывал глаза и на наши тогдашние слабости. Перед отъездом из Москвы он слышал выступление Ленина на заседании Московской городской партийной организации, помнил слова Ильича о том, что первоочередной задачей является задача организационная, которая требует не порыва, не клича, не боевого лозунга, а длительной напряженной упорнейшей работы, строжайшей дисциплинированности. Исходя из этой ленинской установки, Михаил Николаевич делал упор на необходимость такой организации войск, которая полностью соответствовала бы принципам регулярной армии.

В. В. Куйбышев в своих воспоминаниях отмечает, что армия, возглавляемая М. Н. Тухачевским, была первой не только по номеру, но и вообще первым в Советских Вооруженных Силах регулярным объединением. Превращение ее в таковую осуществлялось в невероятно трудных условиях.

На широком пространстве от Волги до Белой и почти до западных склонов Уральского хребта были разбросаны многочисленные красногвардейские, рабочие, продовольственные отряды, точную численность которых установить нельзя. Всего насчитывалось примерно до 80 отрядов, а в каждом из них от 20 до 250 активных штыков.

Первоначально Михаил Николаевич свел эти разрозненные отряды в группы, которые в последующем становились основой дивизий. Так возникли старейшие дивизии Советской Армии – Пензенская, получившая 20-й номер, и Инзенская, имевшая номер 15-й.

По мысли Михаила Николаевича 1-я Революционная армия на первом этапе развертывания должна была иметь четыре дивизии. Кроме того, по его инициативе началось комплектование корпуса под командованием тов. Лончара, а также армейской конницы.

Таковы были далеко идущие планы Тухачевского. Однако события, происходившие на Восточном фронте (измена главкома Муравьева, падение Симбирска, а затем и Казани), вносили свои коррективы, план подвергался изменениям.

Новый главком Восточного фронта И. И. Вацетис сосредоточил все свое внимание на Казани. От Тухачевского он требовал одного – немедленно и во что бы то ни стало наступать на Симбирск с целью отвлечения сил противника. Эти свои требования главком нередко сопровождал угрозами по адресу Михаила Николаевича. Однако Тухачевский продолжал неуклонно и твердо проводить линию на организационное укрепление армии, бороться с партизанщиной.

– Не теряя боевого соприкосновения с противником, – говорил командарм, – надо реорганизовывать отряды в регулярные полки, батальоны, роты и тем повышать нашу боеспособность.

²⁴ Мы располагали тогда всего 50 орудиями, примерно 150 пулеметами, 2–3 бронепоездами. Бойцу выделялось на день по 10–20 патронов, а каждое орудие могло произвести в течение суток только 5–10 выстрелов. (Прим., авт.)

Тухачевский принимает решение пополнить войска за счет мобилизации в полосе армии. Для этой цели в штабе создается мобилизационный отдел. Его возглавил старый большевик тов. Ибрагимов, в помощь которому было выделено до сотни агитаторов и пропагандистов. Несмотря на все трудности, мобилизация проводилась успешно. Одновременно шло интенсивное сколачивание частей.

Одним из основных вопросов был в то время вопрос материального обеспечения войск всем необходимым для боя и жизни. Решая его, Тухачевский предложил создать в составе армейского управления отдел заготовок, не предусмотренный никакими положениями. Возглавлявший этот отдел молодой энергичный работник тов. Штейнгауз получил мандат, дававший ему право собирать по железным дорогам не востребованные грузы.

Чего только наши заготовители не обнаруживали по тупикам и пакгаузам! Там было все, начиная от текстиля и кончая пулеметами, даже пушками.

При отделе заготовок развернулись мастерские по ремонту обуви, обмундирования, пошивке белья.

Эта инициатива Тухачевского быстро получила всеобщее признание. Аналогичные отделы появились и в других армиях, а затем даже в центре было учреждено управление заготовок.

Находил Михаил Николаевич время и для систематического изучения военной теории. Это как бы органически включалось в его текущую практическую работу. На письменном столе Тухачевского всегда была та или иная книга, относившаяся к разрабатываемому им в данный момент вопросу. С карандашом в руках он проштудировал еще дореволюционное «Положение о полевом управлении войсками в военное время» и курсы администрации, некогда читанные опытными генералами.

Из старых пособий Михаил Николаевич умел извлечь все мало-мальски полезное, ценное, переосмыслить опыт прошлого с учетом особенностей сегодняшнего дня. Он заново перечитывал военную историю и находил в ней то, что шло на пользу армии победившего Октября.

Страстью к учебе, любовью к книге командарм заразил и окружающих. Пензенский губвоенком получил задание – собрать библиотеки всех частей, квартировавших в Пензе до первой мировой войны. Через некоторое время к нам прибыло несколько вагонов с книгами, и при штабе 1-й Революционной была создана своя довольно обширная военная библиотека.

Я, пожалуй, не ошибусь, если скажу, что полководческий талант М. Н. Тухачевского впервые проявился во всем своем блеске в Симбирской и Сызрано-Самарской операциях.

Учитывая сложившуюся обстановку и принимая к исполнению требование И. И. Вацетиса, Михаил Николаевич готовил Симбирскую операцию с твердым убеждением, что проводить ее придется только наличными силами, за счет их перегруппировки.

На симбирское направление, в район станции Майна, вышла Сенгилеевская группа под командованием Г. Д. Гая. Михаил Николаевич и Валериан Владимирович выехали лично встречать ее. Я их сопровождал.

После взаимных приветствий и объятий перешли к деловым разговорам. Несколько охладив пыл Гая, мечтавшего тотчас броситься на Симбирск, Михаил Николаевич приказал ему прежде всего реорганизовать группу в регулярную дивизию, немедленно приступить к формированию штадива. Г. Д. Гай отныне становился начальником дивизии, получившей наименование Симбирской Железной. Комиссаром же этой дивизии был назначен Б. С. Лифшиц, наштадивом Э. Ф. Вилумсон.

Для помощи Г. Д. Гаю в реорганизации из штарма вызвали начальника организационно-административного управления И. Н. Устичева. Сами же Тухачевский и Куйбышев направились в части, чтобы ознакомиться с состоянием войск. Красноармейцы и командиры были переутомлены, голодны, плохо одеты и обуты, но при всем этом бросались в глаза их спайка и дисциплинированность.

Почти всю ночь на 29 июля мы с Михаилом Николаевичем провели в его салон-вагоне.

Вырабатывали решение, окончательно уточняли план предстоящих действий. Со скрупулезной тщательностью командарм изучал по карте местность, прикидывал, как лучше расположить войска, измерял маленьким карманным циркулем расстояния от исходного положения войск до рубежей, подлежащих занятию в ходе наступления.

В ту ночь я впервые услышал от него сатирические строчки Л. Н. Толстого:

Гладко вписано в бумаге,
Да забыли про овраги,
А по ним ходить...

Основной документ Симбирской операции – свою директиву командарм написал собственноручно, красными чернилами, на хорошей бумаге. Он ценил культуру в штабной работе.

Наступление должно было вестись по концентрическим в отношении Симбирска линиям. Соблюдая одновременность занятия рубежей и постепенно сокращая фронт, нашим войскам надлежало к моменту атаки возможно глубже охватить оба фланга противника. Это составляло основу замысла операции.

У начдива Железной идеи командарма нашли полную и безраздельную поддержку. Г. Д. Гай, всегда любивший «шикануть», на этот раз устроил даже нечто вроде торжественного приема в честь М. Н. Тухачевского. У входа в штадив командарма встретил с рапортом штабной командир Дормидонтов. Затем на крыльце появились Гай, Лифшиц, Вилумсон и сразу провели всех нас к столу. На столе, покрытом домотканой, с русской вышивкой скатертью, были расставлены тарелки с жареными курами, салом и прочей деревенской снедью. Тухачевскому особенно понравился пирог с душистой лесной земляникой. Хозяйничали за столом сестра милосердия Лия Ильинична Шерман, ставшая вскоре женой Гая, и делопроизводитель штадива Клавдия Михайловна Павлова.

Здесь, собственно, и произошло первое знакомство Михаила Николаевича с некоторыми товарищами, ставшими на долгие годы его соратниками на войне и ближайшими сотрудниками в период мирного строительства Советских Вооруженных Сил. За этим столом были тогда, помнится: Михаил Дмитриевич Великанов, которого не покидала жизнерадостность даже в самых тяжелых условиях боя; Александр Игнатьевич Седакин, педантичный, с виду сухой, необщительный, а на самом деле человек большой доброты и доброжелательности; отважный Устинов, солдат царской армии, до «муравьевщины» – левый эсер, после же нее – честный большевик; наштадив Вилумсон, бывший офицер Латышской бригады, своим спокойствием и хладнокровием как бы уравновешивавший темпераментного Гая; молодой, но уже опытный начартдивизии Мароевский; испытанные и закаленные в красногвардейских отрядах командиры бригад Павловский и Недзведский. Из комиссаров, если мне не изменяет память, здесь сидели кроме Лифшица тт. Шверник, Самсонов и Шуватов.

Не надо думать, будто это был банкет в современном смысле слова. Нет, мы собрались тогда за стаканом чая на дружескую беседу о наших общих делах. В такой обстановке Михаил Николаевич и объявил свое решение.

Прежде всего командарм подчеркнул одну из особенностей предстоящей операции: несоответствие между шириной фронта и численностью действующих на нем войск. Армия в то время занимала фронт от Вольска до Симбирска (т. е. примерно 300 километров), имея общую численность 10–12 тысяч человек, а активных штыков не более 7–8 тысяч. Ее полки, насчитывавшие в своем составе по 500–600 человек, располагались разбросанно, иногда – поротно. Такое положение, по мнению Михаила Николаевича, требовало даже от самих младших начальников большой личной инициативы, умения маневрировать.

Маневренность в сочетании с подвижностью Тухачевский считал основой основ действий в гражданской войне. Сенгилеевская группа при переброске к Майне пользовалась крестьянским транспортом, или, как тогда говорили, «обывательскими подводками». Этот

способ передвижения войск Михаил Николаевич рекомендовал применять при любой возможности. Идея подвижной пехоты уже в то время занимала Тухачевского. Он выработал определенный порядок построения походных колонн с мерами разведки и охранения...

Помимо маневренности и подвижности Тухачевский обратил особое внимание собравшихся за столом на обеспечение флангов, предостерег от распространенной в то время болезни «флангобоязни». Затем призвал командиров беречь каждый патрон, каждый снаряд.

– На нынешнем этапе войны, – так примерно говорил Михаил Николаевич, – надо стремиться дорваться до штыковой схватки. Поскольку моральное превосходство на нашей стороне, успех в рукопашной нам обеспечен.

Свои мысли М. Н. Тухачевский излагал не только с завидной точностью и ясностью, но и с большим увлечением, которое сразу передавалось исполнителям его воли.

Запомнилась интересная подробность. Когда Михаил Николаевич говорил о том, что части дивизии будут вести наступление концентрически, один командир из старых унтер-офицеров спросил, что означает это слово. «Ведь в уставе его нет». Некоторые, более образованные, командиры с улыбкой переглянулись. Но Михаил Николаевич не проявил и тени иронии. Он спокойно и серьезно объяснил, как надо понимать концентричность. Командарм умел беречь достоинство и самолюбие каждого человека...

Симбирскую операцию предполагалось начать в середине августа. Но уже 6-го числа белогвардейцы и интервенты после горячего боя овладели Казанью.

М. Н. Тухачевский в тот день находился в Кузнецке – в 20-й Пензенской дивизии, и поток телеграмм от И. И. Вацетиса и С. И. Аралова, требовавших немедленного наступления на Симбирск, обрушился на меня. Я отдал ряд предварительных распоряжений Г. Д. Гаю и донес об этом командарму.

Михаил Николаевич поспешно покинул Кузнецк. В штарме он задержался только для того, чтобы подписать оперативный приказ, и сейчас же проследовал в Чуфарово, в штаб Симбирской Железной дивизии.

8 августа Железная перешла в наступление. Однако первая наша попытка освободить Симбирск не увенчалась успехом. Прибывшая из фронтового резерва Курская бригада, не успев еще полностью разгрузиться, на станции Охотничья подверглась артиллерийскому обстрелу и бомбежке с воздуха. Этого оказалось достаточно, чтобы бойцы в панике разбежались. Их с трудом удалось остановить лишь в районе станции Выра. А тем временем противник значительными силами стал нажимать на левый фланг Железной. Несмотря на то, что правофланговые ее части, успешно продвигаясь вперед, уже выходили на ближние подступы к Симбирску, положение здесь складывалось катастрофическое.

Тухачевский сам прибыл на станцию Охотничья. Общими усилиями паника была предотвращена, порядок восстановлен. Однако о возобновлении наступления пока что не приходилось и помышлять.

Командарм приказал всей дивизии вернуться в исходное положение. При отходе наибольшую дисциплинированность проявил 2-й Симбирский полк (командир М. Д. Великанов, комиссар Н. М. Шверник).

Неудача наступления одних повергла в уныние, других ожесточила. К нам прибыл страшно разгневанный член Реввоенсовета Востфронта П. А. Кобозев. Вспомнилась почему-то история с Муравьевым, и всю вину свалили на «золотопогонников». Кобозев, а заодно с ним и Калнин грозили Михаилу Николаевичу арестом.

Член Реввоенсовета, находившийся в большой дружбе с Г. Д. Гаем, требовал передачи в руки последнего командования армией. Он писал и тут же рвал телеграммы Вацетису и Троцкому.

Все это происходило в салон-вагоне командарма, но Михаил Николаевич сохранял присутствие духа и молчал. На его защиту встал Куйбышев. Валериан Владимирович предложил спокойно обсудить причины неудачи и принять меры к их устранению.

Слово было предоставлено Михаилу Николаевичу.

Причину нашего вынужденного отхода от Симбирска командарм усматривал прежде

всего в недостаточной дисциплинированности, а также в слабом авторитете многих младших и средних командиров. Другой причиной Тухачевский считал все еще не изжитую подозрительность к военспецам. При этом он напомнил, как чуть ли не накануне операции ставился на голосование вопрос: давать или нет оружие командирам из бывших офицеров?

– Такое отношение, – говорил Михаил Николаевич, – не только оскорбительно, оно еще и связывает командира, лишает его смелости, инициативы.

Наконец, Тухачевский указал на то, что Симбирская Железная дивизия вынуждена была выступить, не закончив реорганизацию.

Совещание проходило довольно бурно, однако благодаря такту Михаила Николаевича и принципиальности В. В. Куйбышева на нем в конце концов по-деловому были обсуждены все вопросы, связанные с подготовкой нового наступления на Симбирск.

Оно возобновилось только 9 сентября. Говорю «только» потому, что Троцкий, курсировавший в то время по Восточному фронту, а вслед за ним и Вацетис, угрожая Михаилу Николаевичу трибуналом, опять требовали немедленного освобождения Симбирска. Но тут вмешался В. И. Ленин. После переговоров с ним Валериана Владимировича Куйбышева позвонил С. И. Аралов и передал, что Владимир Ильич требует привести армию в полный организационный порядок и только тогда приступать к решительным действиям.

Началась напряженнейшая работа.

Для удобства управления войсками штаб из Инзы перебрался в Пайгармский монастырь под Рузаевкой. Сам Михаил Николаевич в сопровождении большой группы командиров штаба выехал в Симбирскую Железную дивизию и организовал там глубокую разведку.

Политотдел армии развернул активную агитацию. В ней приняли также участие местные партийные организации. Широкий размах приобрела политработа среди крестьянства, и это обеспечило успешное проведение мобилизации. Наши части получили значительное пополнение. Теперь Симбирскую Железную дивизию характеризовали следующие цифры: активных штыков – 3602, сабель – 188, пулеметов – 114, орудий – 19.

30 августа до нас долетела весть о предательском покушении на жизнь Владимира Ильича. Она произвела на всех самое тяжкое впечатление. Только стойкость и закаленность таких испытанных большевиков, как В. В. Куйбышев, О. Ю. Калнин, Н. М. Шверник, Самсонов, Шуватов, объединивших вокруг себя молодых членов партии, помогли преодолеть растерянность. Михаил Николаевич в эти дни много раз выступал на митингах и призывал бойцов отомстить за раны, нанесенные Ленину.

Через неделю с небольшим наши войска перешли в наступление. В основе их действий лежал прежний замысел. Но были внесены и некоторые добавления.

К этому времени на пополнение армии прибыл 5-й Курский полк. Его Тухачевский оставил в своем резерве. Кроме того, в распоряжении штаба находился отдельный кавалерийский дивизион под командованием старого большевика, офицера военного времени Петра Михайловича Боровича.

Этим двум частям предстояло совершить глубокий рейд от станции Чуфарово через Алгаши и Ногаткино с тем, чтобы к моменту атаки Симбирска главными силами куряне нанесли удар по правому флангу противника, а кавалеристы отрезали ему пути отхода на север. 5-й Курский полк шел в рейд частично на грузовых машинах, но главным образом на крестьянских подводах.

Симбирская операция, как и последующая Сызрано-Самарская, достаточно полно освещена в «Истории гражданской войны в СССР», в монографиях и мемуарах. Я хочу коснуться только некоторых ее моментов, характеризующих Тухачевского как военачальника.

На протяжении всей операции он вместе с О. Ю. Калниным находился непосредственно в частях на самых ответственных участках. Неприязненное отношение Оскара Юрьевича к Михаилу Николаевичу здесь исчезло. В боях под Симбирском между ними установилась

крепкая дружба на многие годы.

Ставя дивизии Гаю задачу на овладение Симбирском, М. Н. Тухачевский считал ее ближайшей. Последующая же заключалась в выходе на левый берег Волги. В соответствии с этим перед штурмом Симбирска он дал указание начдиву, чтобы войска, не задерживаясь в городе, немедленно спускались к Волге и форсировали ее. Гаю вручили также инструкции о соблюдении дивизией строжайшей революционной дисциплины при вступлении в город. Инструкция содержала предупреждение о суровом наказании за дискредитацию высокого звания воина Красной Армии.

Уже в Симбирске Тухачевский поручил М. Н. Толстому, назначенному начальником инженеров армии, разработать план создания вокруг города фортификационных сооружений по типу крепостных. Предполагалось превратить Симбирск в крепость, и командир полка тов. Воробьев назначался ее комендантом.

В те же дни Михаил Николаевич проводит долгие часы с состоящим при нем для особых поручений бывшим морским офицером В. П. Потемкиным, обсуждая технические возможности вооружения пассажирских пароходов, барж, буксирных пароходов. Начинается призыв речников в формируемую Волжскую военную флотилию. Эту работу возглавляет комиссар флотилии Л. Е. Берлин.

Переправа через Волгу оказалась нелегкой. Подоженная белогвардейцами баржа с хлебом и пожары в городе озаряли реку. Белогвардейская артиллерия вела огонь по правому берегу. Но все же дивизия форсировала Волгу и продвинулась почти до Мелекесса.

Тем временем отступавшие из-под Казани чехословацкие части и отряд Капеля выходили на Волго-Бугульминскую железную дорогу. На помощь симбирской группировке противника спешили резервы из глубокого тыла. Белогвардейцам удалось вынудить Симбирскую Железную дивизию перейти к обороне.

Войска 1-й Революционной армии были чрезвычайно переутомлены. Однако Михаил Николаевич не находил возможным приостановить наступление. Он обращается к главкому с предложением: перебросить под Симбирск на пароходах часть сил 5-й армии и, высадив десанты – один в районе Старая Майна, другой в Красном Яру, – обойти противника, окружить и уничтожить его.

Предложение М. Н. Тухачевского было принято, главком отдал соответствующий приказ. Однако части 5-й армии действовали крайне медленно и подошли с флотилией к Симбирску только 24 сентября.

Белогвардейцы оказались отброшенными далеко на Восток, к Бугульме. С этого времени уфимское направление передается 5-й армии. Симбирская же Железная дивизия готовится к Сызрано-Самарской операции.

22 сентября Михаил Николаевич вызвал меня в Симбирск для разработки плана наших дальнейших действий.

Сызрано-Самарская операция была несколько сложнее Симбирской. В Симбирской активно действовала только Железная дивизия, а в Сызрано-Самарской приняли участие все три дивизии 1-й Революционной армии, переданная в полное распоряжение М. Н. Тухачевского Вольская дивизия, подчиненные ему же лишь в оперативном отношении два полка Самарской дивизии и часть Волжской военной флотилии.

Главный удар по сызрано-самарской группировке противника наносили Инзенская и Пензенская дивизии.

Возложив на меня окончательное закрепление нашего успеха в районе Симбирска и все хлопоты по передаче уфимского направления 5-й армии, Михаил Николаевич сразу же выехал в Инзенскую. Он, как и В. В. Куйбышев, с большим уважением относился к ее начальнику Яну Яновичу Лацису. В противоположность Г. Д. Гаю, по-кавказски темпераментному и, что греха таить, любившему иногда покрасоваться, Ян Янович отличался удивительным хладнокровием и спокойной рассудительностью. Это был негибемый большевик-ленинец, на всю жизнь запомнивший рукопожатие и наставления

Владимира Ильича при отправке на Восточный фронт 4-го Видземского полка.

Для полководческого стиля Тухачевского характерна одна особенность: куда бы он ни выезжал, связь между ним и штабом поддерживалась непрерывно. Так было и в тот раз. Я всегда знал, где находится командарм, что делает, какие им даны указания на месте. Знал это и оперативный дежурный. Михаил Николаевич был крайне требователен и в то же время очень внимателен к своим штабистам. Несколько позже в юбилейном сборнике, посвященном годовщине 1-й Революционной армии, я с большим удовлетворением прочитал его отзыв о нашей тогдашней работе:

«Штаб армии, носивший мимолетно-пасмурный вид сразу после мобилизации специалистов, очень быстро сжился, сложился в дружную семью, искренно преданную Советской республике».

Однако справедливости ради не могу не отметить здесь, что во время Сызрано-Самарской операции не все мобилизованные специалисты проявили себя с лучшей стороны. Перед самым началом этой операции Тухачевский представил мне в своем салон-вагоне человека средних лет, небритого, в каком-то поношенном френче, небрежно развалившегося в кожаном кресле:

– Энгельгардт.

От матери, уроженки Смоленской губернии, и от отца, много лет служившего во 2-м пехотном Софийском полку в Смоленске, я знал, что Энгельгардты – коренные смоляне, что у крепостной стены в Смоленске стоял памятник коменданту Энгельгардту, отказавшемуся передать Наполеону ключи от города. Энгельгардт, представленный мне Михаилом Николаевичем, тоже был смолянином, земляком Тухачевского и, кроме того, его сослуживцем по Семеновскому гвардейскому полку. К нам он прибыл с предписанием Всеросглавштаба.

Свои клятвенные заверения честно служить Советской власти Энгельгардт подкреплял ссылкой на былые дружеские связи с командармом:

– Неужели, Миша, ты думаешь, что я могу быть подлецом и подвести тебя?!

И однако же подвел, оказался истинным подлецом.

Во время Сызрано-Самарской операции Михаил Николаевич объединил в руках Энгельгардта командование Пензенской и Вольской дивизиями, а также двумя полками Самарской. Энгельгардт выехал в Кузнецк, В ходе операции он часто терял связь со штабом, его донесения противоречили донесениям из частей и в конце концов мы вынуждены были связаться напрямую со штабами дивизий и осуществлять руководство ими, минуя Энгельгардта. А когда закончилась операция и штаб перебазировался в Сызрань, Энгельгардт незаметно исчез и объявился потом у Деникина.²⁵

На наше счастье, в 1-й Революционной армии таких негодяев было очень немного. За все время помню два-три случая перебежек бывших офицеров к белогвардейцам...

Но вернемся к Сызрано-Самарской операции.

Пензенская и Инзенская дивизии продвигались к Сызрани, преодолевая отчаянное сопротивление противника. Медленно и нерешительно наступала Вольская. Очень трудно было управлять двумя полками Самарской, находившимися на левом берегу Волги и имевшими задачу выйти в тыл белочехам у станции Липяги. Утомленная почти непрерывными боями Симбирская Железная дивизия действовала в направлении Сызрань – Ставрополь.

Отчаянный бой разгорелся у Батраков за овладение Александровским мостом.

²⁵ После Великой Отечественной войны, году примерно в 1949-м, ко мне явился пожилой человек весьма благообразной внешности. Это был еще один из Энгельгардтов – бывший член Государственной думы. Он приехал в Москву из Риги с письмами от друзей своей молодости, служивших все время у нас, – генерала Е. К. Барсукова и полковника Г. Ф. Гирса. Они просили помочь ему в издании мемуаров. Я спросил его о том Энгельгардте, который был в 1-й армии в 1918 г. «Мой племянник», – ответил он и тут же дал ему характеристику: «Подлец, червонный валет, родную мать продаст...» (Прим. авт.)

Белочехи и «народная армия» КОМУЧа понесли здесь огромные потери. Это воодушевило наши войска. А еще больший подъем вызвали известия о том, что противник приступил к эвакуации Самары, где подпольщики-большевики подняли на борьбу рабочих самарских заводов.

Сразу активизировались, полки Самарской дивизии; опрокидывая белогвардейцев, они развили стремительное наступление на Липяги. В соревнование с самарцами, инзенцами и пензенцами вступила Симбирская Железная дивизия. Гая Дмитриевич решил на отчаянный шаг, за который впоследствии получил от командарма серьезное внушение.

К этому времени в распоряжении армии появился авиационный отряд в составе двух «Фарманов» и одного «Сопвича». Поскольку я в свое время прошел краткосрочный курс офицерской воздухоплавательной школы, Михаил Николаевич возложил руководство действиями «армейской авиации» на меня. Основная ее задача состояла в осуществлении «глубокой» (до 30 километров) разведки.

Один из самолетов, насколько помню «Сопвич», я придал Симбирской Железной дивизии. И вот после занятия Сызрани, когда в треугольнике Сызрань – Самара – Ставрополь шли еще бои, Гая Дмитриевиче летчиком (кажется, тов. Кожевниковым) садится где-то на картофельном поле под самой Самарой, узнает, что белогвардейцы из нее почти все удрали, и, вооружившись ручными гранатами, отправляется в город. Самару он знал хорошо и сразу двинулся на телеграф. Перепуганные его грозным видом, телеграфистки покорно стали отбивать на нескольких аппаратах: «Всем! Всем! Всем! Я, Гай, нахожусь в Самаре. Да здравствует Советская власть!»

А через некоторое время от Сергея Сергеевича Каменева по прямому проводу из Арзамаса мне пришлось выслушивать примерно следующее:

– Вы донесите, что войска армии ведут упорные бои на подступах к Самаре, а оказывается, Симбирская дивизия уже заняла ее. Доложите точно, до полка включительно, положение частей армии.

Почти одновременно меня запрашивал и Михаил Николаевич:

– Где сейчас находятся полки Железной?..

Произошло это 7 октября. Мы с Валерианом Владимировичем Куйбышевым очень опасались, что телеграмма из Самары от имени Гая является белогвардейской провокацией. Но в ночь на 8-е все разъяснилось. После тщательной проверки штаб донес С. С. Каменеву и по другим адресам о том, что рабочие Самары изгнали «учредилку». А к исходу дня, не встречая сопротивления, в город вступили части сначала 4-й армии, потом (часа два-три спустя) 1-й Революционной.

Я получил приказание командарма передислоцировать штаб из Пайгарма в Сызрань.

Сызрань была первым городом, в котором штабу армии после эшелонного житья в Инзе и квартирно-бивуачного в Пайгарме удалось разместиться с комфортом в огромном новом здании банка. А для командарма и состоящих при нем лиц был отведен особняк купца Стерлядкина. По тем временам он считался почти дворцом: роскошный кабинет, гостиные, столовая, спальни с кроватями из карельской березы, комнаты для приезжающих... Говорили, что Стерлядкин, строя этот особняк, платил бешеные деньги архитекторам, лишь бы перещеголять купца Шатрова в Симбирске. Почти не умея читать, бывший владелец особняка обзавелся еще и большой библиотекой, но при ближайшем ознакомлении с ней выяснилось, что главное богатство тут составляли тисненные золотом переплеты и огромные красного дерева с бронзой книжные шкафы...

Начальником Сызранского гарнизона Михаил Николаевич назначил меня, комендантом – Пугачевского. Сам он часто выезжал в Самару. Войска армии готовились к дальнейшему наступлению на восток.

Во время этой непродолжительной передышки Михаил Николаевич завел разговор о военной истории вообще и об истории гражданской войны в частности. Он считал, что военную историю надо начинать писать не после боев, а в ходе их. Тухачевский придавал

громадное значение дневниковым записям самих участников событий, настаивал на том, чтобы во всех звеньях армии, начиная от полка, велся «Журнал боевых действий». Но самым главным не только для истории, но и для сегодняшнего дня Михаилу Николаевичу представлялся обстоятельный разбор каждой операции по ее горячим еще следам. И у нас тут же было положено начало этому. Первой детальному разбору подверглась Симбирская операция. С докладами выступали командиры штаба армии, а затем итог всему подвел командарм.

Тогда же в относительно спокойной обстановке Михаил Николаевич начал работать над своим важным исследованием «Стратегия национальная и классовая». Пробудился интерес к военно-научной работе и у многих командиров штаба армии. Среди них особенно выделялся в этом отношении брат командарма Николай Николаевич Тухачевский, который еще в гимназические годы прослыл «историком».

Осязаемым результатом военно-научной и военно-исторической деятельности штарма является ставший ныне библиографической редкостью юбилейный сборник, изданный в 1920 году к годовщине 1-й Революционной армии.

Из других событий того периода в памяти моей наиболее ярко запечатлелось празднование первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. По просьбе трудящихся Сызрани мы организовали военный парад. Командовать этим парадом Михаил Николаевич поручил мне. Принимали его сам командарм и члены Реввоенсовета О. Ю. Калнин и С. П. Медведев (В. В. Куйбышев к тому времени уже покинул нас, получив назначение в Реввоенсовет 4-й армии).

День выдался довольно прохладный, но еще бесснежный. На площади выстроились все части Сызранского гарнизона. Внешний их вид был далеко не блестящим – винтовки всех существующих в мире систем, изношенные до дыр шинели, порыжевшие кожаные куртки, нередко подпоясанные ремнями с медной пряжкой, на которой двуглавый орел старательно затерт или даже замазан краской. А обувь и того хуже – просто не разберешь, что у кого на ногах. И при всем том – радость на лицах, недурная строевая выправка.

В десять часов появился Реввоенсовет, Под Михаилом Николаевичем рыжая англо-донская кобылица. Подо мной – вороной гунтер.²⁶

Подаю команду «Смирно! Слушай на караул!» и курцгалопом подскакиваю с рапортом к командарму. Приняв рапорт, под звуки «Интернационала» Реввоенсовет во главе с М. Н. Тухачевским объезжает войска и выстроившиеся тут же колонны сызранских рабочих.

После парада Реввоенсовет и командиры штарма собрались в бывшем «операционном» зале банка. Здесь был зачитан приказ по армии и вручены награды ВЦИК. Михаил Николаевич Тухачевский удостоивался золотых часов с надписью: «Храброму и честному воину Рабоче-Крестьянской Красной Армии от ВЦИК. 7.X.1918 г.». Такие же часы получили начальники дивизий тт. Гай, Лацис, Воздвиженский, а в штабе – И. Н. Устичев, М. Н. Толстой и я. Из командиров частей золотыми часами был награжден Петр Михайлович Борович.

Многие командиры и отличившиеся в боях красноармейцы получили от ВЦИКа именные серебряные портсигары, подстаканники и... комплекты кожаного обмундирования.

В частях в этот день было приказано выдать «улучшенное» питание: к обычной норме добавлялись полфунта черного и четверть белого хлеба. Но красноармейцы единогласно решили весь белый хлеб передать в только что созданные тогда детские сады. Кроме того, по приказу Михаила Николаевича из запасов армии сызранской детворе было передано два пуда сахара.

А в конце ноября Михаил Николаевич был вызван в Москву и затем, возвратись в

²⁶ Этих коней мы получили от Симбирского губисполкома из национализированной заводской конюшни, (Прим, авт.)

Сызрань, передал командование 1-й Революционной армией Г. Д. Гаю. Сам он откомандировывался на Южный фронт и вступил там в командование 8-й армией.

Командарм-5

Кажется, совсем недавно мы пожимали на прощание руки. Тухачевский отправлялся в 8-ю армию, а я, сдав должность наштарма Ф. П. Шафаловичу, – в распоряжение командующего Восточным фронтом С. С. Каменева.

И вот мы снова вместе. Нежданно-негаданно в марте 1919 года Михаил Николаевич явился ко мне на Троицкую улицу в Пензе.

Пока его супруга Мария Владимировна беседует со своей гимназической подругой, моей женой Ольгой Александровной, мы уединяемся в небольшую комнатку, и нет конца вопросам, восклицаниям. За полгода, миновавшие со дня нашего расставания, много воды утекло. Я побывал в Москве, где был представлен Владимиру Ильичу Ленину, и мне выпало счастье разговаривать с ним. Из Москвы поехал в Арзамас, но штаб фронта нагнал лишь в Симбирске. Проработал там два месяца, заболел и вот теперь поправляюсь в Пензе.

– Ну, а вы как, у вас что? – нетерпеливо спрашиваю Михаила Николаевича, всматриваясь в его лицо.

Внешне он, пожалуй, мало изменился. Разве что стал увереннее в суждениях.

В Москве Михаил Николаевич тоже встречался с В. И. Лениным. Эта встреча была продолжительнее, чем в мае 1918 года, когда Тухачевский получил назначение на Восточный фронт.

– Какой великий ум! – восхищается Тухачевский. – Какая широта и разносторонность знаний! Просто завидно...

В эту минуту я с особой силой почувствовал в Тухачевском то, что всегда давало себя знать, – тягу к знаниям, уважение к эрудиции.

– Но пока что предстоит воевать, – задумчиво говорит Михаил Николаевич. – Здесь, на Восточном фронте...

Он назначен командующим 5-й армией – той самой, которая более других пострадала от натиска колчаковцев, отступая от Уральского хребта. На пост командарма-5 Тухачевского рекомендовал ЦК партии, помня о его прежних победах на Восточном фронте, о его живых связях с местными партийными организациями, о знании театра военных действий.

– Не все прошло гладко, – с горечью добавляет Михаил Николаевич. – Троцкий и Вацетис не очень-то довольны моим назначением.

– Да и Сергей Сергеевич вряд ли будет доволен, – бросаю я, вспомнив, как однажды Каменев в моем присутствии с явной иронией отозвался о «поручике-командарме».

– Что там говорить: довольны – не довольны, – махнул рукой Михаил Николаевич. – Надо дела делать. Для обид сейчас нет времени...

Хотя у меня на руках отношение Бюро военных комиссаров в адрес Всеросглавштаба с рекомендацией на должность военного руководителя Пензенского губвоенкомата, я, ни минуты не колеблясь, решил продолжать службу вместе с Михаилом Николаевичем. В тот же день он дал телеграмму С.С.Каменеву с просьбой откомандировать меня в его распоряжение.

Дня три-четыре мы вместе провели в Пензе, а потом Тухачевский отправился в штаб 5-й армии, куда я должен был прибыть, закончив отпуск и лечение.

Мое вступление в новую должность состоялось в самый разгар подготовки Восточного фронта к наступлению. 5-я армия находилась на главном направлении – сибирском. С 6 августа 1918 года, начиная от Казани, она не выходила из боев, несла тяжкие потери. Против нее действовали отлично оснащенные части колчаковцев, чехословацкий корпус, французские, итальянские, английские, американские, польские и сербские легионы. Каково-то было готовить такую армию к наступлению!

Но эта необыкновенной сложности задача оказалась по плечу Михаилу Николаевичу. В сравнительно короткий срок, не теряя соприкосновения с противником, он восстановил

боеспособность армии. Как и прежде, его ближайшим помощником в организационно-административной работе был Иван Николаевич Устичев. Вместе с тем Тухачевский обрел надежную опору в закаленных боями командирах 5-й армии, таких, как И. Ф. Блажевич, С. С. Вострецов, Я. П. Гайлит, А. Я. Лапин, М. С. Матиясевич, Г. Х. Эйхе, К. А. Нейман, А. В. Павлов, В. К. Путна, В. И. Рослов.²⁷ Штаб армии возглавлял бывший полковник Генерального штаба Павел Иванович Ермолин. Я находился пока в распоряжении Реввоенсовета.

В 5-й армии, как и прежде в 1-й, мы с Михаилом Николаевичем либо селились вместе, либо занимали квартиры по соседству. Тухачевский жил так же скромно и гостеприимно. В его квартире почти всегда было полно людей, чувствовавших себя здесь как дома. Кто-то ехал с фронта, кто-то возвращался из госпиталя, кто-то забредал «на огонек». Всех встречали добрым словом, всем находилось место.

Зная гостеприимство командарма, квартирьеры обычно отводили ему купеческий особняк или апартаменты какого-нибудь крупного чиновника, удравшего от Красной Армии. Иногда в такой квартире можно было найти приличное постельное белье, посуду, хозяйственную утварь. Все это оказывалось как нельзя более кстати – Михаил Николаевич не имел даже своего одеяла.

Подчас размещение людей, остановившихся у командарма на ночлег, превращалось в хлопотное занятие. Помню, как однажды мы ломали голову, куда положить Александра Васильевича Павлова. При его габаритах и солидном весе на стульях или на столе располагаться было рискованно. Пришлось устраиваться на полу, на огромной купеческой перине, которую приволок откуда-то комендант штаба. А на следующее утро проснувшийся раньше всех Михаил Николаевич растолкал нас и повел к комнате, где еще почивал Павлов. Заглянув в дверь, мы едва удержались от смеха. На полу возвышалась гора, из-под которой едва высывались лысая голова и внушительная борода. Оказывается, уже ночью, почувствовав озноб, А. В. Павлов подложил под себя шинель, а периной накрылся, как одеялом.

Запомнился и другой веселый эпизод. Как-то то ли Путна, то ли Гайлит привез на квартиру М. Н. Тухачевского широченный татарский халат. Михаил Николаевич облачился в него, соорудил из полотенца подобие чалмы и, усевшись по-турецки, стал на татарском языке призывать правоверных к молитве – ни дать ни взять муэдзин на минарете!

Все это может показаться странным: бои, переходы, бессонные ночи в седле или над картой и вдруг – такое дурачество, шутки, разыгрывание. Однако все было именно так. Молодость брала свое. К тому же мы жили верой в грядущее, сознанием, что с каждым днем приближаем его, а это вселяло бодрость, поднимало дух.

Даже в самые трудные минуты на душе было светло, радостно.

9 июня 1919 года войска Южной группы Восточного фронта, в состав которой входила и наша 5-я армия, нанесли сокрушительный удар по колчаковщине: была освобождена Уфа. На этом, собственно, и завершается блестящая страница боевой истории Южной группы, во главе которой стоял М. В. Фрунзе. Войска 4-й, 1-й и Туркестанской армий покидают сибирское направление. Это направление вновь передается 5-й армии и ее соседям к северу (2-й и 3-й армиям).

Перед Михаилом Николаевичем встало бесчисленное множество проблем, решать которые надо было сразу же, немедленно, не откладывая в долгий ящик. Предстояло преодолеть Уральский хребет, форсировать множество больших и малых рек, вести бои в лесах. Все это очень осложнялось тем, что единственная коммуникация – Сибирская железная дорога – была разрушена отступавшими колчаковцами. Поезда тащились едва-едва, то и дело останавливаясь у превращенных в руины водокачек, сбитых стрелок. Вдоль железнодорожной линии болтались на столбах порванные провода.

²⁷ Почти все они в годы сталинского произвола разделили участь своего командарма.

А впереди у армии – сибирские морозы. Впереди – тиф, косивший целые деревни...

Однажды, когда штаб армии находился еще в Бугульме, Михаил Николаевич вызвал к себе меня, начальника моботдела Карягина, начальника оперативного отдела Ивашева, а также нескольких других бывших офицеров и предложил нам разработать систему подготовки командных кадров. При этом мы должны были исходить из установок партии о том, что пролетарской армии нужен свой революционный командный состав из рабочих и крестьян.

Тухачевский делал ставку в первую очередь на бывших командиров красногвардейских отрядов, комиссаров и коммунистов-бойцов.

– Далее, – говорил он, – мы располагаем бывшими унтер-офицерами царской армии, окончившими учебные команды. Эти отличные практики военного дела, получив теоретическую подготовку, станут достойными командирами рот, батальонов, а быть может, даже и полков, бригад. А сколько у нас умных, дельных рядовых солдат, прошедших окопную школу! Наконец, многих бывших прапорщиков, имеющих хорошее общее образование, целесообразно переподготовить и перевести на штабные должности.

Что касается учебных программ, то Михаил Николаевич предлагал положить в основу их один принцип: учить людей только тому, что требуется на войне. В качестве преподавателей следовало привлечь наиболее опытных командиров штаба и армейских управлений.

Для руководства всей этой работой в армии учреждалась инспекция военно-учебного дела, непосредственно подчинявшаяся командарму. Подобной организации ни в царской и ни в одной из действующих красных армий еще не бывало.

Во главе инспекции Михаил Николаевич поставил меня.

Через несколько дней мы представили командарму организационную схему и положение о подготовке командного состава. С весьма существенными коррективами, внесенными самим Михаилом Николаевичем, эти два документа были утверждены Реввоенсоветом.

В первую очередь при штабе армии создавались курсы старших строевых и штабных начальников. Между собой мы называли их Академией генштаба имени Тухачевского. В программу курсов были включены: стратегия, общая тактика, топография, фортификация, администрация, а кроме того, еще и стрелковое дело, строевая подготовка.

На учебу вызывались из частей прежде всего комиссары и коммунисты из рядового состава, затем лучшие из бывших унтер-офицеров и прапорщики военного времени. Продолжительность обучения устанавливалась в зависимости от общеобразовательной подготовки курсантов, но в общем от трех до шести месяцев.

Начальником курсов был назначен тов. Карягин, а комиссаром – по совместительству комиссар штаба армии, ныне персональный пенсионер Николай Кузьмич Гончаров. Он и сам, между прочим, окончил эти курсы на правах вольнослушателя.

Преподавание предмета, названного не совсем обычно – «Стратегия национальная и классовая», М. Н. Тухачевский взял на себя. Занятия по тактике вел начальник военных сообщений армии, бывший генерал Дмитрий Иванович Саттеруп. Организацию и администрацию преподавал И. Н. Устичев, службу интендантства – армейский интендант Полотебнов, фортификацию – военный инженер Арнбристер и его заместитель, бывший саперный офицер, коммунист Шубников. Командиры оперативного и разведывательного отделов штаба систематически выступали на курсах с докладами об операциях 5-й армии и сообщали о положении на фронтах гражданской войны. Политработники проводили информации о внутреннем и внешнем положении Республики.

Пока в Бугульме шло комплектование курсов, Михаил Николаевич командировал меня в Москву. Надо было приобрести хоть какие-нибудь пособия и проконсультироваться в ГУВУЗе, Всеросглавштабе, Академии. Но эта моя поездка оказалась малопродуктивной. Мне пришлось встретиться со многими бывшими генералами царской армии, работавшими тогда в центральных органах военного ведомства, – с М. Д. Бонч-Бруевичем, Н. И. Раттелем, А. Е.

Снесаревым. Им были хорошо известны имя и боевая деятельность М. Н. Тухачевского. Однако к инициативе его в отношении подготовки новых командных кадров они относились скептически. Мне неоднократно приходилось слышать от них фразу:

– Удивительно, ведь у него же самого нет академического образования!

Мои горячие речи в защиту наших курсов старших строевых и штабных начальников вызывали лишь снисходительные улыбки на их лицах. Генералы невозмутимо констатировали:

– Все это, батенька мой, фантазерство увлекающегося поручика.

Более или менее внимательно отнесся к нашей затее лишь главный комиссар военно-учебных заведений, бывший штабс-капитан лейб-гвардии Егерского полка И. Л. Дзевалтовский. Да и то, по-видимому, только потому, что в феврале 1915 года он вместе с Тухачевским участвовал в бою, после которого Михаил Николаевич пропал без вести. Но как бы то ни было, это неожиданное обстоятельство помогло мне получить в ГУВУЗе некоторые пособия, письменные принадлежности, карты. Вдобавок к этому я прикупил небольшое количество военной литературы у Сухаревской башни, на книжных развалах. Продавали ее там главным образом жены бывших генералов и офицеров. Помню, десятка два очень ценных книг удалось выменять у какой-то древней генеральши на буханку черного хлеба.

Мое возвращение в армию заняло много времени. Поезда стояли сутками на захолустных станциях и разъездах. Ехал я в штабном служебном вагоне с прицепленным к нему товарным. Добрался до Волги, когда штаб армии из Бугульмы передислоцировался уже в Уфу.

Наши курсы старших строевых и штабных начальников приступили к планомерным занятиям лишь 13 июля 1919 года, как раз в день назначения Михаила Васильевича Фрунзе на пост командующего войсками Восточного фронта. Под них было отведено здание бывшего Уфимского реального училища.

Кроме этих курсов предстояло развернуть еще Центральную армейскую военную школу среднего и младшего командного состава. Я был назначен по совместительству начальником этой школы.

В отличие от московских генералов, Михаил Васильевич Фрунзе очень сочувственно отнесся к нашему почину, безоговорочно одобрил его. Особо подчеркнул важность подготовки младшего командного состава.

А тем временем 5-я армия продолжала свой героический поход на Восток. Михаил Николаевич большую часть времени проводил в войсках. Процесс его полководческого становления, начавшийся в 1918 году, завершался. Молодой командарм твердо и уверенно принимал оперативные решения в самых сложных обстоятельствах.

С боями преодолев скалистые Уральские горы, наши войска заняли Златоуст – старинный русский промышленный центр на Урале. Впереди был Челябинск – ворота Сибири. Колчак терял одну жизненно важную позицию за другой.

24 июля, поддержанные челябинскими рабочими, части 5-й армии овладели Челябинском. 4 августа – освободили Троицк. Волна разбитых колчаковских полков неудержимо покатила за Tobol. М. Н. Тухачевский организовал преследование отступающего противника. Он не считал его окончательно разгромленным.

Но при всем том командарм не упускал из поля зрения подготовку командных кадров. Военно-учебное дело в армии развивалось все шире. Учрежденная Михаилом Николаевичем инспекция функционировала уже как некое подобие современного отдела боевой подготовки.

К моменту передислокации штаба армии из Уфы в Челябинск мы произвели первый выпуск курсов старших строевых и штабных начальников. После 3-месячного обучения 43 командира вернулись в свои части, а на их место из войск ехали новые слушатели.

Сложнее обернулось дело с Центральной военной школой по подготовке среднего и младшего командного состава. Дислоцировалась она в Миассе. Первоначально развернулись

пехотные курсы, положившие начало нынешнему Омскому военному училищу имени М. В. Фрунзе. Затем были организованы кавалерийские, артиллерийские, инженерные курсы по типу учебных команд.

Вскоре, однако, учебу там пришлось приостановить. Школа превратилась в громадный сыпнотифозный госпиталь. Тиф сразил до 90 процентов курсантов и преподавателей.

Это был враг опаснее Колчака. Для борьбы с тифом Михаил Николаевич мобилизовал не только военно-санитарные органы армии, но и местных врачей. Вспоминается его горячее выступление перед медиками, взятыми в плен. Михаил Николаевич страстно призывал их к исполнению врачебного и человеческого долга. Тут же он распорядился колчаковских военных врачей, фельдшеров, медицинских сестер, санитаров не считать пленными.

Вместе со мной М. Н. Тухачевский побывал в Миассе. Не страшась тифа, как не страшился пули в бою, сам обошел больных курсантов и преподавателей.

15 августа, к нашему всеобщему огорчению, Михаил Васильевич Фрунзе сдал командование Восточным фронтом. На его место назначили бывшего генерала Ольдероге. С новым командующим у Михаила Николаевича возникли серьезные разногласия.

Все, кто работал тогда рядом с Тухачевским, хорошо помнят, как тяжело переживал он это. Однако соблюдал такт и выдержку, всячески старался не уронить авторитета старшего начальника в глазах подчиненных.

Ольдероге отдавал очень противоречивые приказания. Вслед за Троцким он считал, что с Колчаком уже покончено, и, не сообразуясь с обстановкой, отводил с фронта одну часть за другой.

А Михаил Николаевич занимался подготовкой большого похода через безбрежные заснеженные просторы Сибири. Это был самый трудный и вместе с тем блестящий поход 5-й армии, в котором бойцы проявили величайший героизм, а командиры – не только личное мужество, но и умение руководить частями и подразделениями в самых сложных условиях.

С исключительной скрупулезностью, кропотливостью изучал Михаил Николаевич особенности театра военных действий. Впереди – полноводный и быстротечный Тобол. Грунтовых дорог мало, населенные пункты редки, в деревнях – казаки, крепкие сибирские кулаки. Сочувствующего Советской власти населения сравнительно немного, куда меньше, чем на Урале. В районе Петропавловска, по данным разведки, Колчак сосредоточивал свои отборные войска.

Как всегда, кабинетная работа над картами, документами, статистическими данными чередовалась у Михаила Николаевича с личными рекогносцировками. Опять и опять обращался он к истории, к походу в Сибирь Ермака Тимофеича.

На время я был отозван с учебной работы, переведен в полевой штаб командарма и тоже принимал посильное участие в подготовке предстоящих операций.

Петропавловская операция и бои на реке Тобол кратко описаны самим М. Н. Тухачевским в статье «Курган – Омск».²⁸

Форсировав Тобол, части 5-й армии начали успешное продвижение к Петропавловску. Но в это же время, 3 сентября, перешли в наступление и колчаковцы. Разгорелись встречные бои с переменным успехом. А Ольдероге настойчиво требовал вывода все новых и новых частей в резерв для последующей отправки на Южный фронт.

Михаил Николаевич счел за благо отмолчаться. Тогда все громы и молнии обрушились на начальника штаба Я. К. Ивашева. Но тому отговориться было легче: не могу, мол, поймать командарма, разъезжающего по боевым участкам.

Не желая нести напрасных потерь, Тухачевский приказал отвести войска за Тобол и занять оборону на западном его берегу. Это был очень разумный маневр. Измотанный противник даже не попытался форсировать реку и тоже перешел к обороне. Наступила

²⁸ Этапы большого пути. Воспоминания о гражданской войне. Воениздат, 1962, стр... 55–64.

оперативная пауза.

Михаил Николаевич использовал ее для перегруппировки сил и 14 октября вновь перешел в наступление. Однако колчаковцы и на этот раз оказали сильное сопротивление. Бои приняли затяжной и очень ожесточенный характер. Только 29 октября Петропавловск был взят нашими частями, и окончательный крах колчаковщины предreshен.

Путь от Петропавловска до Омска армия прошла походным маршем. Низкорослые, но крепкие сибирские лошаденки бодро тащили розвальни с бойцами.

Последний бой за Омск завязался в городском предместье Куломзино. С приближением Красной Армии куломзинские рабочие и железнодорожники Омского узла тоже взялись за оружие. 14 ноября 1919 года Омск стал советским. С Колчаком было покончено.

ВЦИК высоко оценил подвиг 5-й армии и ее командующего. Армия была дважды награждена Красным знаменем, а Михаил Николаевич – Почетным революционным золотым оружием (шашкой).

Начальник академии

Осенью 1921 года, после подавления бандитского восстания на левом берегу нижней Волги, я сдал командование 1-й Сибирской кавалерийской дивизией и отправился в Москву.

Наконец, думалось мне, можно будет осуществить давнюю мечту – поступить учиться в Военную академию РККА. К этому времени у меня накопился уже некоторый опыт штабной и командной работы, появилось влечение к военно-педагогической и научно-исследовательской деятельности. Последнее разбудил во мне Михаил Николаевич Тухачевский, назначив инспектором военно-учебного дела.

Приехав в Москву, к великой радости узнал, что начальником академии является не кто иной, как мой бывший командарм. Не мешкая, отправился на Воздвиженку, где в роскошном особняке, некогда принадлежавшем московскому клубу «Императорского охотничьего общества», помещалась тогда еще единственная Академия Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Особняк стоял в глубине просторного двора. На улицу выходили одноэтажные флигели. Прежде здесь жил с семьями обслуживающий персонал клуба. Теперь, в одном из этих флигелей была квартира Михаила Николаевича, а рядом разместился комиссар академии Л. Ф. Печерский. Я явился к Михаилу Николаевичу прямо на квартиру. Мы не виделись с декабря 1919 года, и встреча была очень радостной. Вспоминали Восточный фронт, 1-ю Революционную армию. Михаил Николаевич, как всегда, был приветлив, доброжелателен, бодр. На нем привычная синяя гимнастерка-косоворотка из «трофейного» сукна, сшитая еще в Симбирске.

Разговор незаметно подошел к цели моего приезда в Москву. Я рассказал о своем желании учиться в академии. Михаил Николаевич выслушал меня молча, опустив глаза. Я уже знал – это верный признак несогласия. Тухачевский всегда испытывал неловкость, отказывая кому-либо в просьбе. Он словно бы долго подыскивал слова, намереваясь переубедить просителя. Так случилось и на этот раз.

– Если вам так уж хочется учиться, – после паузы сказал он, – можете посещать лекции на правах вольнослушателя. Но я осмелюсь вам предложить должность начальника военно-научного отдела академии...

Я ожидал чего угодно, но только не такого предложения. Какой из меня начальник научного отдела, когда кругом профессора старой николаевской академии?!

Стал горячо возражать, говорил, что мне недостает теоретических знаний, что я не силен в военной науке.

– А военная наука еще не создана, – перебил меня Михаил Николаевич. – Та военная наука, которая нужна Красной Армии. Военно-научному отделу как раз и предстоит заняться этим. Он должен обобщить опыт гражданской войны и на его основе развивать военную теорию, необходимую нашей армии. К сожалению, пока что этот опыт в академии не анализируется и зачастую далее сознательно игнорируется старыми генералами.

Я знал характер Михаила Николаевича и понимал, что переубедить его нелегко. А тут еще подошел Печерский. Михаил Николаевич представил меня как своего бывшего наштарма и... нынешнего начальника научного отдела.

Печерский сразу же одобрил решение Тухачевского:

– Нам в академии очень нужны коммунисты – участники гражданской войны!

Итак, вместо учебы мне предстояло вновь работать под началом Михаила Николаевича. Но я по опыту знал, что это тоже учеба.

С жильем в ту пору было нелегко. Я поселился за кулисами сцены в зрительном зале, служившем теперь аудиторией. Там оказалось холодно и неудобно. Греться бегал на квартиру к Михаилу Николаевичу. У него же питался, сдавая свой паек доброй и сердечной Нине Евгеньевне.

Военная академия РККА представляла собой спешно реорганизованную николаевскую академию. По предложению Ленина к работе в ней была привлечена старая профессура, оставшаяся в Петрограде. Подвизался здесь и кое-кто из бывших офицеров-генштабистов, призванных теперь в Красную Армию. Иные из них предпочли педагогическое поприще «междоусобице». Участников гражданской войны можно было пересчитать по пальцам: П. И. Ермолин, Н. Н. Шварц, Н. Е. Какурин, А. Н. Де-Лазари да еще несколько человек.

Среди преподавателей, старых генералов и офицеров, насчитывалось, конечно, немало честных людей, готовых добросовестно передать свои знания красным командирам. Но имелись и такие, которые относились к Советской власти предубежденно, а то и враждебно.

Однако даже просоветски настроенные преподаватели не всегда понимали социальную суть Красной Армии, классовый характер гражданской войны. Убеждение в «аполитичности» армии глубоко укоренилось в сознании бывших генералов и офицеров.

Гражданская война не изучалась, ее опыт не принимался во внимание. Это вызывало законное недовольство слушателей. Возникали горячие дискуссии, острые споры, в которых далеко не всегда рождалась истина, но почти всегда давала себя знать стена между преподавателями и слушателями.

Слушатели-коммунисты проявили самодеятельное начало: еще в 1920 году при партийной ячейке создан кружок по изучению опыта гражданской войны. Михаил Николаевич всемерно поддерживал его, и в дальнейшем из этого кружка выросло Всесоюзное Военно-научное общество.

Все это я рассказываю для того, чтобы нынешний читатель мог представить сложность обстановки в академии того времени, понять, каким авторитетом и доверием пользовался Михаил Николаевич, если именно ему поручили возглавить и в корне перестроить кузницу высших командных кадров для Красной Армии. Тут принимались в расчет не только выдающиеся полководческие качества Тухачевского, но и его несомненный дар военного исследователя. Только человек, соединяющий в себе блестящего организатора, опытного военачальника и пытливого ученого, мог по-настоящему возглавить научный центр армии.

Первой своей задачей Михаил Николаевич считал преодоление в академии рутины, консерватизма, отживших взглядов и предрассудков. Рубить сплеча тут нельзя. Требовался величайший такт, осторожность, выдержка. Надо было уметь самому показать, как должны по-новому решаться вопросы стратегии и тактики, проблемы, связанные со строительством Вооруженных Сил Республики. Этим завидным умением М. Н. Тухачевский обладал вполне.

Вскоре по вступлении в должность начальника военно-научного отдела мне пришлось принять участие в расширенном заседании академического совета. Кроме профессорско-преподавательского состава и других должностных лиц здесь присутствовали с правом решающего голоса представители слушателей. Для старых профессоров это казалось чем-то немыслимым. А тут еще в зал набились слушатели – не члены совета.

Представьте себе такую картину.

Огромный зал с большими окнами и запыленными бархатными портьерами. Разномастные стулья, резные дубовые кресла, табуретки. В первых рядах – профессора и

преподаватели. Ежатся от холода, зябко кутаются в старые серые шинели (пуговицы с двуглавыми орлами обшиты материей). На генеральских брюках – следы споротых лампасов. Вот высокий, представительный, с холеным аристократическим лицом бывший генерал Андрей Медардович Зайончковский. Рядом с ним братья Юрий и Сергей Шейдемань. Один из них лихой кавалерийский генерал, бывший командир 2-го армейского корпуса, а затем командующий армией; другой, артиллерист, во время первой мировой войны возглавлял в русской армии ТАОН (тяжелую артиллерию особого назначения).

В первых же рядах – известный ученый, военный инженер генерал К. И. Величко, генералы М. М. Зачю, А. А. Свечин, А. А. Незнамов. Если сравнивать их с белогвардейскими «вождями», такими, как Корнилов, Деникин, Дутов, по авторитету в военных кругах преимущество было, конечно, не на стороне последних.

В ногах у профессоров – тощие вещевые мешки, из которых торчат хвосты воблы, а на дне угадывается до десятка картофелин. Портфелей тогда не носили, и в тех же мешках покоились папки с лекциями по стратегии или фортификации.

За чинными профессорскими рядами – слушатели. Они выглядят куда воинственнее своих учителей. Потрепанные шинелишки затянуты офицерскими ремнями. На боку – полевые сумки, наганы, маузеры, у некоторых клинки в серебряных ножнах.

Худые лица лучше всяких слов говорят о том, что слушателям живется впроголодь и не всегда они высыпаются. На пустой желудок, да еще в постоянном холоде нелегко грызть гранит военной науки. Но, несмотря ни на что, они веселы. Из угла доносится песня «Как родная меня мать провожала...». Поют бодро, с присвистом, не углубляясь в грустный смысл слов.

Но вот в дверях показались начальник и комиссар академии. С ними начальник учебного отдела К. И. Бесядовский.

Тогда еще не существовало команды: «Товарищи офицеры!» Однако сразу воцаряется тишина, все встают. Чтобы добраться до сцены, на которой высится кафедра, напоминающая церковный аналой, надо пройти весь зал. Михаил Николаевич шагает первым, приветливо улыбается и совсем не начальническим тоном говорит:

– Здравствуйте!.. Пожалуйста, сидите... не беспокойтесь...

В руках у него маленький блокнот и карандаш. Поднявшись на сцену, он кладет этот блокнот на кафедру и начинает лекцию – новую главу из своего первого военно-теоретического труда «Стратегия национальная и классовая».²⁹

В сосредоточенной тишине зала отчетливо звучит каждое слово. Я наблюдаю за профессорами. На их лицах вначале отражалось несколько ироническое любопытство: «Ну-с, послушаем, что скажет нам о стратегии этот поручик». Но очень скоро на смену любопытству пришло удивление. Им, воспитанным в духе «аполитичности» армии, было чему удивиться, когда услышали:

– Наши русские генералы не сумели понять гражданскую войну, не сумели овладеть ее формами... Мы видим перед собой не «малую» войну, а большую планомерную войну, чуть ли не миллионных армий, проникнутых единой идеей и совершавших блестящие маневры. В рядах этой армии среди ее преданных, рожденных гражданской войной военачальников начинает складываться определенная доктрина этой войны, а вместе с ней и теоретическое обоснование...

Еще резче обозначились складки между бровями маститых профессоров, когда до них долетели слова:

– Изучение основ и законов гражданской войны – это вопрос коммунистической программы... Лишь на базе марксизма можно обосновать теорию гражданской войны, то есть создать классовую стратегию.

²⁹ Конспект этих лекций с пометками Владимира Ильича и поныне хранится в личной ленинской библиотеке в Кремле. (Прим, авт.)

Все это было ново, необычно. Ветер революции врвался в замшелое здание академической военной науки.

Быть может, сейчас некоторые формулировки и высказывания Михаила Николаевича в его «Стратегии национальной и классовой» покажутся несколько прямолинейными, даже, если хотите, наивными. Но надо помнить о времени, надо представить восприятие людей того времени. И тех, у кого за плечами были десятилетия преподавания по освященной традицией канонам. И тех, кто имел образование в объеме церковно-приходской школы, а теперь, вернувшись с полей гражданской войны, приобщался к военной науке.

Задача Тухачевского состояла в том, чтобы повернуть военную науку, ее методологию и методику обучения на революционный, партийный путь. И с этой задачей он блестяще справлялся, преодолевая бесчисленные трудности.

Его выступление на академическом совете, о котором я сейчас рассказываю, закончилось под аплодисменты. Слушатели аплодировали, услышав нечто им близкое по классовому духу, отвечавшее их настроениям и думам. А профессора и преподаватели не могли не отдать должного эрудиции, широте и свободе мышления этого «офицера», ставшего начальником академии и удивительно соответствующего своему необычному назначению. Сильное впечатление произвели на них и умение Михаила Николаевича читать лекцию, его манера держаться на кафедре, такт, удивительное сочетание скромности и чувства собственного достоинства.

М. Н. Тухачевский читает лекцию в Военной академии им. М. В. Фрунзе (1928 г.)

М. Н. Тухачевский на праздновании десятилетия 4-й кавалерийской дивизии (1929 г.)

С. М. Киров, М. Н. Тухачевский и И. Е. Славин во время перво майской демонстрации трудящихся Ленинграда (1930 г.)

Но смолкли аплодисменты, и наступило время задуматься над услышанным.

– Да! – покачивая головой, говорит мне Андрей Медардович Зайончковский. – Заставит меня этот Мишенька на старости лет прочитать «Капитал» вашего Маркса...

– Потрясающе! – восклицал бывший полковник генерального штаба Александр Халилович Базаревский. – Откуда у него все это?.. Теперь мне понятно, кто разрабатывал такие замечательные операции против Колчака. А мы-то ломали голову...³⁰

В последующих дискуссиях на военные темы наиболее яростно Михаилу Николаевичу возражал А. А. Свечин. Один из самых образованных офицеров русской армии, Свечин еще до первой мировой войны пользовался репутацией прогрессивного военного мыслителя. Он сразу высоко оценил Тухачевского, но однако же не мог не спорить с ним. Это были

³⁰ А. Х. Базаревский в прошлом служил у Колчака, но потом бесповоротно разошелся с ним.

поединки достойных друг друга противников, наделенных остроумием, блестяще эрудированных. В доводах, как с той, так и с другой стороны, часты были ссылки на Юлия Цезаря и Александра Македонского, Наполеона и Тюренна, Суворова и Кутузова, Шлиффена и Мольтке. Дружески поддевая друг друга, они иногда приходили к общему выводу, но нередко каждый оставался при своем мнении.

Умение Михаила Николаевича уважать взгляды оппонента тоже, мне думается, было одной из пружин, поднимавших все выше и выше его авторитет среди бывших генералов и офицеров, профессоров и преподавателей академии. А что до слушателей, то кроме непререкаемого авторитета он пользовался у них еще и любовью, той самой бесхитростной солдатской любовью, какая выражалась обычно словами: «простой», «свой». И действительно, М. Н. Тухачевский был для них своим, для одних – «мой командарм», для других – «мой комфронта». Ведь слушатели эти только вчера под его командованием громили белогвардейцев на Востоке и на Кавказе, дрались с интервентами на Западном фронте, ликвидировали Кронштадтский мятеж и бандитизм на Тамбовщине.

М. Н. Тухачевский настойчиво требовал освобождать преподавание военных дисциплин от всего устаревшего, отжившего свой век, ненужного в условиях современной войны. Он хотел, чтобы в каждой лекции, в каждом занятии содержалось что-то новое, соответствующее развитию и совершенствованию оружия, технических средств.

– Лекция, – говорил Михаил Николаевич, – должна пробуждать в слушателе интерес к теме, стремление к самостоятельной творческой работе, должна направлять мышление...

Он не терпел казенщины, ратовал за живой, образный язык и очень рекомендовал молодым преподавателям учиться у старых культуре речи. Тухачевский терпеть не мог беспомощных лекторов, не способных оторваться от записок. В таких случаях он советовал сдать лекцию в литографию, чтобы там ее размножили.

– На досуге слушатели прочитают ее сами с большим вниманием, – добавлял Михаил Николаевич.

Считая академию не только высшим учебным заведением, но и научным центром армии, он делал все, чтобы наладить постоянную связь с частями, изучать их опыт, проверять теоретические положения, разработанные кафедрами, на войсковых маневрах и показательных занятиях.

Михаил Николаевич очень ценил первых историков гражданской войны, всячески содействовал им. Среди преподавателей академии пионерами серьезной исследовательской работы в этой области оказались Николай Евгеньевич Какурин и Александр Николаевич Де Лазари. Бывшие офицеры генерального штаба, они провели годы гражданской войны в рядах Красной Армии и хорошо ее знали. Но сам Н. Е. Какурин говорил мне как-то, что свой первый капитальный труд «Как сражалась Революция» он смог создать только благодаря дружескому содействию со стороны начальника академии.

М. Н. Тухачевский вообще отличался чудесной способностью находить талантливых людей и создавал им необходимые условия для плодотворной работы, поддерживал их. И это было очень важно. Нельзя забывать о трудностях, которые возникали тогда на каждом шагу. Сама обстановка далеко не всегда способствовала успеху научной работы. Преподаватели часто имели дело с малограмотными, а то и вовсе неграмотными слушателями.

Именно поэтому Михаил Николаевич настаивал на параллельном изучении военных и общеобразовательных дисциплин. При нем в академии большое внимание уделялось русскому языку. М. Н. Тухачевский установил такой порядок, при котором преподаватель по любому предмету, будь то тактика или военная история, помогал слушателям усваивать грамматику. Точно так же при изучении фортификации и топографии преподаватели обязаны были способствовать развитию у слушателей математических навыков.

А для чтения лекций на политические темы приглашались Емельян Ярославский, Феликс Кон, Н. И. Подвойский.

Ни одна из дисциплин, предусмотренных учебной программой, ни одно занятие не

ускользали из поля зрения Михаила Николаевича. Он всегда был в центре кипучей академической жизни.

Тухачевский не признавал праздного досуга. Ни на службе, ни дома.

Дома он обычно либо читал, либо играл на скрипке, либо писал маслом. У него всегда гостил кто-нибудь из фронтовых друзей и соратников. И эти гости чаще всего становились слушателями концертов, которые давал Михаил Николаевич со своими московскими приятелями-музыкантами. В присутствии же мало знакомых людей он предпочитал сам оставаться слушателем, потому что не высоко оценивал собственные музыкальные способности.

По какой-то не очень близкой аналогии, мне вспомнился сейчас один эпизод, относящийся к описываемому периоду. Нынешний кинотеатр повторного фильма в 20-е годы назывался «Унион». Как-то раз мы с Михаилом Николаевичем зашли туда. В фойе играл струнный оркестр. Мы были поражены, узнав в дирижере учителя музыки, некогда преподававшего в 1-м Московском кадетском корпусе. Маленького роста, щуплый, с черной бородкой и обвисшими усами, он темпераментно размахивал палочкой. Вспомнили фамилию дирижера – Ерденко. Он приходился двоюродным братом известному скрипачу Михаилу Ерденко. В свое время наш Ерденко аккомпанировал на уроках танцев, которые вел у кадетов балетмейстер Большого театра Литовкин.

Дождавшись перерыва, мы подошли к старому маэстро, напомнили о корпусе, назвали свои фамилии.

Ерденко был растроган. Мы уже не пошли смотреть картину, а остались с ним в фойе, вспоминая давние времена. Выяснилось, что живется музыканту несладко, что у него небольшая сырая комната в подвальном этаже на Никитском (ныне Суворовском) бульваре.

Михаил Николаевич сразу же захотел чем-нибудь помочь Ерденко. Но как это сделать поделикатнее, не ущемляя самолюбия музыканта? Была придумана вполне правдоподобная версия: будто бы во мне вдруг проснулась страсть к музыке (я когда-то числился второй скрипкой в корпусном симфоническом оркестре) и вот теперь, дескать, решил брать у старого учителя уроки. Договорились, что два раза в неделю буду ходить к нему.

С музыкальными занятиями у меня, конечно, ничего не вышло. Но Ерденко получил аванс примерно за полгода вперед.

В Тухачевском жила постоянная щедрая потребность помогать людям, особенно людям искусства, науки. В этом сказывалась не только его природная доброта, но и неизменное убеждение в том, что для строительства нового общества нужны музыканты, художники, писатели, ученые. Его никогда не оставляла мысль о повышении общей культуры народа и армии. Сам он являл собой пример неустанного самоусовершенствования.

Запомнился один из вечеров, проведенных у Тухачевских. За чаем сидели Феликс Кон, Печерский, Емельян Ярославский и еще несколько человек. Разговор зашел о теории относительности Альберта Эйнштейна. Михаил Николаевич, Феликс Кон и Ярославский не уступали друг другу в эрудиции. Я, рискнув включиться в их беседу, задал вопрос: что может быть общего у теории относительности и военного дела?

Михаил Николаевич принялся увлеченно объяснять, что в теории относительности Эйнштейн большое внимание уделяет пространству и времени, которые, как известно, и в военном деле играют не последнюю роль. Все более воодушевляясь, он развивал мысль о необходимости самых широких знаний для командиров Красной Армии. Не только генштабисты, но и строевые офицеры должны овладевать высшей математикой, механикой, физикой.

Двадцативосьмилетний начальник академии рисовал далекую для того времени перспективу. Много, очень много из того, что он говорил в тот вечер, давно уже стало реальностью. И этот великолепный дар предвидения, эта целенаправленность в мыслях и действиях лучше всего свидетельствовали о том, что М. Н. Тухачевский в академии, как и прежде на фронте, оказался на месте.

Пребывание Михаила Николаевича на посту начальника академии было сравнительно непродолжительным. Однако и за это время сделать он успел многое.

ЕГО УКРАШАЛА СКРОМНОСТЬ

А. М. УРАЛЬЦЕВ

Когда я всматриваюсь в далекие годы прошлого, воскрешаю в памяти незабываемые события гражданской войны и первых лет Советской власти, вспоминается прежде всего молодежь того времени. Молодежь рабочая. Молодежь солдатская и матросская. Молодая интеллигенция.

Молодежь была ударной силой революции. Из ее рядов наша партия черпала кадры самоотверженных бойцов для фронта и талантливых организаторов для тыла.

У нас, на родине В. И. Ленина, в бывшем Симбирске, первым председателем губисполкома был тридцатилетний рабочий-металлист М. А. Гимов, а во главе губкома РКП(б) стоял слесарь-инструментальщик и профессиональный революционер двадцатичетырехлетний И. М. Варейкис. В тот же период городскую партийную организацию возглавлял двадцатилетний техник Григорий Каучуковский, а его ровесник студент Александр Швер редактировал первую советскую газету.

Летом 1918 года Симбирскую губернию охватило пламя гражданской войны. На ее территории началось формирование 1-й Революционной армии, и командование этой армией было доверено бывшему поручику двадцатипятилетнему М. Н. Тухачевскому.

О моих встречах с Михаилом Николаевичем Тухачевским и впечатлениях от них мне и хочется рассказать здесь.

Впервые я увидел М. Н. Тухачевского в начале сентября 1918 года в поселке Чуфарово, Московско-Казанской железной дороги. Там располагался тогда штаб 1-й Симбирской Железной дивизии. Пути были забиты эшелонами. Готовилось наступление на Симбирск.

Я занимал в то время очень скромную, но хлопотную должность: красноармеец-письмоводитель, а попросту – писарь. Работы было невпроворот: дивизия принимала пополнение. Прибывали команды мобилизованных, шли добровольцы.

С какими-то бумагами я направился к начальнику штаба Вилумсону. Он отмахнулся:

– Потом. Сейчас иду вместе с начдивом встречать командующего армией.

Каждому из нас тоже, конечно, хотелось посмотреть, каков он, наш командующий. Но работа не пускала. Только примерно через полчаса после ухода Вилумсона мне и моему товарищу Володе Трубачеву разрешили отлучиться из штабного помещения.

Мы были еще очень молоды, но то ли из книжек, то ли понаслышке от бывалых солдат знали, что командующего армией полагается встречать торжественно, вероятно с оркестром и почетным караулом. Однако нам пришлось разочароваться. На этот раз ничего подобного не было и в помине.

Командарм запросто шагнул через площадь в группе наших командиров и о чем-то оживленно разговаривал с ними. Когда группа приблизилась к штабу, нам удалось хорошо рассмотреть его. По сравнению с нашим начдивом Г. Д. Гаем, которому шел тогда тридцать первый год, М. Н. Тухачевский выглядел совсем юношей, словно только что покинул гимназическую скамью. Одет он был, как и все тогда, в самую обычную красноармейскую гимнастерку, только хорошо по фигуре пригнанную.

Командующий был немного выше среднего роста, строен, подтянут. От всей его фигуры веяло здоровьем, энергией, уверенностью и спокойствием. На лице светились большие серые глаза. У губ – волевая складка. Держался он просто, без всякой рисовки.

У нас в штабе М. Н. Тухачевский пробыл недолго. Почти сразу же вместе с Гаем уехал в полки. А через несколько дней мы узнали, что командарм лично наблюдал за ходом наступления нашей дивизии на Симбирск, находясь на одном из ее флангов.

Такова была моя первая встреча с М. Н. Тухачевским – одним из самых выдающихся полководцев Красной Армии периода гражданской войны.

Прошли годы. Отгремели военные громы. Советская республика, залечив раны, поднималась из пепла и разрухи. Красная Армия пристально изучала накопленный ею боевой опыт, совершенствовалась технически и организационно. И тут судьба опять столкнула меня с Михаилом Николаевичем.

Весной 1925 года я получил назначение в Смоленск на должность инструктора политуправления Западного военного округа по военной пропаганде. А Михаил Николаевич Тухачевский как раз в то время командовал войсками этого округа.

Дело, возложенное на меня, было совершенно новым. Никто не мог точно очертить круга моих обязанностей и сказать вполне определенно, чем я должен заниматься: то ли наблюдать за деятельностью Осоавиахима, то ли добиваться военизации учебного процесса в школах, то ли налаживать военную пропаганду на приписных участках территориальных частей. Пришлось употребить некоторое время, прежде чем все это прояснилось и у меня установились более или менее прочные связи с учреждениями и организациями, которые в какой-то мере уже занимались военной пропагандой.

И вот однажды я оказался на общем собрании ячейки ВНО (военно-научного общества), объединявшей работников штаба округа. Вхожу и глазам своим не верю: среди собравшихся – М. Н. Тухачевский. Сидит себе скромненько на стуле у окна и с кем-то тихо разговаривает в ожидании, пока откроют собрание.

Я занял место в углу наискосок и стал наблюдать. Думал, что Тухачевский приглашен сюда в качестве докладчика или, по крайней мере, будет председательствовать. Ничего подобного! Собрание вел кто-то из работников штаба. Докладчиками тоже выступали другие.

Не помню сейчас, какие вопросы разбирались тогда. Кажется, речь шла об изучении уроков и опыта польской кампании. Запомнилось другое: внимательность, с какой М. Н. Тухачевский выслушивал выступления рядовых членов ВНО, и то, как покорно взял он на себя разработку какой-то темы, предложенной председательствующим.

Когда собрание закончилось и все стали расходиться, я подошел к М. Н. Тухачевскому, представился. Сказал, что видел его под Симбирском в 1918 году.

– Приятно встретить старого сослуживца, – приветливо отозвался он и после некоторого раздумья добавил: – Много лет прошло с тех пор, были дела посерьезней и посложней, чем Симбирск, и все же тех дней я никогда не забуду...

От беглых воспоминаний мы перешли к деловому разговору. Я попросил совета, как мне поскорее заинтересовать делом военной пропаганды широкую партийную и советскую общественность. Может быть, лично объездить основные центры округа? Может быть, написать письма в местные советы и профсоюзы? Михаил Николаевич посоветовал воспользоваться прежде всего газетной трибуной. Рекомендовал написать серию статей о роли и значении военной пропаганды среди населения.

Я ухватился за эту мысль. Статьи были написаны и вскоре напечатаны.

В тот год мне довольно часто приходилось встречать Михаила Николаевича. Мы состояли в одной парторганизации, работали в одном здании, жили в одном доме у Лопатинского сада.

Однажды летом иду на службу и вдруг справа от себя слышу автомобильный гудок. Повернулся и вижу: возле меня останавливается машина командующего. Михаил Николаевич приоткрыл дверцу и приглашает:

– Садитесь... Вы же, наверное, в штаб?..

С тех пор в подобных случаях я и сам стал поступать точно так же: никогда не проезжаю мимо знакомых мне людей.

Вспоминается и еще один, может быть, мелкий на первый взгляд, но очень характерный случай. Как-то на открытой площадке одного из летних кинотеатров, расположенного неподалеку от нашей квартиры, мне пришлось делать для зрителей доклад о международном положении. Примерно на половине доклада я заметил среди зрителей М. Н. Тухачевского. Это меня смутило, начал было сбиваться с тона. Михаил Николаевич за метил

мое смущение и ободрил кивком головы: ничего, мол, все хорошо, продолжай. Это помогло мне вновь овладеть собой, и доклад закончился вполне благополучно.

Из всех моих, очень разных по характеру, встреч с Михаилом Николаевичем Тухачевским я вынес совершенно твердое убеждение, что это был человек редкого ума, такта, обаяния и скромности. Той скромности, которая всегда отличает людей незаурядных от серой посредственности.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ **К. М. ПАВЛОВА-ДАВЫДОВА**

В июле 1918 года наше село Лесное Анненково наводнили военные. Время было тревожное. Я только что кончила гимназию и приехала к маме отдохнуть. Понять, кто эти военные – то ли белые, то ли красные, – сразу не могла.

На втором этаже дома, в котором жила наша семья, находились почта и телеграф. С балкона через открытое окно я услышала в телеграфной незнакомые голоса. Один из них, самый громкий, просил к аппарату станцию Инзу, товарищей Тухачевского и Куйбышева. Потом говоривший назвал себя:

– У аппарата Гай...

На несколько минут наступила тишина. Видимо, Гаю что-то ответили. Из отрывочных разговоров мне стало ясно: в село пришли красные.

А вечером Г. Д. Гай и несколько его товарищей попросились к нам на ночлег. Мы приняли их радушно – накормили, напоили молоком и чаем. Гай долго беседовал с моим братом, рассказывал о гражданской войне, о том, как Красная Армия защищает свободу и счастье людей труда. Этот рассказ запал мне в душу и решил мою судьбу. Утром я попросила Гаю записать меня добровольцем в Красную Армию. Стала штабным письмоводителем.

Через несколько дней мне самой довелось увидеть М. Н. Тухачевского и В. В. Куйбышева. Было это 28 июля. Они приехали на паровозе на станцию Чуфарово, где размещался тогда наш штаб.

До этой встречи Тухачевский представлялся мне человеком почтенного возраста (ведь о нем с таким уважением говорили наши командиры!), а в действительности оказался едва не юношей.

Доложив обстановку, Гай горячо обнялся с Михаилом Николаевичем и Валерианой Владимировичем. Они обменивались шутками, смеялись, рассказывали друг другу веселые истории. Даже как-то не верилось, что эти молодые жизнерадостные люди наводят страх на маститых белогвардейских генералов.

Перед станцией тем временем воздвигли деревянную трибуну. Вокруг нее выстроились отряды. Перед собравшимися выступили сначала Куйбышев, потом Гай, а затем уже Тухачевский...

В следующий раз я увидела командарма во время первого наступления Железной дивизии на Симбирск.

Помню, как сейчас, 13 августа прибыли мы на забитую воинскими эшелонами станцию Охотничью. Комиссар дивизии Б. С. Лифшиц стал диктовать мне воззвание к воинским частям, находившимся тут же на станции, но не пожелавшим выгружаться из эшелонов и идти в наступление.

Не успела я отстучать на машинке и нескольких строк, как начался вдруг артиллерийский обстрел станции. Один снаряд разорвался неподалеку от вокзала. Посыпались стекла, послышались стоны раненых. Гай, Лифшиц и начальник штаба Вилумсон выбежали на платформу. Я схватила машинку, недописанное воззвание и побежала в поле.

Когда вернулась, штаб уже размещался в квартире начальника станции. За столом склонились над картой Гай и Вилумсон. Перед ними тускло светилась маленькая

керосиновая лампа. На меня в полутьме никто не обратил внимания. Я забились в угол и заплакала.

Было уже за полночь, когда в комнату вошел еще кто-то. Его встретили радостными восклицаниями. Присмотревшись, я узнала Михаила Николаевича Тухачевского.

Водя карандашом по карте, Гай доложил обстановку. Он рассказал о беспорядках среди вновь прибывших, о недавно закончившемся артиллерийском обстреле. М. Н. Тухачевский внимательно слушал его. А когда тот кончил, спросил, показывая на меня:

– Это кто такая? Почему плачет?

Потом подошел ко мне и заговорил, как с ребенком:

– Не надо плакать. На войне не плачут, а воюют. Вы же боец Красной Армии...

Всю ночь Тухачевский, Гай и другие командиры колдовали над картой, составляли какой-то приказ. Только под утро Гай предложил Михаилу Николаевичу хоть немного отдохнуть. Тухачевский не заставил себя упрашивать. Лег в углу на солому, подложил под голову фуражку и моментально заснул. А с рассветом уехал в Инзу...

Дней через десять после освобождения Симбирска штадив Железной погрузился на пароходы, и мы двинулись вниз по Волге, на Самару. 7 октября 1918 года дивизия вступила в Самару, а потом ею был занят и Бузулук.

Из Бузулука Г. Д. Гая отозвали и назначили командующим 1-й Революционной армией. М. Н. Тухачевский переводился на Южный фронт. Но после недолгого пребывания на юге Михаил Николаевич снова появился в наших краях и возглавил 5-ю армию. С частями этой армии бок о бок шла 24-я Симбирская Железная дивизия.

Однажды новому нашему начдиву В. И. Павловскому понадобилось зачем-то лично встретиться с М. Н. Тухачевским. Для этого нужно было ехать в Уфу (штаб 5-й армии размещался тогда там), и я, желая навесить лежавшего в уфимском госпитале адъютанта дивизии Б. Л. Леонидова, уговорила Павловского прихватить меня с собой.

Узнав о нашем приезде, Михаил Николаевич пригласил всех к себе домой. Он и его жена Мария Владимировна отнеслись к нам, как к самым близким друзьям. Никогда не забуду я тот сердечный вечер, милые беседы, шутки, смех...

После этого до конца войны я уже не виделась больше с Михаилом Николаевичем. Встречи наши возобновились только в Москве на новогодних вечерах у Г. Д. Гая. Однажды Михаил Николаевич, вспомнив, как я ревела на станции Охотничьей, стал дружески поддразнивать меня и предложил тост в честь «бабушки Железной дивизии».

В 1920 году умерла его жена Мария Владимировна. Михаил Николаевич женился на Нине Евгеньевне Гриневиц. С ней я тоже подружилась и нередко бывала у них в гостях, в так называемом Чижовском подворье на Никольской улице.

Доводилось видеть Михаила Николаевича и в Наркомтяжпроме – у Серго Орджоникидзе. Я работала тогда там в секретариате наркома и не раз наблюдала, с каким уважением, даже любовью Серго относился к нему. Зинаида Гавриловна, жена Серго, говорила мне, что Орджоникидзе считает Тухачевского одним из самых близких своих друзей.

Это было трудное время. Чуть ли не каждый день мы теряли товарищей, соратников, родных. Не выдержав страданий, Серго покончил с собой. А через несколько месяцев не стало и Михаила Николаевича Тухачевского.

Мне рассказывали, что, когда на инспирированном Сталиным суде Тухачевскому предоставили последнее слово, он твердо заявил:

– Я люблю свою Родину, никогда не был ее изменником и врагом своего народа...

Теперь, после того как партия развенчала культ личности Сталина, в искренность этих слов поверил весь мир. Но люди, близко знавшие Тухачевского, верили ему и тогда.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ БЛОКНОТЫ
Н. Н. ЛАПШИН

Если мастера палитры и резца захотят увековечить образ выдающегося советского полководца-коммуниста М. Н. Тухачевского, пусть они изобразят его с мужественным, энергичным лицом, в ладно сидящей форме красного командира. Таким я впервые увидел Михаила Николаевича в Самаре на Соборной площади, во время парада, который принимал М. В. Фрунзе.

А познакомился я с Тухачевским позже: 7 апреля 1920 года, в Ростове-на-Дону. В этот день на пленуме Ростовского горсовета чествовали командующего Кавказским фронтом.

В большом зрительном зале собрался актив Ростова и Нахичевани. Здесь был старый участник событий на Лене Г. В. Черепяхин, ветераны борьбы за дело рабочего класса тт. Сырцов, Пивоваров (Роберт), Решетков, Журенко. В президиуме выделялась группа военных во главе с М. Н. Тухачевским и начальником штаба фронта С. А. Пугачевым.

Я вынул блокнот, карандаш и приготовился записывать. В это время ко мне подошел товарищ в изрядно поношенном пальто и спросил:

– Вы что писать будете? Для какой газеты?

Я ответил, что представляю здесь газету «Красный казак».

– Может быть, сделаете отчет и для ДонРОСТА?³¹ Я заведующий ДонРОСТА... Работников не хватает. Старые журналисты забились в щели, отсиживаются. Молодые еще не выросли.

Из присутствовавших на пленуме мне знакомы были только военные. Местных товарищей я не знал и потому стал отказываться от предложения заведующего ДонРОСТА:

– Боюсь напутать.

– А я вам дам в помощь нашего репортера, – не сдавался напористый проситель и, не дожидаясь моего ответа, крикнул в сторону: – Коля, поди сюда!

К нам подошел вихрастый парень в синей сатиновой косоворотке и сандалиях на босу ногу. Поглядывал он хмуровато и как-то искоса.

– Знакомьтесь. Наш начинающий сотрудник, местный парень Коля Стукалов. Он всех здесь знает...

Это был счастливый день в моей жизни. В течение двух часов я познакомился с двумя выдающимися деятелями нашей эпохи: один – прославленный полководец, комфронта М. Н. Тухачевский, другой – будущий советский писатель, автор всемирно известной теперь драматургической ленинианы, Николай Федорович Погодин.³²

– Пошли за стол секретариата, – предложил Коля, – там писать удобнее.

Мне не оставалось ничего, кроме как покорно последовать за ним.

– Именем РСФСР, именем восставших и победивших рабочих, – торжественно провозгласил председательствующий тов. Вегер, – первое заседание Ростово-Нахичеванского горсовета объявляю открытым!..

Участники заседания бурно приветствовали героическую Красную Армию и ее полководца М. Н. Тухачевского, под командованием которого были освобождены Ростов, Ейск, Армавир, Минводы, Георгиевск, Ставрополь и Екатеринодар. Потом слово было предоставлено самому герою торжеств.

Свыше сорока лет моя семья хранит ветхий, выцветший номер газеты «Советский Дон», где помещена записанная мной тогда речь М. Н. Тухачевского. Вот она:

– Два года рабочие Ростова и Нахичевани выдерживали невыносимый гнет буржуазии, гнет Добровольческой армии. Два года длилась благородная борьба за освобождение трудящихся. Теперь, когда Красная Армия одержала победы на всех фронтах, когда к Советской России обращаются с мирными предложениями, когда в Германии идет гражданская война, Советская Россия может перейти к разрешению задач на фронте труда

³¹ РОСТА – первое советское информационно-телеграфное агентство. ДонРОСТА – его донское отделение.

³² Стукалов – действительная, фамилия драматурга Н. Ф. Погодина.

путем коммунистического строительства.

Борьба с разрухой тяжелей борьбы на полях сражений. Но двухлетний опыт рабочих Севера не прошел даром. Он систематизирован IX съездом РКП (б).

Мы хорошо сознаем, какое значение имела идея коммунизма для Красной Армии. Когда Деникин протягивал свои руки к Москве, когда Юденич стоял у стен Петрограда, а Колчак продвигался к Волге, рабочие своими телами преградили им путь. Сила коммунизма явилась мощным снарядом, бившим по врагу. Победа Красной Армии привела в свою очередь к победе Советской власти.

Да здравствуют рабочие Ростова и Нахичевани!

Я и сейчас будто слышу вновь этот звонкий возглас, которым Михаил Николаевич закончил свою речь.

Председатель Донревкома Вегер преподнес Тухачевскому именной подарок – полевой бинокль. Под овации всего зала они расцеловались.

Тухачевский был заметно взволнован. Он горячо благодарил революционных рабочих Ростова за любовь к Красной Армии и в заключение подчеркнул:

– Я хотел бы сказать, что Красная Армия – детище Советов. Ею руководят Советы, и в Советах черпает она свою мощь. Не отдельные герои, не вожди, не полководцы, а титаническая сила, которая скрыта в недрах трудового народа и его Советов, ведет нашу армию вперед и помогает одерживать победы...

После торжественного заседания мы с Погодиным подошли к Михаилу Николаевичу и поздравили его от лица работников печати.

Увидев на мне черкеску с алым башлыком и узнав, что я служу в Казачьем отделе ВЦИКа, Тухачевский оживился еще более:

– Да мы с вами, выходит, одного поля ягоды! Я ведь тоже начинал свою советскую службу во ВЦИКе. Только не в Казачьем отделе, а в Военном.

В этот же вечер главная улица Ростова, тогда еще называвшаяся Садовой, огласилась криками мальчишек-газетчиков:

– «Советский Дон» на завтра!³³ Первое заседание горсовета! Речь товарища Тухачевского!

А утром от заведующего ДонРОСТА я получил новое задание – «добыть» у Тухачевского интервью о положении на Кавказском фронте и ровно через час сидел в салон-вагоне командующего, разложив свой нехитрый корреспондентский инвентарь.

Тухачевский начал беседу легко и непринужденно:

– Белая армия нами окончательно разгромлена. В Новороссийске захвачено тридцать тысяч неприятельских солдат и две тысячи офицеров. Кубанские войска частично сложили оружие, а частично перешли на нашу сторону со всем вооружением и снаряжением, во главе с офицерами и сразу активно выступили против Деникина. Например, первая кубанская дивизия, действующая теперь в составе Красной Армии, ворвалась в Новороссийск на плечах врага. Советская власть и товарищ Ленин относятся благосклонно к тем пленным, которые перешли на нашу сторону с чистой душой...

Тут Михаил Николаевич на минуту задумался, присел в кресло и продолжал:

– Когда у Ленина спросили однажды, как быть с пленными французскими солдатами, страдающими от холода и голода, Владимир Ильич ответил кратко, но выразительно: «Одеть и накормить». А ведь то были пришлые, интервенты! Здесь же мы имели дело с нашими соотечественниками, которым Антон Деникин насильно сунул в руки винтовку.

Я быстро записывал то, что говорил Михаил Николаевич, и все отчетливее понимал, что передо мной полководец с рыцарскими представлениями о своем долге, благородный в поступках и мыслях. Беспощадный к врагу с мечом, он милостив к положившим меч,

³³ В Ростове было заведено продавать «завтрашнюю» газету с вечера. (Прим. авт.)

свободен от озлобления и мстительности.

Как сейчас, стоит у меня в памяти этот яркий весенний день. Голубые шторы вагона распахнуты, и луч солнца скользит по большому столу, застланному разноцветным полотнищем карты. Тухачевский шагает по вагону, обдумывая слова, и делает иногда рукой такой жест, словно бы подбрасывает их, пробуя на вес.

– Надеюсь, – убежденно говорит Михаил Николаевич, – что русские офицеры, порвавшие с Деникиным, честно послужат Советской республике. Но если на великодушие, какое проявляет к ним рабоче-крестьянская власть и ее глава товарищ Ленин, они ответят коварными кознями, пусть пеняют на себя...

Эта беседа помещена в газете «Советский Дон» 14 апреля 1920 года. И сейчас, вспоминая давний разговор, я невольно задумываюсь: как мог этот человек, со школьной скамьи посвятивший себя военному делу, с молодых лет познавший кровопролитные бои, сам испытавший тяготы плена, оставаться таким гуманным, великодушным (хотя и свободным от наивных иллюзий, от маниловщины)!

Не про всякого военачальника скажешь, что отличительной его чертой является человеколюбие. Про Тухачевского же это можно сказать с полным основанием.

Мне не пришлось видеть, как Михаил Николаевич руководил в 1921 году ликвидацией Кронштадтского мятежа. Но я хорошо помню приказ, подписанный им вместе с главкомом С. С. Каменевым и опубликованный в «Правде» 17 марта. В документе этом словно бы продолжалась наша беседа с Михаилом Николаевичем на запасных путях станции Ростов-главная. Приказ обязывал:

«Всем добровольно переходящим на нашу сторону не причинять никакого оскорбления и насилий, ибо для всех, искренне раскаявшихся, рабоче-крестьянская власть сохранит жизнь».

А в архиве Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина мне удалось разыскать листовки, написанные Тухачевским в период его борьбы с антоновщиной. Сколько в них огня, несгибаемой воли, житейской правды! И вместе с тем сколько человечности!

Одна из листовок гласит:

«В случае явки бандита с оружием в штаб Красной Армии в течение двух недель со дня ареста семьи, семья подлежит немедленному освобождению, имущество немедленно возвращается».

В другой листовке подчеркивается:

«Всему личному составу надлежит избегать нанесения какого-либо ущерба или оскорблений честным трудящимся гражданам».

Михаил Николаевич думал не только о сегодняшнем дне нашей страны. Его всегда волновало и ее будущее. В этом я, в частности, имел возможность убедиться, присутствуя в качестве корреспондента «Правды» на Седьмом белорусском съезде Советов в мае 1925 года.

9 мая мой отчет об этом съезде «Правда» напечатала под заголовком «Будем готовы к обороне». В отчете излагалось выступление М. Н. Тухачевского, и есть там, между прочим, такие строки: «В случае нападения на нас... Белоруссия явится стратегическим плацдармом, где развернутся... столкновения Красной Армии с армиями западноевропейского капитализма».

Хорошо запомнился мне еще и такой эпизод.

В 1927 году, будучи уже заведующим военным отделом «Правды», я получил от Марии Ильиничны Ульяновой задание организовать курсы по подготовке спецвоенкоров.

– Думаю, – сказала Мария Ильинична, – вам надо связаться с Тухачевским. Владимир Ильич очень высоко ценил его военные способности. Я позвоню Тухачевскому, а вы съездите к нему и обо всем договоритесь.

Готовясь к этой встрече, я отыскал в своем обширном архиве интервью с бывшим

командармом-9 Иеронимом Петровичем Уборевичем, взятое вскоре после освобождения Кубани. Заканчивалось оно следующими словами: «Искренно сожалею, что у нас в действующей Красной Армии не было необходимого количества хорошо подготовленных военных корреспондентов, которые могли бы сохранить интересный и волнующий материал».

С этого я и начал свою беседу с Михаилом Николаевичем.

– Товарищ Уборевич безусловно прав, – живо откликнулся Тухачевский. – И давайте мы с вами начнем готовить военкоров по-настоящему. Нам нужны не дилетанты, которые иногда такое напишут, что только за голову хватаешься. Нам требуются журналисты с глубокими военными знаниями.

Я уговорил Михаила Николаевича принять шефство над нашей пока еще не существующей школой и разработать учебный план. Через две недели мы получили такой план, а к нему были приложены еще «примерное расписание занятий» и список военных деятелей, которых следовало бы привлечь к чтению лекций.

При этом Михаил Николаевич пояснял:

– Пусть вас не смущает, что я начал с Цезаря и походов древних. Без понимания истории трудно постичь всю глубину сегодняшних задач...

Наши курсы пользовались большим успехом. Мария Ильинична сама определила, для кого из работников «Правды» и «Бедноты» посещение их было обязательным. В числе таковых оказались, как я помню, М. Кольцов, Н. Погодин, А. Зуев, С. Евгенов, С. Янтаров, Виктор Кин, Мартын Мержанов.

Одно из первых занятий В. К. Триандафиллов начал так:

– Товарищи! Разрешите мне свою сегодняшнюю лекцию посвятить теории военного дела. Моя задача облегчена тем, что передо мной лежит статья Михаила Николаевича Тухачевского, подготовленная для XXII тома Большой Советской энциклопедии. Называется она «Война, как проблема вооруженной борьбы»...

У меня и поныне хранится изрядно потрепанная тетрадь с записями этой лекции и кратким конспектом статьи М. Н. Тухачевского. Мне очень дороги эти пожелтевшие странички. У меня с ними связано первое приобщение к марксистско-ленинской науке о войне и армии.

Листая старую тетрадь, непроизвольно сосредоточиваюсь на словах, подчеркнутых красным карандашом:

«Я – военный по профессии, начальник красного генштаба, поднимаю над миром свою руку за разоружение, за ликвидацию армий во всем мире!»

Это сказано М. Н. Тухачевским в конце двадцатых годов.

Мы, «правдисты», постоянно ощущали тогда тесную связь нашей газеты с ним. У нас печатались его статьи. Нам частенько случалось встречаться с М. Н. Тухачевским на всякого рода торжественных и далеко не торжественных заседаниях. Каждый из нас знал, что Михаил Николаевич редактирует военный отдел Большой Советской энциклопедии и, когда «Правде» нужно было авторитетное мнение по какому-либо военному вопросу, она чаще всего обращалась именно к нему.

М. Н. Тухачевский высоко ценил партийную печать, всегда и во всем помогал «Правде». Помню, как в том же 1927 году решено было ввести в штат редакции должность главного военного обозревателя. Мария Ильинична опять направила меня за консультацией к Михаилу Николаевичу. Он посоветовал привлечь к этой работе его первого заместителя по штабу РККА С. А. Пугачева. Так С. А. Пугачев тоже стал «правдистом».

Будучи крупнейшим военным теоретиком, Тухачевский охотно писал также брошюры для красноармейцев. Он заслуженно пользовался репутацией опытного редактора, с мнением которого считались признанные профессора военных академий. Достаточно сказать, что именно Михаил Николаевич отредактировал и выправил статью Д. М. Карбышева «Военно-инженерное дело» для Большой Советской энциклопедии.

Литературная деятельность Михаила Николаевича так же многообразна, как военная и

общественная. И она ждет своего исследователя.

ИСПЫТАНИЯ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ Я. А. ЕРМОЛИН

На первый взгляд может показаться, будто судьба М. Н. Тухачевского до рокового тридцать седьмого года складывалась удивительно удачно и фортуна к нему необыкновенно благоволила: ранняя слава, высокие награды и звания, ответственнейшие посты...

Верно, все это было. Было доверие партии и признание народа. Но вместе с тем Тухачевский изведal немало тяжелого: прошел через испытания боев и плена, знал горький вкус неудач, пережил много трудностей на полководческом пути и косые взгляды недоброжелателей.

Мне довелось быть свидетелем некоторых таких трудных дней в жизни Михаила Николаевича. И о них я хочу также рассказать в этих отрывочных воспоминаниях.

Когда в апреле 1920 года Михаил Николаевич Тухачевский возглавил Западный фронт, имя его пользовалось уже широкой популярностью и с ним связывались новые надежды. Время было трудное, сложное. Еще в феврале В. И. Ленин предупреждал об опасности, которую представляют собой белопольские интервенты. Владимир Ильич писал:

«Все признаки говорят, что Польша предъявит нам абсолютно невыполнимые, даже наглые условия. Надо все внимание направить на подготовку, усиление Запфронта. Считал бы необходимыми экстренные меры для быстрого подвоза всего, что только можно, из Сибири и с Урала на Запфронт».³⁴

Назначение Тухачевского командующим тоже явилось одной из мер по усилению Западного фронта.

Мне, в то время штабному командиру оперативного управления штаба, Михаил Николаевич запомнился по первой встрече. Скромно одетый – гимнастерка, перехваченная кавказским ремешком, синие галифе, заправленные в начищенные до блеска сапоги, – он сидел в кабинете и сосредоточенно выслушивал доклады. От него как бы веяло спокойствием и уверенностью. Вопросы задавал очень конкретные. И отвечать ему надо было так же. Если в докладе что-то оставалось неясным, Тухачевский вызывал других штабных командиров и, пока не добивался полной определенности, не считал возможным переключиться на иные проблемы.

Начальник оперативного управления штаба Западного фронта А. М. Перемытов, вернувшись от Тухачевского, сказал мне:

– Командующий хочет иметь исчерпывающие данные о перевозках и сосредоточении войск. Я ему доложил довольно обстоятельно, но он выразил желание заслушать работника, непосредственно занимающегося этими делами, то есть вас. В двадцать два ноль ноль извольте быть у него. Прихватите с собой карту районов сосредоточения, графики движения. И мой вам совет: когда будете докладывать, говорите коротко; командующий, как я успел заметить, не переносит многословия.

Признаюсь, мною овладело беспокойство и даже неуверенность. Тухачевского не удовлетворил доклад Перемытова, опытного оператора-генштабиста. Удовлетворит ли мой?

Однако эти тревоги как рукой сняло, едва я появился в кабинете командующего. Михаил Николаевич усадил меня в кресло и как-то очень тактично, вроде бы даже неофициально стал расспрашивать, где я прежде служил, в каких должностях, когда кончил школу штабной службы. Потом незаметно подвел к теме доклада и весь превратился в слух.

Следуя совету Перемытова, я, кажется, перестарался: доклад получился слишком уж

³⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 373

лаконичным.

– У вас все? – удивился Тухачевский.

– Так точно.

– А у меня еще не все... Уточните, пожалуйста, с какой скоростью следуют оперативные эшелоны? Какая сейчас обстановка на железных дорогах?

В первую минуту я замешкался. Но Михаил Николаевич не торопил, дал возможность собраться с мыслями.

Память выручила. Припомнив множество фактов, я доложил, что средняя скорость движения эшелонов не превышает 12–14 километров в час. Локомотивы работают на дровах, причем плохих, непросушенных, прямо с корня. Из-за нехватки топлива часты остановки в пути. В этих случаях красноармейцы выгружаются из эшелонов и направляются в ближайший лес на заготовку дров. Многие локомотивы простаивают из-за неисправностей. К весне положение на железных дорогах несколько улучшилось. Но незначительно.

– Да, таким улучшением довольствоваться нельзя, – вздохнул Тухачевский и принялся расспрашивать меня о выполнении графиков погрузки войск в исходных районах – в Сибири, на Урале, на Кавказе.

Пришлось признаться, что связи с глубинными военными округами у нас нет и об эшелонах мы узнаем лишь при подходе их.

– Плохо, очень плохо, – констатировал командующий. – Штаб непременно должен знать, вовремя ли, в соответствии ли с плановыми сроками отправляются к нам войска...

Этот разговор заставил меня по-новому взглянуть на свои обязанности, заняться многими вопросами, ранее ускользавшими из поля зрения.

Запомнилась и еще одна подробность первой встречи с Михаилом Николаевичем. Он обратил внимание на мою одежду – чесучевую рубаху, черные брюки навыпуск и парусиновые ботинки.

– Почему вы в партикулярном платье?

Я рассказал, как в госпитале, куда попал с сыпным тифом в январе 1920 года, неудачно продезинфицировали мое обмундирование и вернули в виде полуистлевшего тряпья.

Командующий тут же распорядился, чтобы меня одели по-военному. Конкретизировать, что это значит, он воздержался. В то время единой формы для командиров Красной Армии еще не было. Щеголяли кто в чем горазд. А. М. Перемытов, например, донашивал офицерскую гимнастерку и зеленые диагональные брюки со штрипками. Начальник штаба Н. Н. Шварц носил китель цвета хаки и штатские брюки какого-то неопределенного цвета. А Борис Михайлович Шапошников, бывший тогда начальником Оперативного управления штаба Республики, приезжал к нам в хорошем штатском костюме и накрахмаленной рубашке с черным шелковым галстуком.

На этом довольно пестром фоне я не очень-то выделялся среди других. Но Тухачевский обладал даром все замечать, за каждой мелочью видел человека и всегда стремился помочь, если кто-то испытывал какие-то затруднения или неудобства.

Об этом можно было бы говорить и говорить, нанизывая один пример на другой. Однако, мне думается, в воспоминаниях о таких людях, как М. Н. Тухачевский, нельзя сводить все к мелочам. От подробностей первой встречи я попытаюсь сразу же перейти к более существенным событиям, способным дать хотя бы некоторое представление о деятельности Михаила Николаевича в период польской кампании.

Еще до того, как Тухачевский вступил в командование Западным фронтом, стратегическая обстановка приобрела очень острый характер. 24 апреля 1920 года белополяки превосходящими силами перешли в наступление против Юго-Западного фронта. 27 апреля они захватили Овруч, Коростень, Житомир, Бердичев. Под вражеским натиском вынуждена была отступить в юго-восточном направлении 14-я армия. Между ней и 12-й армией образовался все увеличивающийся разрыв, используемый противником. 12-й армии приходилось оставлять рубеж за рубежом, и к 3 мая белополяки угрожали уже непосредственно Киеву. 6 мая части 12-й армии были вынуждены оставить Киев и отойти за

Днепр.

Тухачевский и штаб нашего фронта с тревогой следили за положением на Юго-Западном фронте. Михаил Николаевич, надо полагать, отдавал себе ясный отчет в сложности ситуации, и его длительные беседы со многими работниками штаба преследовали вполне определенную цель: он искал пути и способы наиболее эффективной помощи своему левому соседу.

В первых числах мая у него окончательно созрело решение: не ожидая сосредоточения всех назначенных фронту резервов и маршевых пополнений, начать активные действия на Белорусском театре. Решение это было одобрено главным командованием и легло в основу плана нашего майского наступления.

Главные усилия войск Западного фронта сосредоточивались на правом крыле южнее Полоцка. Отсюда 15-я армия (командарм А. И. Корк) должна была наносить удар в направлении Вильно. Вспомогательный удар предполагалось осуществить силами 16-й армии (командарм Н. В. Сологуб) из района южнее Борисова в направлении Игумен – Минск.

Для прикрытия правого крыла фронта и обеспечения безопасности границ с Латвией перед началом наступления была сформирована так называемая Северная группа войск в составе 48-й и 18-й стрелковых дивизий и 168-й стрелковой бригады под общим командованием Е. Н. Сергеева. Этой группе предстояло также решать и активные задачи: одновременно с 15-й армией она должна была перейти в наступление, форсировать Западную Двину и угрожать противнику с тыла.

Следует иметь в виду, что штаб Западного фронта начал планировать наступление еще до приезда М. Н. Тухачевского в Смоленск. Но и нам, и прежнему командующему фронтом В. М. Гиттису оно рисовалось в более отдаленной перспективе. План был составлен с большим размахом. На заключительном этапе операции тов. Гиттис намеревался устроить для противника нечто вроде Канн. Для этой цели предусматривалось создание двух ударных группировок – как на правом, так и на левом крыле фронта.

Мысль, конечно, неплохая. Но для практического ее осуществления надо было располагать куда большими силами, чем мы имели в действительности.

М. Н. Тухачевский посчитал прежний план малореальным. Он потребовал от командования 16-й армии создать ударную группировку не на левом фланге, как предусматривалось ранее, а на правом, то есть приблизить ее к группировке главных ударных сил фронта – к 15-й армии. Это значило массировать удар на основном направлении и тем обеспечить его максимальный оперативный эффект.

Боевая численность войск Западного фронта (81 тысяча штыков и сабель) не на много превышала численность противостоящих нам 1-й и 4-й армий белополяков (63 тысячи штыков и сабель). Но зато противник располагал гораздо большими возможностями для маневра: у него и железные дороги находились в хорошем состоянии, и оперативные резервы были тут же под боком. У нас же в этом отношении дела обстояли из рук вон плохо.

Я уже говорил о тогдашнем состоянии локомотивного парка и о топливном голоде на транспорте. К этому добавлялась еще и острая нехватка подвижного состава. Нередко до половины вагонов, поданных под погрузку, оказывалось в неисправности.

Трудности на транспорте задерживали подход резервов. В течение марта – апреля фронту надлежало получить дополнительно 11 стрелковых дивизий, одну кавалерийскую и 42 тысячи человек в виде маршевых пополнений. Получили же мы к концу апреля всего лишь три дивизии и 31 тысячу маршевиков.

И тем не менее Тухачевскому удалось создать перевес в силах на решающих направлениях. На правом крыле фронта численность наших войск превосходила противника более чем в два раза. На минском направлении мы располагали полуторным превосходством.

12 мая в Витебске неподалеку от вокзала, в трехэтажном здании бывшей гимназии, разместилось то, что теперь принято называть фронтовым ВПУ. Сюда прибыли командующий, члены Реввоенсовета – Уншлихт, Шварц, Перемытов и работники

оперативного управления штаба. На меня Перемытов временно возложил ведение карты боевых действий Северной группы.

На рассвете 14 мая войска правого крыла фронта перешли в энергичное наступление и быстро добились значительных успехов. Перед нашей 15-й армией противник отступал повсеместно. К 18 мая она отбросила части 1-й белопольской армии на 50–80 километров. Но уже 19 мая темп наступления заметно снизился. Для развития успеха требовались свежие силы, а резервов не было. Осуществить перегруппировку оказалось тоже невозможно: войска 15-й армии чрезмерно растянулись, фронт ее расширился до 120 километров.

Исход дела во многом зависел также от своевременного и энергичного удара 16-й армии на минском направлении. Но ее командующий Н. В. Сологуб нанес этот удар с опозданием на двое суток, и к тому же отклонился от указанного ему направления на 40 километров к югу, чем сразу же предопределилась обособленность действий главных сил армии от ударной группировки фронта. К концу мая белополякам удалось создать против правого крыла Западного фронта сильные (в 9 пехотных дивизий) контрударные группировки и отбросить наши войска на восток.

Не стану подробно описывать, как все это произошло. Скажу лишь, что майская операция, хотя и не имела решающего стратегического значения, тем не менее оказала серьезную помощь Юго-Западному фронту. Она заставила противника прекратить дальнейшее наступление на Украине, снять оттуда часть сил и перебросить их на север, против 15-й армии. Наконец, это почти внезапное наступление расстроило дальнейшие планы интервентов, предусматривавшие в недалеком будущем захват Полоцка, Витебска, Смоленска, Могилева, Гомеля.

Судя по моим коротким встречам с М. Н. Тухачевским, в те напряженные дни он был далек от состояния отчаяния и даже растерянности. Правда, из Витебска в Смоленск Михаил Николаевич вернулся в несколько удрученном состоянии, однако продолжал действовать решительно, твердо. Тут же принялся деятельно разрабатывать план нового наступления.

Трудился дни и ночи напролет. Но без нервозности. Мы его видели неизменно спокойным и собранным. Едва ли не больше всего внимания он уделял тогда связи. Положение здесь было не лучше, чем на железных дорогах. Постоянные проводные линии, натянутые еще в 80-х годах прошлого века, пришли в негодность. Провода часто рвались. Командующий и штаб лишались возможности получать оперативную информацию из войск и своевременно доводить до исполнителей не терпящие промедлений распоряжения.

К июлю Западный фронт получил подкрепление в виде восьми стрелковых дивизий, четырех стрелковых бригад и Конного корпуса Гая. При перевозках этих войск мы поддерживали постоянную связь не только с отправителями оперативных эшелонов, но и ежедневно сносились со Штабом Республики, сообщали ему свои выводы о работе транспорта, высказывали свои пожелания, жаловались на виновников задержек. По нашим жалобам принимались соответствующие меры, и мы все явственнее стали ощущать помощь сверху. Подчас даже Владимир Ильич Ленин лично вмешивался в дела перевозок войск, помогал продвижению оперативных эшелонов. Мне хорошо запомнилось, как однажды М. Н. Тухачевский получил копию телеграммы за подписью В. И. Ленина, адресованной Реввоенсовету Кавказского фронта. Ленин требовал, чтобы дивизии, предназначенные Западнему фронту, шли без задержек, и Реввоенсовету предлагалось проследить за этим.

Все это позволило за месяц с небольшим выполнить план сосредоточения свежих сил. М. Н. Тухачевский создал еще три оперативных объединения: 3-ю и 4-ю армии и так называемую Мозырскую армейскую группу.

Новое наступление началось 4 июля. В течение первых 9 дней успех был ошеломляющим и повсеместным. К 14 июля мы овладели Вильно и Сморгонью. Штаб Западного фронта переехал из Смоленска в Минск.

Успешно шли дела и на соседнем Юго-Западном фронте. Уже 11 июля 1-я Конная армия совместно с 12-й армией очистили от противника район Ровно, а 14-я армия освободила Проскуров.

Во второй половине июля красные войска, освободив Украину и Белоруссию, перенесли боевые действия на территорию Польши.

Дальнейшая судьба этой крупнейшей межфронтной операции крайне сложна. Она, как известно, не увенчалась успехом. Многочисленные причины постигшей нас неудачи требуют анализа, на который менее всего претендуют эти скромные записки. Одно можно сказать с полной убежденностью: версия, сложившаяся в годы культа личности, согласно которой вся вина за неудачу возлагалась на Тухачевского, от начала до конца лжива. Исход операции зависел не только от него. Ведь это – напомним еще раз – была операция двух фронтов. Между тем командование Юго-Западного фронта (А. И. Егоров и И. В. Сталин) не выполнило указаний главкома по координации своих действий с Западным фронтом, уклонилось от передачи до 14 августа в оперативное подчинение М. Н. Тухачевскому 1-й Конной, 12-й и 14-й армий. А противник не терял времени зря. 16 августа он крупными силами перешел в наступление на варшавском направлении. Основная его контрударная группировка двинулась как раз из тех районов, которые должны были занять наша 1-я Конная, а затем и 12-я армии. Ей без труда удалось прорвать редкую цепочку растянутой на 150 километров численно небольшой Мозырской группы и уже к 19 августа достигнуть Западного Буга.

Если же определять долю личной вины Тухачевского за неудачу операции, то обязательно надо исходить из указания В. И. Ленина о том, что «при нашем наступлении почти что до Варшавы, несомненно, была сделана ошибка... перевес наших сил был переоценен нами».³⁵

Однако и после этого Владимир Ильич не изменил своего высокого мнения о М. Н. Тухачевском. Он продолжал поручать ему самые сложные задания. Как известно, Михаил Николаевич возглавлял подавление Кронштадтского мятежа, разгром антоновщины.

В 1921 году, в период боев с бандами Антонова на Тамбовщине, я снова встретился с М. Н. Тухачевским, снова наблюдал его в напряженные дни и восхищался его светлым умом, мужественным спокойствием. Тяжело пережитая им варшавская неудача не надломилась волю.

Были и еще встречи. И каждая из них оставляла радостное чувство, какое всегда дает общение с умным, цельным и добросердечным человеком. Только самая последняя оставила тяжелый осадок. Произошла она в мае 1937 года.

В то время я служил начальником штаба корпуса и вместе со своим командиром М. Г. Ефремовым приехал в Куйбышев на партийную конференцию Приволжского военного округа. В первый же день работы конференции пронесся слух: в округ прибывает новый командующий войсками М. Н. Тухачевский, а П. Е. Дыбенко направляется в Ленинград.

Это казалось странным, маловероятным. Положение Приволжского военного округа было отнюдь не таким значительным, чтобы ставить во главе его заместителя наркома, прославленного маршала.

Но вместе с тем многие командиры выражали удовлетворение. Служить под началом М. Н. Тухачевского было приятно.

На вечернем заседании Михаил Николаевич появился в президиуме конференции. Его встретили аплодисментами. Однако в зале чувствовалась какая-то настороженность. Кто-то даже выкрикнул:

– Пусть объяснит, почему сняли с замнаркома!

Во время перерыва Тухачевский подошел ко мне. Спросил, где служу, давно ли ушел из академии. Непривычно кротко улыбнулся:

– Рад, что будем работать вместе. Все-таки старые знакомые...

Чувствовалось, что Михаилу Николаевичу не по себе. Сидя неподалеку от него за столом президиума, я украдкой приглядывался к нему. Виски поседели, глаза припухли. Иногда он опускал веки, словно от режущего света. Голова опущена, пальцы непроизвольно

³⁵ В... И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 143.

перебирают карандаши, лежащие на скатерти.

Мне доводилось наблюдать Тухачевского в различных обстоятельствах. В том числе и в горькие дни варшавского отступления. Но таким я не видел его никогда.

На следующее утро он опять сидел в президиуме партконференции, а на вечернем заседании должен был выступить с речью. Мы с нетерпением и интересом ждали этой речи, но так и не дождались ее.

Тухачевский больше не появился.

От заместителя командира нашего корпуса Д. Д. Плау мы с Ефремовым узнали страшную, невероятную весть об аресте Михаила Николаевича. Плау в качестве понятого сам присутствовал при этом и от сотрудника НКВД краем уха слышал, будто Тухачевский шпион, член какой-то контрреволюционной организации...

Прошли долгие годы, прежде чем эта клевета рассеялась и стала известна горькая правда о верном сыне партии и народа, выдающемся советском полководце Михаиле Николаевиче Тухачевском.

Поездка во Францию. Встреча М. Н. Тухачевского на Парижском вокзале

Михаил Николаевич и Нина Евгеньевна Тухачевские

**С ВЫШКИ
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
Я. П. ДЗЕНИТ**

Как завязываются армейские знакомства? Обычно довольно просто. Либо ты являешься на доклад, либо к тебе являются. Начальник и подчиненный приглядываются друг к другу. Иногда при первой же встрече устанавливается внутренний контакт, иногда – при второй или пятой. А иногда вовсе не устанавливается.

В апреле 1920 года я в качестве начальника разведывательного отдела штаба Западного фронта впервые прибыл на доклад к новому командующему М. Н. Тухачевскому. Он, не перебивая, выслушал все, что касалось группировки и возможных действий противника, поблагодарил и пообещал, что сегодня же сам наведается к нам в разведотдел.

В последующем это стало почти незыблемым правилом. Каждое утро вместе с начальником оперативного отдела я являлся на доклад к командующему, а часа в два ночи Тухачевский приходил в разведотдел и знакомился с последними данными о противнике.

Михаил Николаевич обладал счастливым даром: сразу находил общий язык с подчиненными, подключался к их работе и подключал их к своей.

Подобно многим моим сверстникам и коллегам, я могу считать себя свидетелем стремительного полководческого роста М. Н. Тухачевского. Судьба сводила меня с ним неоднократно. На моих глазах протекала почти вся его практическая деятельность по подготовке и осуществлению наступления войск Западного фронта весной 1920 года. В том же году осенью я выполнял боевые приказы М. Н. Тухачевского как командир 17-й

стрелковой дивизии. Затем, уже после гражданской войны, меня назначили в одно из управлений Штаба РККА, и по характеру своей новой работы мне опять очень часто приходилось встречаться с тогдашним начальником этого высокого учреждения М. Н. Тухачевским.

Это был период, когда Михаил Николаевич и его заместитель Триандафиллов разрабатывали новые формы оперативного искусства и стратегии. Тухачевский часто выступал с докладами по этим вопросам, проводил военные игры, штабные и войсковые учения.

Главным в теории и практике современного военного искусства Тухачевский считал глубокий бой, глубокую операцию. А для этого требовалась сильная артиллерия, мощная авиация, танковые соединения.

Чтобы обеспечить стремительное продвижение в глубину обороны противника и нанесение удара по его жизненно важным центрам, надо было решить великое множество и других проблем, в частности проблему организации тыла и снабжения. М. Н. Тухачевский занимался и этим. Ему принадлежит первенство в постановке вопроса о прокладке трубопроводов для подачи горючего на фронт и от станций снабжения к действующим войскам.

По мере развития международных событий Михаил Николаевич все более зорко присматривался к германской армии. Именно ее он считал нашим вероятным противником в будущей войне. Присматривался и делал выводы. С упорством убежденного в своей правоте человека, с прозорливостью действительно крупного стратега он настаивал на быстрейшем осуществлении моторизации и механизации Красной Армии.

– Время не ждет, противник стремительно наращивает свой военный потенциал! – неоднократно напоминал Тухачевский.

Свою точку зрения на перспективы развития Красной Армии Михаил Николаевич обосновывал не только в теоретических трудах, но и в специальных докладах на имя Сталина. Однако Сталин категорически отвергал его предложения, как якобы прожектерские.

Чтобы продемонстрировать Сталину все возрастающее значение бронетанковых сил, в 1930 году были проведены большие маневры под Москвой с участием единственной в то время механизированной бригады и моторизованного отряда в составе Московской пролетарской дивизии. Сталин вместе с Политбюро ЦК в течение трех дней наблюдал за действиями танков. Роль их в современном бою проявилась здесь настолько очевидно, что отмахиваться, как прежде, от предложений М. Н. Тухачевского стало просто невозможно. Последовало решение о выделении значительных средств на танкостроение.

Это принесло свои результаты. В ближайшие годы удалось создать несколько новых механизированных бригад, а затем и три механизированных корпуса. В стрелковых дивизиях появились танковые батальоны, в кавалерийских – танковые полки.

Но мысль Тухачевского уже шла дальше. Он считал, что надо создать специальную промышленность, способную при необходимости осуществить массовый выпуск танков для формирования танковых дивизий, новых танковых корпусов и армий. Развивая эти свои взгляды, Михаил Николаевич пишет большой труд о стратегии Советского государства и передает его на рассмотрение Сталину.

В этом труде глубоко анализировалось международное положение, высказывались соображения, с какими государствами нам целесообразно иметь договоры о дружбе и военном сотрудничестве, характеризовались иностранные армии, их вооружение, боеготовность, оперативные установки и стратегические доктрины. А дальше следовали смелые, далеко идущие выводы о наших оперативных и стратегических задачах, намечался план развития советской промышленности, работающей на нужды обороны. Тухачевский считал, что уже к середине 30-х годов мы должны иметь несколько танковых армий.

К сожалению, этот труд так и не увидел света при жизни автора и лишь некоторые из заложенных в нем идей стали воплощаться в практические дела в 1941 году.

Сталин всегда с ревнивой предубежденностью относился к деятельности и мыслям Тухачевского. Михаил Николаевич не заблуждался на сей счет. И когда надо было, вопреки Сталину, провести какое-либо важное решение, осуществить какое-либо серьезное мероприятие, он прибегал обычно к сложным маневрам.

Триандафиллов как-то рассказывал мне, что еще в начале 1931 года Михаил Николаевич выдвинул предложение о численном увеличении армии. Но, зная о неприязни к нему Сталина, договорился с Триандафилловым, чтобы тот выступил с дополнениями и поправками к его предложению.

Сталин ухватился за триандафилловские поправки, «творчески развил» их. Предложение Тухачевского было принято. Только именовалось оно «предложением Сталина и Триандафиллова».

И все же, несмотря на всю свою неприязнь к Тухачевскому, до поры до времени Сталин вынужден был доверять ему руководящие посты. Точно так же он поступал подчас и в ходе Великой Отечественной войны, назначая на высокие командные должности в войска к не тех, к кому благоволил, а тех, кто умел воевать.

Кстати, один эпизод, относящийся к концу Отечественной войны и свидетельствующий о том, как велик был престиж Тухачевского среди военных даже за рубежом.

В 1945 году севернее Берлина я встретился с командиром американского воздушнодесантного корпуса генералом Риджуэем. Моя беседа с ним носила довольно общий характер и частично выветрилась из памяти. Но одно запомнилось твердо – откровенное признание американца, что родиной воздушнодесантных войск является Советский Союз, а создателем их – маршал Тухачевский.

Последний раз я встретился с М. Н. Тухачевским весной 1937 года, когда он в качестве командующего Приволжским военным округом прибыл в Куйбышев. После совещания с командирами соединений Михаил Николаевич попросил меня задержаться и, когда все вышли, предложил мне должность начальника штаба округа. Предложение было лестное, но я чистосердечно сказал, что предпочел бы пока остаться на должности командира дивизии.

Михаил Николаевич отнесся ко мне с пониманием и, кажется, готов уже был распрощаться. Но в это время вдруг раздался телефонный звонок из Москвы, и я стал невольным свидетелем очень тяжелой сцены.

От моего внимания не ускользнуло, что, разговаривая с Москвой, Тухачевский становился все более мрачным. Положив трубку, он несколько минут молчал. Потом признался, что получил недобрую весть: арестован начальник Главного управления кадров Фельдман.

– Какая-то грандиозная провокация! – с болью сказал Михаил Николаевич.

Это была последняя наша встреча. Вскоре я узнал об аресте самого Тухачевского.

Из многих лет более или менее близких, хотя и чисто деловых, отношений с этим человеком я вынес впечатление, что он видел дальше нас, умел заглядывать через стену, непреодолимую для многих. Слово бы с вышки ему открывались дали и перспективы. Но это не порождало в нем ни высокомерия, ни зазнайства. Скромность, душевность, доброжелательство никогда не оставляли его.

СВЕТЛЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Ф. П. КАУФЕЛЬДТ

Сколько людей встречаешь на своем пути за годы долгой жизни! Но не все сохраняются в памяти. Да и те, что помнятся, запомнились по-разному, разными своими поступками и словами.

О Михаиле Николаевиче Тухачевском сохранились лишь самые светлые воспоминания.

Вот он впервые появляется в штабе Западного фронта (я служил там помощником начальника оперативного отдела). Кое-кто из бывших генштабистов посматривает на него настороженно: больно уж молод новый командующий. Но с удивительной быстротой

исчезает этот холодок предубежденности. Перед обаянием и человечностью Михаила Николаевича нельзя устоять. А когда дело доходит до чисто военных вопросов, эрудиция, размах профессионального мышления молодого комфронта вызывают восхищение даже у неизменно скептических старых генералов. Вдобавок командующий скромн, демократичен, всегда готов поговорить с каждым, выслушать любое мнение.

Вскоре я был назначен командиром 24-й стрелковой бригады. Она занимала рубеж по левому берегу Березины. Потом ее вывели в армейский резерв, полностью укомплектовали личным составом и приказали заняться тактической подготовкой. Тогда это было для нас непривычно. Но мы знали: приказ об учебе исходит лично от Тухачевского, он сам участвовал в разработке программы занятий, рассчитанной примерно на месяц, и потому решили, что у комфронта в отношении нас, видимо, имеются далеко идущие планы.

Так оно и вышло. После разбора одного из занятий командующий армией В. Н. Сологуб объявил мне:

– Дайте красноармейцам два-три дня отдыха, получите новое обмундирование и готовьтесь к форсированию Березины. Михаил Николаевич остановил выбор на вашей бригаде. Ей предстоит первой прорывать неприятельскую оборону на правом берегу.

Это было началом так называемой Игуменской операции, которая по замыслу М. Н. Тухачевского имела своей целью отвлечь внимание белопольского командования от направления главного удара.

Наша бригада, как, впрочем, и вся 8-я дивизия, действовала достаточно решительно. Успешно прорвав оборону противника, мы стали стремительно продвигаться вперед в сторону Минска.

Комиссар дивизии П. М. Ошлей подбадривал по телефону:

– Тухачевский лично следит за вашими действиями. Велел поздравить с первой удачей и спросить, возьмешь ли сегодня Игумен?

– Передай командующему, возьму обязательно! – ответил я.

Это свое обещание мне удалось сдержать. Бригада продолжала вести наступление на широком фронте, обходя Минск с юго-запада...

Игуменская операция – один из примеров гибкой творческой мысли М. Н. Тухачевского. Она действительно ввела белопольское командование в заблуждение. Стремясь остановить наше наступление на игуменско-минском направлении, противник вынужден был бросить сюда свои армейские резервы.

И не вина, а беда командования Западного фронта, что в ходе этой тщательно продуманной операции многое делалось не так, как надлежало. Окажись у нас повыше уровень управления войсками во всех звеньях – и, мне думается, исход нашего наступления на Варшаву был бы совсем иным.

Из последующих встреч с М. Н. Тухачевским особенно запомнилась тамбовская. Было это в период борьбы с антоновщиной.

Я командовал тогда 10-й стрелковой дивизией и одновременно выполнял обязанности командующего войсками всей Воронежской губернии. Начав активные действия против бандитов в марте 1921 года, мы примерно к середине июня полностью очистили от них территорию своей губернии. Однако по соседству с нами, на Тамбовщине, разгул антоновских банд продолжался.

И вот командующим войсками Тамбовской губернии назначается М. Н. Тухачевский. 10-я дивизия передается в его распоряжение. Я должен получить от него боевое задание.

Приехав в Тамбов, прежде всего навещаю начальника штаба Николая Евгеньевича Какурина, которого знал еще по Западному фронту и с которым крепко дружил, несмотря на разницу в возрасте.

Как всегда, беседа с Какуриным затянулась. Я украдкой поглядываю на часы: не запоздать бы к командующему. Какурин перехватил мой взгляд и успокоил:

– Не тревожьтесь, Федор Петрович, к Михаилу Николаевичу можно идти в любое время...

Поднимаюсь на второй этаж и без всяких проволочек попадаю в кабинет Тухачевского.

В глубине большой комнаты – стол. С него до полу свешивается карта. На карте, придавливая ее края, – несколько томиков в темных переплетах и стакан с остро очинёнными цветными карандашами.

У одной из стен – диван. Над ним – большой портрет Ленина.

Тухачевский шагнул мне навстречу.

– Хорошо, что приехали. Очень ждал вас. Хочется услышать, как воевали с бандитами. Нам сейчас дорог такой опыт. Да и о дальнейших действиях надо договориться.

Михаила Николаевича интересовало все. Он вникал в мельчайшие подробности наших операций в Воронежской губернии, расспрашивал о тактике антоновцев, искал исторические аналогии, вспоминал Вандею.³⁶

Лишь после всего этого мы перешли к обсуждению конкретных задач 10-й дивизии на Тамбовщине. Чувствовалось, что Тухачевский, прежде чем как-то распорядиться нашей дивизией, хотел составить определенное мнение обо мне – ее командире.

– Вы заняты сегодня вечером? – как бы между прочим спросил Михаил Николаевич. – Если свободны, милости прошу ко мне в вагон. Вместе поужинаем, чайку попьем.

За стаканом чая я, собственно, и узнал окончательное решение командующего о боевом использовании 10-й дивизии.

Припоминается и еще один эпизод, относящийся к тому же времени и в какой-то мере характеризующий взаимоотношения Михаила Николаевича с подчиненными.

Его приказом в нашу дивизию была направлена для прохождения стажировки группа слушателей Академии Генерального штаба. Приказ определял обязанности каждого стажера: такой-то стажирется на должность наштадива, такой-то – начоперотделения и т. д. Я назначил прибывших товарищей в полном соответствии с приказом Тухачевского, но руководство каждым из них возложил на тех начальников, обязанности которых им предстояло исполнять. Стажерам это не понравилось. Они жаждали «полной свободы действий». В Тамбов к Тухачевскому последовала жалоба на меня. Мне приписывалось «грубое нарушение приказа командующего».

А надо заметить, что Михаил Николаевич был абсолютно нетерпим к невыполнению приказов. Он сам отличался высокой дисциплинированностью и того же требовал от других. В данном же случае дело усугублялось еще тем, что из-за моего якобы недобросовестного отношения к приказу командующего страдали люди, прибывшие к нам приобретать и закреплять знания.

Не удивительно, что Тухачевский немедленно выехал в дивизию, намереваясь лично разобраться во всем. Меня об этом предупредил по телефону Какурин, шутливо добавив:

– Визит будет нанесен вроде как инкогнито.

Сейчас я уже затрудняюсь объяснить, чем тогда руководствовался, но только решил почему-то сразу дать понять командующему, что его приезд не является для нас неожиданностью. Кавалерийскому полку был отдан приказ о высылке на вокзал почетного караула. При подходе поезда командующего оркестр грянул встречный марш.

Тухачевский не очень-то любил такую помпезность, однако выбора у него не было: пришлось спуститься на платформу, принять рапорт, обойти почетный караул. Возвращаясь в вагон, он с удивлением спросил:

– Откуда вы узнали, что я направляюсь к вам?

– Самым простым способом, товарищ командующий, – скромно ответил я. – На железной дороге существует комендантская служба...

Михаил Николаевич пробыл в дивизии четверо суток. Внимательно инспектировал части, провел очень полезное совещание начальствующего состава. Разобрал он и жалобу

³⁶ Вандея – департамент на западе Франции. В конце XVIII и начале XIX в. – центр реакционных мятежей, инспирированных Англией. Возглавлялись эти мятежи роялистами и католическим духовенством.

стажеров, но сделал это как-то осторожно, без малейшего шума. Убедился в правильности моих действий и подтвердил их.

Много лет спустя, когда М. Н. Тухачевский уже командовал Ленинградским военным округом, а я был у него начальником штаба, мы однажды вспомнили антоновщину и он признался:

– Я ведь тогда ехал снимать вас с поста начдива за невыполнение приказа, а пришлось объявить благодарность.

Это было характерной чертой Тухачевского – умение беспристрастно и досконально разобраться в существе дела. На его решение не влияла никакая предвзятость. Влияли только объективные факты.

ДОБРЫЙ ДРУГ НАШЕЙ ЮНОСТИ **С. М. ЯКОВЛЕВ**

Еще не кончилась гражданская война. На одной из площадей Смоленска выстроились войска гарнизона. Парад принимает командующий Западным фронтом. Он очень молод, на вид лет 25–27. На нем черная кожаная куртка, контрастирующая с белоснежным конем. На голове – шлем с красной звездой. Из-под козырька глядят спокойные серые глаза.

Таким впервые предстал предо мной Тухачевский, и таким он запомнился мне на всю жизнь.

О нем я уже был слышан. Знал, что он из смоленских дворян, в прошлом гвардейский офицер, бежал из немецкого плена и сразу связал свою судьбу с Советской властью, вступил в большевистскую партию. Много было известно мне и о его личной храбрости, ярком полководческом таланте, незаурядных организаторских способностях. Но никто почему-то не говорил о блестящем ораторском даровании Тухачевского. И в тот день он поразил меня своей темпераментной речью, убежденными призывами к бойцам и командирам беззаветно служить народу и революции. Так мог говорить только человек, непоколебимо преданный ленинским идеям.

Последующие мои встречи с М. Н. Тухачевским неразрывно связаны с учебой.

В самом начале революционных преобразований в бывшей Смоленской губернии передовая местная интеллигенция во главе с инженером коммунистом В. И. Раздобреевым предприняла попытку создать в Смоленске Политехнический институт (сокращенно СПИ). Время было трудное, новорожденный институт «дышал на ладан», и смоляне не без оснований остряли: СПИ засыпает.

Помощь пришла с неожиданной стороны. Ее оказал М. Н. Тухачевский. Он понимал, что вслед за победой в гражданской войне в стране развернется грандиозное строительство, нужны будут кадры специалистов, и взял СПИ под свое покровительство. В 1920 году по его предложению институт был подчинен военному ведомству и стал именоваться «Смоленский государственный милитаризованный политехнический институт Западного фронта».

Включение института в число военизированных учебных заведений обеспечивало ему крепкую по тому времени материальную базу. Он получил в свое распоряжение огромный дом, некогда принадлежавший смоленскому купцу-мануфактурщику Павлову. В просторных помещениях, на стенах которых еще сохранились надписи – «Шелка», «Сукна», «Ситцы», разместились электротехнический, строительный, мелиоративный, сельскохозяйственный, промышленно-экономический факультеты и рабфак.

Название «милитаризованный» имело относительное значение; военные дисциплины в учебных программах института занимали весьма скромное место. Кадры военных специалистов были представлены в нем лишь заместителем ректора, бывшим генералом артиллерии Е. З. Барсуковым, и еще двумя-тремя персонами. При этом помнится, что бывший генерал В. А. Пыхачев читал здесь курс самой мирной дисциплины – гражданской архитектуры.

Тем не менее считалось, что все студенты института состоят на действительной

военной службе. Благодаря этому они получали красноармейское обмундирование и продовольственный паек по фронтовой норме. Впрочем, многие из них и впрямь были красноармейцами.

Для укомплектования института штатской молодежи не хватало. Большая часть молодых людей со средним образованием находилась в действующей Красной Армии. Чтобы обеспечить институт достаточным количеством студентов, М. Н. Тухачевский издал приказ по фронту, обязывавший всех командиров и начальников беспрепятственно откомандировывать в СПИ молодых военнослужащих, имеющих необходимое образование и изъявляющих желание учиться дальше. Но лично мне удалось стать студентом этого учебного заведения при несколько большем содействии со стороны Михаила Николаевича.

Я служил делопроизводителем в Управлении инженерного снабжения Западного фронта. Размещались мы в Минске. Там же находился тогда и штаб Запфронта. Поэтому о приказе М. Н. Тухачевского в отношении набора в СПИ мне удалось узнать одним из первых, и с согласия комиссара Управления я тотчас же послал заявление в институт. Однако начальник Управления военный инженер А. Э. Лилиенфельд неожиданно заупрямился и категорически отказался отпустить меня на учебу.

Настроение сразу упало. Подавленный, бродил я вечерами по улицам Минска и однажды совершенно случайно встретился с командующим фронтом.

Решение созрело мгновенно.

Одернув потрепанную кожанку, поправив на голове «громоотвод» (так мы называли иногда свои островерхие шлемы), четким, как на параде, шагом я направился к М. Н. Тухачевскому:

– Товарищ командующий, разрешите обратиться?

М. Н. Тухачевский оглядел меня с головы до ног, обутого в рваные ботинки, чему-то улыбнулся и ответил:

– Пожалуйста.

Я, как мне в ту пору казалось, очень обстоятельно и толково поведал о своем горе и попросил помощи.

Тухачевский расспросил, сколько мне лет, какое у меня образование, и затем сказал:

– Напишите на мое имя письмо, приложите к нему запрос института и являйтесь ко мне на службу во вторник к двенадцати часам.

Поблагодарив командующего, я, окрыленный, помчался в Управление и уселся за письмо. Начал привычно:

«Командующему Западным фронтом товарищу Тухачевскому...»

Нет, не годится. Похоже на рапорт, а рапорт через голову непосредственного начальника подавать нельзя.

«Глубокоуважаемый Михаил Николаевич...»

Несколько раз я составлял и переделывал свое послание. Наконец переписал начисто, каллиграфически выводя буквы, и бережно уложил в папку.

Настал вторник. В половине двенадцатого отправляюсь в гостиницу «Европа», занятую штабом Запфронта, предъявляю часовому пропуск и уверенно вхожу в приемную командующего. Вслед за мной туда же забегает секретарша члена Реввоенсовета Запфронта И. С. Уншлихта и с порога спрашивает адъютанта:

– Кто на докладе у Михаила Николаевича?

– Лилиенфельд, – ответил адъютант.

У меня даже испарина выступила на лбу: а ну, как увидит меня здесь?

Немедленно покинув приемную, я притаился в коридоре и стал ждать, пока мой шеф уйдет. На мое счастье, он не слишком долго задержался у командующего и торопливо прошагал к выходу.

Я вновь переступаю порог приемной. Почти торжественно вручаю адъютанту свою папку и прошу доложить обо мне М. Н. Тухачевскому. Через несколько минут адъютант возвращается и отдает мне обратно запрос института с резолюцией командующего:

«Начинжснабзапу. Разрешается. Тухачевский».

Кубарем скатываюсь по мраморной лестнице, выбегаю на тротуар. Льет дождь, но мне кажется, что никогда в жизни не было лучшей погоды.

Лилиенфельд несколько омрачил мою радость. За обращение к командующему через его голову пришлось отсидеть десять суток на гауптвахте. Отправился я туда, захватив алгебру Киселева и тригонометрию Рыбкина. Знал твердо: после отсидки меня все же откомандируют в институт.

Так оно и случилось в действительности.

Возглавляя Западный фронт, М. Н. Тухачевский не часто имел возможность бывать в нашем институте. Но незримый контакт между ним и студентами не нарушался, кажется, ни на минуту.

В истории СПИ был один такой печальный случай, когда часть студенчества при подготовке к выборам депутатов в Смоленский горсовет попала под влияние меньшевистской агитации, поверила краснобаям и демагогам. Узнав об этом, М. Н. Тухачевский явился на предвыборный митинг студентов. Выступление его здесь запомнилось мне своей лаконичностью и, если можно так выразиться, суровой лиричностью:

– Я воевал на Восточном фронте с Колчаком и... меньшевиками. Я дрался на Кавказе с бандами Деникина и... меньшевиками. Здесь, на Западном фронте, рядом с польскими панами и иезуитами я встретил опять-таки все тех же меньшевиков...

М. Н. Тухачевский призвал нас всех отдать свои голоса за большевистский избирательный список. Призыв этот дошел до молодых сердец: меньшевики провалились на выборах в горсовет.

Вспоминается и еще одна встреча студентов СПИ с М. Н. Тухачевским. Дело было в 1921 году, после разгрома контрреволюционного Кронштадтского мятежа. 23 марта институт облетела весть: сегодня прибывает эшелон Смоленских пехотных курсов, участвовавших в штурме Кронштадта, а вместе с курсантами ожидается и М. Н. Тухачевский, командовавший взятием крепости.

На перроне вокзала выстроились шпалерами войска Смоленского гарнизона. К ним присоединились и студенты СПИ. Явились мы сюда прямо с занятий, с книгами под мышками и за поясами, с рейшинами и свертками ватмана. С точки зрения даже самого снисходительного строевика студенческие ряды выглядели, прямо скажу, не блестяще. На большинстве студентов красноармейские шинели висели, как юбки.

Показался украшенный зеленью и флагами паровоз. Грянул оркестр. Высадившихся из теплушек курсантов встретило громовое «ура!». Под звуки марша они направились к выходу. Впереди шли особо отличившиеся при штурме Кронштадта с приколотыми к шинелям новенькими орденами Красного Знамени. Во главе колонны – М. Н. Тухачевский.

Он окинул веселым взглядом нестройные ряды СПИ и довольно громко спросил:

– Что за шотландские стрелки?

С тех пор это прозвище так и прилипло к нам...

С течением времени Смоленский государственный милитаризованный политехнический институт Западного фронта был ликвидирован. Студенты получили перевод в высшие учебные заведения Москвы и Петрограда. Но на каникулы мы все обычно съезжались в Смоленск и были, пожалуй, самыми усердными посетителями Дома Красной Армии. Однажды мне в числе других студентов довелось присутствовать там на собрании Военно-научного общества, где М. Н. Тухачевский выступил с интереснейшим докладом о возможности новой войны. Михаил Николаевич поразил всех нас своей глубокой эрудицией и самостоятельностью мышления. С удивительной осведомленностью он обрисовал сложившуюся в те времена международную обстановку, дал четкий анализ политического, экономического и военного положения капиталистических стран, показал рост внутренних и внешних противоречий в Европе, Азии и Америке.

Я не помню всего, что говорил М. Н. Тухачевский. Запомнился только его вывод о том,

что при создавшейся обстановке ни одна из великих европейских держав в течение полутора – двух десятилетий не будет в состоянии начать войну против Советской России. Но вместе с тем Тухачевский напоминал, что капиталисты не примирились навсегда с существованием первого в мире государства рабочих и крестьян. В дальнейшем обстановка может измениться, и это обязывает нас постоянно совершенствовать Красную Армию, укреплять ее ряды, повышать ее боеспособность.

Слушая этот доклад, я думал: «Хорошо, что среди руководителей нашей молодой Красной Армии есть такие проникательные люди, как М. Н. Тухачевский!»

Во время одного из своих съездов на каникулы смоленская молодежь, обучавшаяся в вузах Москвы, решила устроить бал. Начальник Дома Красной Армии, к которому мы обратились с просьбой предоставить для этого зал, встретил студенческую делегацию не очень доброжелательно и заломил огромную арендную плату. А под конец, желая, как видно, совсем отделаться от нас, заявил, что без санкции командующего округом М. Н. Тухачевского он вообще не может распорядиться помещением.

Однако ссылка на Тухачевского не только не обескуражила нас, а, наоборот, окрылила надеждой. Мы знали, что командующий – друг молодежи.

И вот я отправляюсь на квартиру к Михаилу Николаевичу. Поднимаясь по лестнице, повторяю про себя заранее подготовленные слова обращения.

Дверь открыл какой-то военный и, спросив, как доложить командующему, ушел. А через минуту появился М. Н. Тухачевский. Он радушно поздоровался со мной, и я как-то сразу забыл свою заученную речь. Просьба студентов была понята сразу. Наше приглашение на бал Михаил Николаевич принял с готовностью и тут же позвонил начальнику Дома Красной Армии. Особенно меня обрадовали последние слова, брошенные Тухачевским в телефонную трубку:

– Конечно бесплатно. Это же студенты...

Через несколько дней бал состоялся. Да еще какой бал! Начальник Дома Красной Армии расщедрился и предоставил в наше распоряжение не только зал, но и великолепный военный оркестр.

В разгар бала несколько неожиданно загремели аплодисменты. Молодежь, прервав танцы, окружила почетного гостя – М. Н. Тухачевского.

Ни одеждой, ни поведением своим Михаил Николаевич не выделялся из толпы. Он носил такую же гимнастерку, как и многие из присутствовавших, держался непринужденно, просто, весело. А когда грянула мазурка, пригласил одну из студенток и закружил ее в танце...

Сколько воды утекло с той поры! А из памяти моей не идет озаренное улыбкой лицо Михаила Николаевича – доброго друга нашей юности.

ОРЕЛ МОЛОДОЙ Н. В. КРАСНОПОЛЬСКИЙ

В ночь на 14 ноября 1919 года 27-я стрелковая дивизия освободила Омск от колчаковцев, и уже к утру в Куломзине появился Реввоенсовет 5-й армии во главе с М. Н. Тухачевским.

Я впервые увидел тогда командарма, победно прошедшего нас от Волги до Иртыша. Это был красивый молодой человек в ладном барнаульском полушубке, валенках и белой сибирской заячьей шапке с длинными ушами, которыми при нужде можно было закрыть и шею.

Направившиеся поить коней ездвые нашей батареи останавливались рядом со мной и тоже во все глаза глядели на М. Н. Тухачевского. Общее впечатление о командире выразил «батя», как почтительно величали у нас самого старшего из красноармейцев коммуниста Куликовского.

Куликовский был человеком примечательным. Еще в 1905 году он участвовал в

баррикадных боях рабочих польского города Лодзи. Потом ему пришлось эмигрировать за границу. Побывал в Австралии и США, участвовал и там в рабочем движении, лично знал Юджина Дебса. Батарейцы к нему прислушивались. Его мнение было важно и для меня – комиссара батареи, «Батя» сказал, будто припечатал:

– Орел молодой!

Молодость М. Н. Тухачевского – первое, что бросалось в глаза всем и каждому. На этой почве происходили многие забавные недоразумения. Не обошлось без них и в Омске.

Утром 14 ноября, когда в городе хозяйничали уже наши, распахнулись двери одного из добротных особняков, и в них появился... колчаковский генерал Римский-Корсаков. Почтенный начальник омских артиллерийских складов намеревался идти к себе на службу. Но его моментально окружили красноармейцы и препроводили к только что вступившему в должность коменданта города комиссару артиллерии В. А. Бюлеру.

О поимке такой крупной птицы было, конечно, тотчас доложено М. Н. Тухачевскому, и он приказал доставить генерала в штаб армии. Бюлер сам повез туда пленного, а на обратном пути заехал к нам на батарею и, давась смехом, рассказал следующее:

– Вошли мы в помещение. Вижу, у самого края стола сидит Тухачевский в валенках и стеганке. Рядом с ним – командиры постарше. Генерал пошарил по застольице глазами и сразу же потянулся к самому великовозрастному. Начался обычный в таких случаях разговор: как зовут-величают, какую должность занимал у Колчака, при каких обстоятельствах попал в плен. Вопросы задавал тот, что постарше, и генерал охотно отвечал ему. Новот спросил что-то Тухачевский. Пленный колчаковец и ухом не повел. Я ему подсказываю: «Генерал, вас командарм спрашивает». А он опять к тому же пожилому командиру тянется. Я ему снова: «Командарм вас спрашивает» – и указываю на Тухачевского. Генерала чуть родимчик не хватил. Надо было слышать, с каким недоумением он выдал из себя: «Вы командарм? Да сколько же вам лет?.. Простите, я вас принял за адъютанта»...

К слову замечу, что Римский-Корсаков оказался порядочным человеком: сдал подведомственные ему склады в полном порядке, ввел в курс дела своих преемников и добросовестно выполнил многие другие поручения М. Н. Тухачевского. Затем он был отправлен в Москву, попросился там в Красную Армию и до конца дней своих честно служил Советской власти.

Но тогда, в первый день своего пленения, многое из наших порядков казалось ему странным, противоестественным. Он явно не понимал, что молодая Красная Армия не могла обойтись без молодых командных кадров на самых высоких постах. Ведь даже наиболее прогрессивные из царских генералов и полковников, искренне перешедшие на сторону Октября, такие, например, как М. Д. Бонч-Бруевич, А. А. Самойло, И. И. Вацетис, допускали подчас серьезные ошибки, так как находились в плену привычных тактических схем и не могли сразу освоиться с новым для них характером революционной гражданской войны. Великая Октябрьская социалистическая революция, создав новый государственный и общественный строй, создавала и новое революционное военное искусство, выковывала новых военачальников ленинской школы.

Именно таким и был Михаил Николаевич Тухачевский. Его твердое и умное руководство мы почувствовали с первых же дней вступления в командование нашей 5-й армией. Я был тогда еще командиром отделения разведчиков-наблюдателей. Часто случалось наведываться в штабы полков и бригады. Там от писарей и связистов по-приятельски узнавал о многих фронтовых новостях. Это были всезнающие люди. Нового командующего они характеризовали так: смел, пригож собой, на Восточном фронте не новичок, в прошлом командовал 1-й армией, освобождавшей Самару и родину Ленина – Симбирск. Для нас, «старых восточников», воевавших от самой Казани, такая аттестация кое-что значила.

Полководческий талант М. Н. Тухачевского в полном блеске раскрылся уже в Златоустовской операции, осуществленной в первой половине июля 1919 года. В основе ее

лежала идея нанесения белым удара с неожиданного для них направления. Главные силы армии сосредоточивались на ее левом крыле – у Бирского тракта и в долине реки Юрюзань. А тем временем кавбригада И. Д. Каширина и одна из стрелковых бригад 26-й дивизии, развернувшись на широком фронте, повели наступление вдоль железной дороги на Уфу. Противник решил, что главный удар наносится именно здесь, и жестоко поплатился за это. 13 июля мы взяли Златоуст, а 24 были уже в Челябинске. Хотя некоторые колчаковские генералы (в частности, Болдырев) и называли эту операцию «незамысловатой», «шитой белыми нитками», однако же разобратся в цвете «ниток» они сумели лишь после того, как потерпели поражение.

Так же интересно была задумана и столь же блестяще осуществлена М. Н. Тухачевским Омская операция. Она основывалась главным образом на быстроте действий. Наша 27-я стрелковая дивизия, погрузившись на подводы, за сутки совершила бросок в 105 верст. Мы ворвались в город, обгоняя колчаковские обозы. Генерал Римский-Корсаков, о пленении которого я уже рассказывал, только разводил руками:

– Позвольте, господа, как же так? По всем расчетам, вы должны быть еще в Мариановке...

В ноябре Михаил Николаевич уехал от нас на юг добивать Деникина. Не надолго осталась в Сибири и наша дивизия. В конце июня 1920 года ее перебросили на Западный фронт, и здесь мы снова попали под командование М. Н. Тухачевского.

Не поручусь за достоверность, но среди красноармейцев широко распространился слух, будто 27-ю Омскую дивизию по старой памяти вызвал сюда сам Михаил Николаевич. Так это было в действительности или совсем иначе, но подобные разговоры, несомненно, свидетельствовали о глубоких симпатиях личного состава к командующему фронтом. А с другой стороны, тут давала себя знать и гордость за свою дивизию, сознание того, что мы пришли на запад как надежная воинская сила.

Перефразируя старую русскую поговорку насчет попа и прихода, можно сказать: каков полководец, таковы у него и войска. На Западном фронте смелый и решительный характер М. Н. Тухачевского еще раз проявился в небывало высоких темпах развернувшегося наступления. Не зря Пилсудский писал впоследствии, что летом 1920 года под ударом красных войск «терялись генералы, мякли сердца солдат». Пилсудский не постеснялся признаться, что в ту пору его начальник штаба начинал свой ежедневный доклад стереотипной фразой: «Ну и марш! Ну и марш!»

По тем временам марш действительно был необыкновенным. 11 июля наша 27-я Омская совместно с 17-й стрелковой дивизией освободила Минск, а ровно через месяц, 11 августа, мы вели уже бой под Варшавой.

В этом порыве сказывался и талант командующего, и высокие боевые качества войск. Одно дополнялось другим.

Тем не менее наш поход на Варшаву закончился неудачей. В. И. Ленин объяснял это прежде всего тем, что в решающий момент у нас не хватило сил. Лишь заведомые недоброжелатели М. Н. Тухачевского пытались свалить всю вину на него. Но партия и Советское правительство не отказали ему в своем доверии. Он был оставлен на посту командзаса, затем стал командующим войсками Западного военного округа.

К этому периоду и относится мое личное знакомство с Михаилом Николаевичем. Получив назначение на должность секретаря окружной газеты «Красноармейская правда», я имел возможность довольно часто встречаться с ним по разнообразным редакционным делам, а также на собраниях Военно-научного общества.

Время было очень интересное. Кипели горячие споры о советской военной доктрине. Одни пытались «увязать» ее с французской теорией позиционной войны, другие отдавали предпочтение германским идеям «блицкрига». Михаил Николаевич не преклонялся перед иностранными авторитетами. У него была своя живая, ищущая мысль. Выступая перед военной аудиторией и устно, и печатно, он умел придать рассуждениям о военной доктрине какой-то совершенно оригинальный поворот, вызывавший у слушателей и читателей

желание подумать, поспорить.

М. Н. Тухачевский отлично понимал роль печатного слова в воспитании и обучении красноармейцев. «Красноармейская правда» всегда находилась в поле его зрения. Он внимательно следил за ней, подсказывал нам, как надо вести дело, чтобы газета лучше выполняла свои агитационные, пропагандистские и организаторские функции, надежнее помогала командованию.

– Прошу понять, товарищи, – говорил нам Михаил Николаевич, – что красноармейская газета это не просто листок информации, а и своеобразный учебник военного дела. Вот вы пишете, что в таком-то полку проходили занятия по сколачиванию отделения, такой-то боец действовал хорошо, такой-то плохо, и ставите точку.

Этого мало. Надо постараться раскрыть, чем именно хороши были действия замеченного вами красноармейца, как он учитывал обстановку, в чем проявились его смелость, находчивость. Тогда читатель запомнит ваше обращение к нему, сделает из ваших наблюдений определенные выводы и сам постарается действовать так же в сходной обстановке... Армия сейчас овладевает новой тактикой. Это дело непростое. Газета должна помогать бойцу конкретно, а не отделяться общими словами.

Однажды редактор «Красноармейской правды» В. А. Зудин отправился к М. Н. Тухачевскому попросить для газеты статью о задачах летней учебы.

– Статью я вам напишу, – согласился командующий, – но вы дайте мне возможность поговорить с вашими военкорами, о чем и как должны сейчас писать они.

На другой день мы действительно получили от Михаила Николаевича обещанную статью. Она была написана от руки на листках личного блокнота командующего, и к ней прилагалась записка с напоминанием о необходимости встречи с военкоровским активом. Мы, конечно, такую встречу подготовили. Было созвано окружное совещание военкоров, и командующий выступил на нем с интереснейшим докладом, в котором приводились убедительные примеры из жизни войск, обстоятельно анализировались военкоровские заметки и редакционные статьи.

А когда М. Н. Тухачевский командовал войсками Ленинградского военного округа, там издали его брошюру о том, как надо освещать в красноармейской печати ход тактической подготовки бойцов и мелких подразделений. Мы сумели добыть ее для военкоров «Красноармейской правды», и могу сказать наверняка, что эта скромная книжечка многим из них помогла стать впоследствии профессиональными военными журналистами.

Характерной особенностью журналистской деятельности самого М. Н. Тухачевского было то, что он совершенно не терпел так называемого «заавторства». Неоднократные наши попытки подsunуть ему на подпись статьи, подготовленные сотрудниками редакции, отвергались с порога. Михаил Николаевич имел определенное литературное имя, свой литературный стиль, устойчивую литературную репутацию и очень дорожил этим.

Не могу не отметить и еще одну примечательную черту М. Н. Тухачевского. Он умел подбирать и ценить сослуживцев. Об этом достаточно красноречиво говорят написанные им аттестации на подчиненных ему людей. Вот, например, одна из них, характеризующая командира корпуса А. В. Павлова:

«Выдающийся работник. Обладает блестящим оперативным мышлением. Характера твердого и смелого. В походной жизни вынослив, искренне революционно настроен и предан Советской власти. Много работает в военно-научном деле. Вполне достоин и вполне подготовлен к должности командарма и командокра».

Аттестация немногословна, но человек виден со всех сторон. И за лаконичными фразами сразу улавливается теплота, сердечность отношений, глубокое уважение старшего к младшему.

А как часто именно этого не хватало нам в пору культа личности Сталина!

ВЕСЬ ДЛЯ ЛЮДЕЙ
Л. В. ГУСЕВА

В 1920 году, работая в штабе Кавказского фронта, я впервые увидела Михаила Николаевича. Как и всех, кто с ним соприкасался, он поразил меня скромностью и демократизмом, сквозившими в каждом его слове, чувствовавшимися в каждом поступке.

Ни капельки важности, ни тени высокомерия!

Входя к нему в рабочий кабинет, никто не испытывал робости или смущения. Каждый знал: он идет к товарищу, будет внимательно и сочувственно выслушан.

Вскоре фронтовая судьба разлучила меня с М.Н.Тухачевским. Я и не думала, что когда-нибудь в дальнейшем пути наши опять пересекутся. А произошло даже нечто большее.

Мужа моего – командира Красной Армии – перевели в Смоленск, и мы оказались соседями с Тухачевскими по дому. Так я познакомилась, а затем на всю жизнь подружилась с женой Михаила Николаевича, умной, тактичной, располагавшей к себе молодой женщиной, Ниной Евгеньевной.

Она ввела меня в свой тесный, хотя и очень обширный, семейный круг. Тут было интересно всегда. Но особую привлекательность приобрел дом Тухачевских с переводом Михаила Николаевича в Москву. Какие там встречались люди! Как часто звучала чудесная музыка, исполняемая первоклассными музыкантами!

Мне особенно запомнился вечер, когда на квартире у Михаила Николаевича, на Никольской, собрались пианисты, которым предстояло ехать на конкурс в Варшаву. В этот раз здесь были Шостакович, Оборин, Брюшков. Поочередно они садились за рояль. Михаил Николаевич изредка делился с ними своим мнением о прослушанном, очень тактично делал замечания, и надо было видеть, с каким вниманием прислушивались к нему музыканты!

А после концерта – ужин, чай, долгие споры о музыке, композиторах, исполнительском искусстве.

Михаил Николаевич и Нина Евгеньевна умели создать обстановку непринужденности. У них каждый чувствовал себя легко, свободно, мог откровенно высказать свои мысли, не боясь, что его прервут или обидят.

В домашних разговорах Михаила Николаевича излюбленной темой было скрипичное дело. Он знал массу историй, связанных с изготовлением скрипок, и десятки профессиональных секретов, которыми охотно делился. С умением истинного мастера Тухачевский сам создавал превосходные музыкальные инструменты. Иногда и мы с Ниной Евгеньевной привлекались к этому в качестве «подсобной рабочей силы» – нам доверялось протереть наждаком какую-либо тщательно выструганную деталь будущей скрипки, порой даже отполировать ее. Это были очень веселые часы. Перемазавшиеся лаками и клеем, мы выслушивали бесконечные насмешливые замечания Михаила Николаевича:

– Ну, разве так работают! Какой из вас Страдивариус!..

Как-то в один из таких часов появился Якир. Михаил Николаевич обратился к нему с шуточной жалобой на нас:

– Видишь, Иона, пытаюсь их эксплуатировать, да не поддаются, грозятся в профсоюз пожаловаться.

Однажды я застала у Тухачевских опытного скрипичного мастера Е. Ф. Витачека. Михаил Николаевич долго и увлеченно беседовал с ним, показывал гостю свою коллекцию скрипок, баночки с лаками, вытащил заветный кусок какого-то особого дерева. Этот неказистый с виду чурбачок Михаил Николаевич сберегал в течение многих лет пуще всякой драгоценности, мечтал изготовить из него замечательную скрипку. И вдруг, когда Витачек ушел, мы с изумлением обнаружили, что знаменитая деревяшка исчезла.

– Где же она? – растерянно спросила Нина Евгеньевна.

– Подарил Витачеку, – почти виновато улыбнулся Михаил Николаевич. – Так, как он изготавливает скрипки, мне не изготовить...

Друзья познаются в беде, утверждает старинная русская поговорка. Она очень справедлива по отношению к Тухачевскому.

Помню, вскоре после появления оперы «Катерина Измайлова» ее молодой тогда автор

Дмитрий Дмитриевич Шостакович был подвергнут грубой, шельмующей критике (опера не понравилась Сталину). Шостаковича вызвали из Ленинграда в Москву для генеральной «проработки».

Я встретила его в квартире Тухачевских подавленного, растерянного. И надо было видеть, с каким сочувствием отнесся к нему Михаил Николаевич! Они надолго удалились вдвоем в кабинет. Не знаю, о чем там разговаривали, но из кабинета Шостакович вышел обновленным человеком. Решительно шагнул к роялю и начал импровизировать. Михаил Николаевич весь обратился в слух. Он не отрывал восхищенного взгляда от друга, в которого верил и которому сумел внушить веру в самого себя.

В другой раз при мне в квартиру Тухачевских пришла вдова военного. Она с двумя детьми жила в сыром подвале. Младший болел.

Михаила Николаевича дома не оказалось. Незнакомую женщину приняла Нина Евгеньевна. Внимательно ее выслушала, обо всем расспросила и взяла у нее письмо для Михаила Николаевича.

Вечером это письмо было вручено адресату. Михаил Николаевич вернулся очень усталым, но, ознакомившись с жалобами вдовы, тотчас же стал звонить кому-то по телефону, написал куда-то записку. И можно не сомневаться, что все вопросы были решены положительно.

К подобным визитам в семье Тухачевских относились как к должному. Никого они не удивляли, и никто не говорил лишних слов о вызываемых ими хлопотах. Так было заведено. Во всем, что касалось людей, их здоровья, их быта, здесь не признавали мелочей.

Как-то, еще в двадцатые годы, к М. Н. Тухачевскому обратился один художник и попросил помочь продать картину. Чувствовалось, автор картины сильно нуждается. Но, посмотрев полотно, Тухачевский понял, что покупатель вряд ли найдется. И тогда он сам решил купить ее. С деньгами было туговато. Существовал партмаксимум, а семья большая. Пришлось залезать в долги.

Когда картину привезли домой, все крайне удивились, как это обладавший тонким вкусом Михаил Николаевич соблазнился таким произведением. И тут последовало объяснение:

– Да разве дело в картине? Дело в человеке, которому надо было помочь, не уронив его достоинства... А художник он не лишенный способностей. Может быть, еще распишется...

Когда я говорю о доброте и отзывчивости М. Н. Тухачевского, то не могу не вспомнить его мать Мавру Петровну. Вероятно, эти качества он впитал с ее молоком. Я не знала человека более сердечного и справедливого, чем простая, бесхитростная, едва грамотная, но мудрая сердцем Мавра Петровна. Наблюдая вместе мать и сына, нельзя было не заметить, какое поразительное духовное родство существует между ними.

Встречая сына, приехавшего наскоро пообедать, Мавра Петровна всегда безошибочно угадывала его настроение. Если он устал или был погружен в какие-то нелегкие думы, мать тихо спрашивала:

– Хочешь, Мишенька, Пятую?

И, не дожидаясь ответа, направлялась к проигрывателю. Звуки бетховенской симфонии наполняли комнату. Лицо Тухачевского светлело.

Прожившая большую жизнь, полную волнений, тревог, а подчас и лишений, похоронившая еще накануне первой мировой войны мужа, старшую дочь, одного из сыновей, продававшая в годы гражданской войны последние вещи, чтобы прокормить семью, Мавра Петровна так заслуживала спокойной и почетной старости! Но все случилось по-иному. На склоне лет на нее обрушилась трагедия, которую я не знаю, с чем можно сравнить.

Да будет светлой память об этой замечательной женщине, об этой Матери с большой буквы!

КАК МНЕ ЕГО НЕ ХВАТАЕТ

Д. Д. ШОСТАКОВИЧ

Мы познакомились в 1925 году. Я был начинающим музыкантом, он – известным полководцем. Но ни это, ни разница в возрасте не помешали нашей дружбе, которая продолжалась более десяти лет и оборвалась с трагической гибелью Тухачевского.

Первое, что поразило меня в Михаиле Николаевиче, – его чуткость, его искренняя тревога о судьбе товарища.

Помню неожиданный вызов к командующему Ленинградским военным округом Б. М. Шапошникову. Ему, оказывается, звонил из Москвы Тухачевский. Михаилу Николаевичу стало известно о моих материальных затруднениях, и он просил на месте позаботиться обо мне. Такая забота была проявлена, я получил работу.

А начиная с 1928 года, когда М. Н. Тухачевский сам оказался командующим войсками Ленинградского военного округа, наша дружба стала еще более тесной. Мы виделись всякий раз, когда было желание и возможность.

Михаил Николаевич удивительно располагал к себе. Подкупали его демократизм, внимательность, деликатность. Даже впервые встретившись с ним, человек чувствовал себя словно давний знакомый – легко и свободно. Огромная культура, широкая образованность Тухачевского не подавляли собеседника, а, наоборот, делали разговор живым, увлекательно интересным.

Однажды я вместе с Михаилом Николаевичем отправился в Эрмитаж. Мы бродили по залам и, как это нередко случается, присоединились к группе экскурсантов. Экскурсовод был не очень опытен и не всегда давал удачные объяснения. Михаил Николаевич тактично дополнял, а то и поправлял его. Минутами казалось, будто Тухачевский и экскурсовод поменялись ролями.

Под конец экскурсовод подошел ко мне и, кивнув головой в сторону Михаила Николаевича, одетого в штатское, спросил:

– Кто это?

Мой ответ так поразил его, что на какое-то время он буквально лишился дара речи. А когда пришел в себя, стал благодарить Тухачевского за урок. Михаил Николаевич, дружески улыбаясь, посоветовал молодому экскурсоводу продолжать учебу.

– Это никогда не поздно, – добавил он.

Я – человек не военный, и не мне судить о полководческом таланте Михаила Николаевича. Но отлично помню, как высоко ценили этот талант его боевые соратники, с каким восхищением вспоминали проведенные Тухачевским операции.

Для меня, конечно, было важнее, что Михаил Николаевич любил и понимал музыку, посещал концерты, сам играл. У него дома всегда звучала музыка.

С первого дня нашей дружбы я проигрывал Тухачевскому свои сочинения. Он был тонким и требовательным слушателем. Иногда просил повторить то или иное место, а порой и все произведение. Замечания его неизменно били в точку.

У Михаила Николаевича я познакомился с великолепным музыкантом Николаем Сергеевичем Жилиевым, которого считаю одним из своих учителей. К Жилиеву Тухачевский относился с огромным уважением, но это не препятствовало, однако, их бурным спорам.

Часто мы встречались втроем. Обычно я играл что-нибудь новое, а Николай Сергеевич и Михаил Николаевич внимательно слушали и затем высказывали свои соображения. Иногда диаметрально противоположные. Надо ли говорить о том, как были полезны для меня, молодого композитора, эти оценки и споры!

Каждую свободную минуту – а такие у Михаила Николаевича случались не часто – он старался проводить за городом, в лесу. Порой мы выезжали вместе и, прогуливаясь, больше всего беседовали о музыке.

Меня восхищала уравновешенность Михаила Николаевича. Он не раздражался, не повышал голоса, даже если не был согласен с собеседником. Лишь однажды вышел из себя, когда я легкомысленно отозвался о композиторе, которого не любил и не понимал.

Помнится, Тухачевский высказался примерно так:

– Нельзя безапелляционно судить о том, что недостаточно продумал и изучил.

Затем, развивая свою мысль, Михаил Николаевич упрекнул меня:

– Вы против обывательщины в суждениях, а сами судите по-обывательски. Вы хотите стать композитором (признаться, я уже считал себя таковым. – *Д.Ш.*), а к оценке произведений искусства подходите легкомысленно, поверхностно.

Наша беседа затянулась далеко за полночь. Возвращаясь домой по пустынному Невскому, я испытывал чувство обиды. Но, всерьез подумав над суровыми словами Михаила Николаевича, понял: он прав. Его резкость объяснялась величайшим уважением к искусству и художникам, а кроме того – добрым отношением ко мне, за которое я ему всю жизнь благодарен.

Сейчас мне уже много лет, и нередко посещает мысль о том, что следует приняться за воспоминания, рассказать о людях, сыгравших определенную роль в моей жизни, в моей музыкальной судьбе. Одним из первых среди них был Михаил Николаевич Тухачевский.

Наша дружба продолжалась и после того, как его опять перевели в Москву. Всякий раз, приезжая в столицу, я заходил к Тухачевским. А Михаил Николаевич, бывая в Ленинграде, неизменно встречался со мной.

И вдруг настал ужасный день, когда я прочитал в газетах о расправе над Михаилом Николаевичем. Потемнело в глазах. От горя и отчаяния я ощущал почти физическую боль. Чувство было такое, будто пуля, сразившая его, направлялась в мое сердце...

Началась Великая Отечественная война. На долю нашего народа выпали тяжкие бедствия. Как часто я вспоминал в те годы моего друга – замечательного человека и талантливейшего военачальника Михаила Николаевича Тухачевского!

Его светлый образ неизменно приходил мне на память, когда я беседовал с нашей молодежью. Она знала, кто такие Колчак, Деникин, Юденич, Врангель. Но стоило спросить: «А кто же разбил этих лютых врагов молодого Советского государства?» – и тотчас начиналась невообразимая путаница. Чаще всего звучало одно имя: «Сталин». Как это было несправедливо!

Теперь наконец названы имена истинных героев наших побед в годы гражданской войны. И среди них в первом ряду имя верного сына партии и народа – Михаила Николаевича Тухачевского.

Более двух с половиной десятилетий его нет с нами. Сколько пережито за эти годы! Но я и теперь постоянно чувствую, как мне не хватает Михаила Николаевича. Не хватает в радостные, светлые минуты и в минуты горькие, тяжелые...

ВНИКАЯ ВО ВСЕ **И. А. ТЕЛЯТНИКОВ**

29 июля 1920 года части Красной Армии, продвигаясь на запад, заняли Белосток. В боях за город участвовал и кавалерийский полк 4-й стрелковой дивизии, в котором я тогда служил. 30 июля полк достиг реки Нарев с ее коварными болотистыми берегами и получил приказ сосредоточиться у селения Кнышин, привести себя в порядок и быть готовым к строевому смотру, который проведёт командующий войсками Западного фронта.

Ночь мы провели почти без сна: чистили лошадей, пригоняли амуницию, репетировали построение. К утру все эскадроны были выведены на большой луг у самого Кнышина.

Над дорогой от Белостока появилось облако пыли. Из него вскоре вынырнули две легковые автомашины. Командующий войсками фронта прибыл в сопровождении члена Польского ревкома Феликса Кона, члена Реввоенсовета фронта И. С. Уншлихта и командарма-15 А. И. Корка.

Никого из них я не знал в лицо и поначалу принял за М. Н. Тухачевского первым вышедшего из машины человека с редкой бородкой, в очках и с серебристой шевелюрой. Но это был Феликс Кон. Командующий оказался самым молодым из прибывших. Ему нельзя

было дать даже его тогдашних 27 лет.

Подвели коней. М. Н. Тухачевский легко вскочил в седло и зарысил от эскадрона к эскадрону, опрашивая, нет ли жалоб. Красноармейцы дружно отвечали:

– Нет!

После строевого смотра была проведена лихая кавалерийская атака, а потом состоялся митинг. Михаил Николаевич поблагодарил красноармейцев, командиров и политработников за ратные труды. Особенно похвалил полк за майские бои в районе станции Зябки и пообещал, что наиболее отличившиеся при этом будут представлены к награждению орденом Красного Знамени. Это была моя первая встреча с М. Н. Тухачевским.

А вторая произошла глубокой осенью 1920 года. Поезд командующего прибыл в район расположения войск, выделенных для ликвидации банд Булак-Балаховича. М. Н. Тухачевский сдержал свое слово: он привез обещанные награды кавалеристам, отличившимся в боях с белополяками. В числе награжденных оказался и я – военком полка.

В третий раз мне довелось увидеть М. Н. Тухачевского в 1922 году, когда учился на курсах военкомов при Политуправлении Западного фронта. Был февраль. В старых казармах на окраине Смоленска, где размещались наши курсы, свирепствовал адский холод. На занятиях мы сидели в шинелях, а некоторые не снимали даже головных уборов.

Михаил Николаевич появился неожиданно. Наш вид не понравился ему.

– Почему не раздеваетесь?

Мы хором ответили:

– Холодно!

– А вот и не так уж холодно, – возразил Тухачевский. – Позвольте мне раздеться...

Он сбросил шинель, присел у окна и стал внимательно слушать лекцию.

Через пятнадцать – двадцать минут был объявлен перерыв. Михаил Николаевич потянулся к своей шинели, добродушно отшучиваясь:

– Да, должен согласиться, что у вас действительно несколько свежевато.

Тут опять возобновились жалобы на отсутствие дров. Михаил Николаевич с укоризной поглядел на сопровождавшего его начальника гарнизона и выразил удивление:

– Почему даже такое большое здание, как гарнизонный клуб «Красная мысль», отапливается, а на обогрев одной комнаты, в которой занимаются военкомы частей, дров не хватает?

Тухачевскому доложили, что клуб тоже не отапливается.

– Неправда, – отрезал он. – При входе в казарму я сам видел афишу о какой-то лекции, и там написано, что клуб отапливается.

Принесли афишу. Хитрый начальник клуба сделал так, что первая часть слова «самоотапливается» была написана мелкими, едва заметными буквами, а вторая – большими и яркой краской.

Михаил Николаевич от души рассмеялся:

– Да, остроумно... Значит, клуб самоотапливается... А посещают его?

Тухачевскому объяснили, что в клуб люди ходят охотно. Надышат – и становится тепло. Это и называлось «системой самоотапливания».

– И начальника клуба за эту «систему» ни разу еще не избили? – изумился Михаил Николаевич.

В дальнейшем благодаря заботам командующего в казармах стало теплей. Под Смоленском были выделены лесосеки. На заготовку дров мы ходили сами.

Уже из этих трех мимолетных встреч с М. Н. Тухачевским у меня составилось о нем самое лучшее Мнение. Подкупали его простота в обращении с людьми, предупредительность, вежливость, спокойный тон разговора. За всем этим чувствовалось не только хорошее воспитание, но и большая сила воли.

А ближе я узнал Михаила Николаевича попозже, когда меня избрали в состав президиума партийной комиссии Западного фронта и затем перевели на постоянную работу в Политуправление.

Хорошо помню, какая нездоровая обстановка создалась вокруг Тухачевского в начале 1924 года, незадолго до назначения его помощником начальника Штаба РККА. Поползли грязные сплетни. Исходили они, как мне казалось, от начальника Политуправления В. Н. Касаткина, человека властолюбивого и, безусловно, склонного к интригам. Неблаговидную роль играл при этом и секретарь партийной организации Васильев. Его стараниями в склочное дело было вовлечено почти все партийное бюро. В результате Тухачевский выехал к новому месту службы с очень нелестной характеристикой.

На заседании партбюро, когда обсуждалась эта характеристика, Михаил Николаевич держался с завидной выдержкой и достоинством. Но у меня создалось впечатление, что защищать себя он не умеет.

Впрочем, и без этого очень скоро сама жизнь отменяла облыжные наветы. Менее чем через год М. Н. Тухачевский опять вернулся в Смоленск. Его назначили командующим войсками Западного военного округа.

А Касаткин со своими приспешниками исчез. Начальником Политуправления работал теперь замечательный коммунист Сергей Николаевич Кожевников. Секретарем объединенного партбюро коммунисты избрали меня.

Не помню точно, но, кажется, уже на второй или третий день по прибытии в округ М. Н. Тухачевский позвонил мне по телефону:

– Хотел бы встретиться с вами.

Мы условились о времени. Михаил Николаевич явился минута в минуту. Было, кажется, часов шесть вечера.

– Разговор будет долгим, – предупредил он. – Но я надеюсь, что вы внимательно меня выслушаете.

С этими словами Михаил Николаевич вынул из портфеля и положил передо мной на стол свое «Личное дело». В то время еще каждый коммунист при переезде к месту новой работы документы партийного учета получал на руки.

Я стал перелистывать содержимое довольно объемистой папки, а Михаил Николаевич между тем продолжал:

– Вы должны до конца рассеять все недоразумения, которые причинили мне столько неприятностей. Военкомов в штабах теперь нет, начальник штаба беспартийный. Вся моя надежда на вас, и потому в отношениях между нами нужна полная ясность. Я хорошо понимаю и высоко ценю политорганы и партийные организации. Сам начал службу в Красной Армии с должности политического комиссара...

Беседа наша затянулась за полночь. Михаил Николаевич подробно рассказывал о своем жизненном пути, объяснял побуждения, которые привели его в ряды большевистской партии. Но больше всего, разумеется, мы старались разобраться в причинах, повлекших за собой прошлогодние нападки на Тухачевского.

Из долгой этой беседы я вынес твердое убеждение, что Тухачевский – человек честный, искренний, хотя вокруг него нередко плетутся интриги. Есть люди, которые завидуют ему. В годы гражданской войны он чувствовал внимание к себе со стороны Владимира Ильича и очень гордится тем, что выполнял ряд важных ленинских поручений. Иногда это делалось вопреки желанию руководителей военного ведомства, и с годами у них сложилась стойкая неприязнь к Тухачевскому.

Со своей стороны я сделал все, чтобы прошлогодняя история не повторилась. Работа партийной организации шла теперь в самом тесном контакте с командующим. Михаил Николаевич не являлся членом партбюро, но часто приходил на наши заседания, активно участвовал в обсуждении важнейших вопросов партийной жизни. Держался он очень скромно, что не мешало ему, однако, вносить много ценных предложений, делиться своими впечатлениями о поездках в войска.

Помнится, по инициативе Тухачевского партбюро основательно вникло во многие проблемы противовоздушной обороны, в строительство Дретуньского учебного полигона (последний, по мысли командующего, должен был воспроизводить в миниатюре театр

возможной войны на западном операционном направлении).

Нередко Михаил Николаевич приходил в партбюро за советом. Его, например, глубоко волновал тогда вопрос устройства на работу начальствующего состава, уволенного из армии в связи с ее реорганизацией. Он вел обширную переписку с демобилизованными командирами, и не раз по его предложению партбюро связывалось с губкомами партии, высылало на места своих представителей, чтобы облегчить этим товарищам подыскание работы в народном хозяйстве.

М. Н. Тухачевского отличала высокая партийная дисциплина. Он был очень щепетилен, когда дело касалось выполнения любого партийного поручения. На собрания являлся минута в минуту, а если по каким-то исключительным обстоятельствам запаздывал, обязательно звонил мне по телефону и предупреждал: задержусь на столько-то.

Несмотря на свою популярность, Михаил Николаевич и здесь оставался неизменно скромным. Сидел обычно в предпоследних рядах, внимательно слушал всех, кто выходил на трибуну, а если выступал сам, то никогда не нарушал регламента.

На критические замечания коммунистов Тухачевский реагировал живо и непосредственно. Обычно сразу же после собрания он вызывал соответствующих командиров, выяснял, почему допущены те или иные недостатки, давал указания, как исправить положение, и определял для этого очень жесткие сроки.

Несмотря на огромную загруженность по службе, Михаил Николаевич охотно занимался пропагандистской работой. И не только в пределах штаба округа или войсках. Его знали как отличного докладчика железнодорожники смоленского узла, рабочие типографии имени Смирнова.

Ему до всего было дело. Все его волновало.

Помню, был у нас подшефный детский дом, расположенный километрах в 15–17 от города. Детям часто не хватало продовольствия. Очень плохо было с одеждой. Наша помощь лишь в малой степени возмещала все эти нехватки.

В один из воскресных дней Тухачевский сам отправился в этот детский дом. Вернулся он оттуда поздно ночью. Ездившая с ним коммунистка Е. Езарина рассказывала, что положение детей потрясло командующего. Он лично участвовал в заготовке для детдома дров, потом отправился в ближайшую деревню на поиски печника и действительно нашел там крестьянина, который взялся отремонтировать печи.

Не успел я закончить разговор с Езариной, как раздался телефонный звонок от Тухачевского. Михаил Николаевич интересовался, когда мы можем встретиться, чтобы хорошенько обсудить положение в детском доме. Я назвал время и вызвался сам зайти к Тухачевскому.

В комнате партбюро нас сидело трое. Там всегда было накурено и шумно, телефон почти не умолкал, непрерывной вереницей шли посетители, особенно к Арону Когану – комсомольскому работнику Политуправления. Тухачевского это, однако, не смущало. Он решительно отклонил мое намерение вести беседу о подшефном детдоме в его кабинете.

– Когда будут служебные вопросы, я, конечно, попрошу вас к себе. А это дело партийное. В таких случаях члены партии должны являться к секретарю. Начальников у нас много, и, если вы станете ходить ко всем, вам не хватит времени...

Когда мы встретились, Михаил Николаевич располагал уже тщательно продуманными предложениями: как и откуда добыть для детдома топливо, кого выделить на заготовку дров, откуда взять подводы, на кого из штабных работниц и жен командиров возложить ответственность за пошив для детей одежды и белья.

Вечером по настоянию командующего собралось партбюро. Он сам доложил о бедственном положении детского дома. И как доложил! В памяти моей и поныне сохранилось великолепное начало этого доклада:

– Вчера я познакомился с хорошими, талантливыми детьми, которые хотят учиться, но не могут из-за тяжелых условий...

Михаил Николаевич и позже, вплоть до своего отъезда из Смоленска, постоянно

интересовался делами подшефного детского дома. Да и не только его одного. Тухачевский вошел в губком с предложением о проверке состояния всех детских домов в губернии, неоднократно звонил в Детскую комиссию при ВЦИК, настаивая на принятии срочных мер по улучшению условий жизни детей, лишенных родительского попечения.

Почти с такой же нежностью относился Михаил Николаевич и к своим боевым товарищам, героям гражданской войны – Фабрициусу, Вострецову, Гаю, Дыбенко и многим другим. То обстоятельство, что некоторые из них были старше по возрасту, но находились под его началом, не мешало ни дружбе, ни службе.

Мне припоминаются самые различные проявления заботы Михаила Николаевича о подчиненных. По его инициативе, например, был открыт окружной санаторий в Ливадии. Он, что называется, горой встал на защиту Г. Д. Гаю, когда какая-то комиссия из аппарата НКО необоснованно предъявила последнему обвинения в недостатке по дивизии мелкого имущества. Михаил Николаевич добился рассмотрения этого вопроса у М. В. Фрунзе, в результате чего была установлена полная невиновность Гаю (утрача имущества произошла задолго до его прибытия в дивизию).

Человек огромного обаяния и неизменного доброжелательства, Михаил Николаевич умел спокойно и терпеливо разобраться в любом самом запутанном деле, раскрыть любую несправедливость, убедить ошибающихся. При этом невозможно представить себе, чтобы он сорвался на крик, унизил или оскорбил кого-нибудь. В нем всегда чувствовались большая внутренняя культура, железная воля, собранность и партийная воспитанность. Для него не прошли бесследно годы совместной работы с В. В... Куйбышевым, Г. К. Орджоникидзе, И. С. Уншлихтом. К этим своим партийным наставникам он всегда питал чувство глубокого уважения. А Серго просто обожал.

В этой связи вспоминается такой случай.

Я входил в состав небольшой делегации Западного военного округа, прибывшей на похороны Михаила Васильевича Фрунзе. М. Н. Тухачевский тогда уже служил в Москве, но в почетном карауле у гроба М. В. Фрунзе он стоял вместе с нами. А вечером Михаил Николаевич пришел к нам в вагон. Проводница, приготовила чай. Стали вспоминать, как много сделал; Фрунзе за короткий срок пребывания на посту наркомвоенмора. Тут и реорганизация армии, и разработка уставов, и переход на единоначалие. А главное, преодоление троцкистских тенденций, сплочение армии вокруг нашей партии.

Михаила Николаевича связывала с Фрунзе долгая дружба. Они знали друг друга еще по совместной работе на Восточном фронте. Тухачевский в своих выступлениях часто ссылался на Фрунзе, как на большого знатока военного дела, образованного марксиста и очень гуманного человека. Себя он считал одним из многочисленных учеников покойного и верным его помощником.

Невольно разговор зашел о том, кто же заменит Фрунзе, кто станет наркомвоенмором? И Михаил Николаевич сказал тогда:

– Я не знаю, кого вы называли в беседах с членами Цека и Цекака,³⁷ а я, не делая секрета, хотел бы предложить кандидатуру Серго Орджоникидзе. Мне кажется, что только он, с присущим ему талантом и душевностью, с его работоспособностью и другими достойными качествами, мог бы стать приемлемой для всех кандидатурой на пост наркомвоенмора...

Вспоминая сейчас эту беседу в вагоне, я отчетливо представляю себе, какую роковую роль она могла сыграть в последующей судьбе Тухачевского.

Впрочем, и без того недоброжелатели Фрунзе и Орджоникидзе давно уже стали недоброжелателями Михаила Николаевича. Говорят, что это было заметно еще в годы гражданской войны. Я не могу засвидетельствовать такого, поскольку в то время слишком

³⁷ Члены ЦК и ЦКК ВКП(б) вели беседы с прибывшими на похороны М. В. Фрунзе делегациями о том, кого желательно было бы выдвинуть на пост наркомвоенмора.

мало знал Тухачевского и еще меньше соприкасался с М. В. Фрунзе и Г. К. Орджоникидзе. Но начиная с 1922 года мне припоминается немало фактов, по которым нетрудно судить, насколько совпадали взгляды М. В. Фрунзе и М. Н. Тухачевского на дальнейшее развитие наших Вооруженных Сил и как раздражало это инакомыслящих.

Еще в марте 1922 года Тухачевский в качестве делегата с правом решающего голоса участвовал в работе XI съезда партии. Доклад Троцкого о состоянии армии и ее задачах никого там не удовлетворил. Было созвано совещание армейских делегатов для обсуждения принципиальных вопросов военного строительства. Руководил им М. В. Фрунзе. Михаил Николаевич выступал на этом совещании в поддержку ленинской линии, солидаризируясь с М. В. Фрунзе. А спустя некоторое время мне довелось лично слушать интереснейший доклад М. Н. Тухачевского на широком совещании командного состава Западного фронта.

Докладчик уделил много внимания предстоящей военной реформе, разработке новых уставов. Задачи дальнейшего военного строительства он определял, исходя из характера будущей войны. Уже тогда Тухачевский смотрел далеко вперед, предвидя неизбежность бурного развития производительных сил, быстрые темпы индустриализации страны. Он убедительно доказывал, что недалеко время, когда Красная Армия будет в изобилии получать самолеты, танки, автомобили, новейшие образцы стрелкового оружия и инженерного имущества. Все это окажет решающее влияние на ее организацию и тактику. Михаил Николаевич настаивал на необходимости подготовки командного состава и всей армии к подвижным, высокоманевренным действиям. В этой связи докладчик остановился на роли конницы в предстоящей войне и сделал вывод, что значение ее в дальнейшем будет уменьшаться, а роль авиации, бронетанковых войск и артиллерии возрастать.

В том же докладе М. Н. Тухачевский подверг разбору и критике авантюристическую позицию Троцкого. Вопреки В. И. Ленину, предпринимавшему решительные меры по обеспечению сосуществования с капиталистическими государствами, Троцкий продолжал носиться с идеей расширения рамок революции путем войны, а все заботы об укреплении обороны страны и боевой мощи армии сводил к трем «проблемам»: подготовить отделенного командира, убить вошь и научить красноармейца смазывать сапоги.

Как мне кажется, Михаил Николаевич с помощью этого доклада хотел дать более развернутое изложение своих взглядов по всем вопросам военного строительства. Доклад был перепечатан и направлен лично М. В. Фрунзе. Позже, проводя полевые учения с высшим начсоставом в районе Полоцка, Михаил Васильевич очень лестно отозвался о нем. Он заявил, что в этом докладе Тухачевский, как и подобает талантливому пролетарскому полководцу, умело применил марксизм в военном деле.

Однако не все рассудили так. У некоторой части высшего командного состава дальновидные прогнозы М. Н. Тухачевского вызвали возражения. Более того, высказывания Михаила Николаевича о роли конницы в будущей войне некоторые кавалерийские начальники восприняли едва ли не как личное оскорбление. Инспекция кавалерии РККА по горячему следу занялась проверкой состояния кавалерийских частей, находившихся в подчинении М. Н. Тухачевского. В Минске состоялось совещание начальствующего состава, где речь шла не столько о положении дел в проверенном 3-м кавкорпусе, сколько «о роли конницы в будущей войне». Наиболее открытый полемический характер носило выступление Щаденко.

– Война моторов, механизация, авиация и химия придуманы военспецами, – безапелляционно заявил он. – Пока главное – лошадка. Решающую роль в будущей войне будет играть конница. Ей предстоит проникать в тылы и там сокрушать врага...

Михаил Николаевич проявил при этом изумительную выдержку. Ему это было привычно. Невольно вспоминается, как сразу же вслед за окончанием гражданской войны в частях и соединениях Западного фронта, пожалуй впервые в Красной Армии, стала разворачиваться планомерная командирская учеба. Поначалу к ней тоже многие относились неодобрительно. И тогда не обошлось без разговоров о «выдумках военспецов». Военные игры на картах откровенно высмеивались. Явное пренебрежение проявлялось к расчетам

движения на маршах, пропускной способности железных дорог, потребности войск в боеприпасах и продовольствии. Даже такие признанные авторитеты и истинные герои гражданской войны, как Я. Ф. Фабрициус, С. С. Вострецов, Н. Д. Каширин, П. Е. Дыбенко, Г. Д. Гай, О. И. Городовиков, оказывались порой в плену представлений вчерашнего дня, не хотели заглядывать вперед.

Вот только что закончились очередные полевые занятия с командирами дивизий. Тухачевский подводит итоги. И вдруг поднимается Степан Вострецов, командир 27-й Омской, четырежды награжденный орденом Красного Знамени. Вся его атлетическая фигура кузнеца преисполнена какой-то ученической неуверенности, глубоко ввалившиеся глаза совсем, кажется, исчезли. Волнуясь, он говорит, что на занятиях было много поучительного, но ему кажется, что очень уж они отличались от недавних боев в Сибири и на Дальнем Востоке.

Накручивая большущие усы, с места поддерживает Вострецова командир 2-й стрелковой дивизии и также кавалер четырех орденов Красного Знамени Ян Фабрициус.

– Мы, Михаил Николаевич, в гражданскую войну действовали иначе.

И Михаил Николаевич начинает дружески, очень тактично убеждать их, что будущая война не может быть простым повторением прошлых войн...

Для того чтобы успешно проводить такие занятия, увлечь ими людей, умудренных большим боевым и жизненным опытом, Тухачевскому приходилось очень тщательно готовиться. А при всем этом хотелось еще написать статью для газеты или журнала, нужно было редактировать уставы и наставления, разрабатывать инструкции. Дня не хватало. Он трудился и ночами.

Работать на квартире было неудобно. Шутя Михаил Николаевич жаловался:

– Семья большая, и все молодежь.

Обычным местом его ночных занятий был салон-вагон. Здесь, конечно, ему мешали и шум проходящих поездов, и гудки маневровых паровозов. В помещении штаба удобств было куда больше. Но М. Н. Тухачевский; заботясь о здоровье штабных командиров, отдал приказ, чтобы на ночь в штабе не оставался никто... Лишь в случае крайней необходимости там можно было работать до 11 часов, да и то только с разрешения начальника штаба.

– А что запретил другим, не позволяй и самому себе. Иначе какой же ты пример для подчиненных? – рассуждал Михаил Николаевич.

Всецело поглощенный армией и ее проблемами, Тухачевский в то же время вел большую работу в советских и местных партийных органах: был членом ВЦИК, избирался членом ЦИК БССР, входил в состав ЦК КП (б) Б и Смоленского губкома.

В январе 1934 года после длительной разлуки судьба свела меня с ним на расширенном пленуме Реввоенсовета Республики. Как начальник вооружений Красной Армии, М. Н. Тухачевский на одном из подмосковных полигонов демонстрировал руководителям партии и правительства, а также участникам пленума образцы новейшей военной техники. Тут были танки и самолеты, артиллерийские орудия и минометы, первые наши ракеты и электронные приборы, позволявшие на расстоянии заводить моторы боевых машин, управлять ими, открывать огонь. Мы познакомились с новыми марками броневой стали и новейшими бронебойными снарядами.

Михаил Николаевич сам водил нас по полигону, давая пояснения. А в перерыве взял меня под руку, отвел в сторонку и стал расспрашивать, как я себя чувствую, где работаю, учился ли. Служил я тогда в Сталинграде, занимал должность военкома дивизии, а об учебе все еще только мечтал. Тухачевский настойчиво рекомендовал «идти в инженерную академию». Я откровенно признался ему, что это едва ли осуществимо по двум обстоятельствам: во-первых, у меня нет достаточной общеобразовательной подготовки, а во-вторых, ПУР не пустит.

Михаил Николаевич решительно сказал:

– Дайте слово, что вы хотите учиться. Остальные заботы беру на себя. Яна Борисовича Гамарника уговорить сумею...

Позднее, когда я работал уже в Минском укрепленном районе, Гамарник однажды спросил меня:

–: Почему Тухачевский так беспокоится о вашей учебе? Он дважды спрашивался, направлены ли вы в академию.

Я рассказал, как было дело. Ян Борисович просил повременить еще годок-другой и дал слово, что тогда уж непременно направит меня в академию. Но через два года я попал в лапы ежовско-бериевских бандитов. И хотя сравнительно скоро вырвался от них, все помыслы об академии пришлось оставить.

Под конец не могу не вспомнить здесь финального эпизода на пленуме Реввоенсовета, где я, собственно, уже в последний раз видел М. Н. Тухачевского. Перед самым закрытием заключительного заседания поднялся И. Э. Якир и обратился к президиуму с просьбой провести несколько учений с командующими военными округами:

– Хотелось бы проверить, как мы будем управлять армиями в первые дни войны. От себя лично и от имени многих других командующих прошу, чтобы такие занятия провел Михаил Николаевич Тухачевский – наш самый крупный военный теоретик и признанный знаток оперативного искусства.

Просьба эта не была удовлетворена. Сказали, что Тухачевский занят делами, связанными с вооружением войск.

СЛАВНОЕ ИМЯ В. Н. ЛАДУХИН

Без малого пятнадцать лет – с 1918 года по 1931 – я состоял для особых поручений при начальниках штабов армии, потом группы армий, затем ряда фронтов и, наконец, Штаба РККА. В разное время, начиная с 1920 года, наблюдал Михаила Николаевича Тухачевского. Иногда это были мимолетные встречи, иногда – деловая связь (более двух лет я служил в секретариате Тухачевского, когда он был начальником Штаба РККА). Так или иначе мое знакомство с ним длилось примерно полтора десятилетия, почти до самых последних его дней.

Недолгая жизнь Тухачевского – это большая тема, достойная пера и художника, и военного исследователя. Я ставлю перед собой скромную задачу – поделиться личными воспоминаниями, рассказать о человеческих качествах Тухачевского.

В первых числах февраля 1920 года в Саратов, где размещался штаб Кавказского фронта, М. Н. Тухачевский прибыл на должность командующего. Его предшественник В. И. Шорин становился помощником главнокомандующего всех Вооруженных Сил Республики и должен был возглавлять военную власть в Сибири.

Еще в 1918–1919 гг., находясь во 2-й армии Восточного фронта, я неоднократно слышал о Тухачевском как о молодом, но очень талантливом и бесстрашном красном полководце. Новое назначение как бы подтверждало эти слухи. Роль Кавказского фронта поднималась. На Северный Кавказ откатились деникинские войска, разбитые на Юго-Восточном и Южном фронтах.

Новый командующий сразу пригласил к себе начальника штаба фронта Федора Михайловича Афанасьева (Шорин находился в войсках) и попросил ввести его в курс дел, познакомить с обстановкой. Пока Афанасьев докладывал, я находился наготове, зная, что меня вот-вот могут вызвать и спросить о последних донесениях с фронта.

Раздается звонок. Быстро направляюсь в кабинет командующего. Афанасьев представляет меня Тухачевскому и второму человеку, сидящему за столом. Михаил Николаевич подал руку и сразу же – к делу:

– Есть изменения в обстановке?

– Так точно. Они отмечены на моей карте. А вот выписки из донесений.

Афанасьев пояснил:

– Это я ввел такую систему. Выписки ускоряют работу...

Все трое – Афанасьев, Тухачевский и Орджоникидзе – склонились над картой. Да, лишь теперь я узнал в скромно присевшем у самого края стола человеке Григория Константиновича Орджоникидзе, нового члена Реввоенсовета...

Тухачевский на лету схватывает подробности обстановки, коротко и решительно кивает головой, задает мне точные вопросы, исключая многословие в ответах. Орджоникидзе реагирует более экспансивно. С заметным грузинским акцентом подает реплики: «Исключительно правильно!» либо «Не то! Надо проверить!»

Под конец Тухачевский неожиданно спросил меня:

– Имеете военное образование?

В то время иные командиры и комиссары относились настороженно к тем, кто до революции носил мундир юнкера. Поэтому я отвечал не совсем твердо:

– Бывшее Александровское училище... в военное время... ускоренный выпуск...

Тухачевский сразу преобразился:

– Э-э, да мы, значит, однокашники! Только я окончил это училище перед войной. И, знаете, товарищи, там совсем неплохо готовили офицеров.

– Не знал. Но сейчас знаю. По тебе сужу! – весело откликнулся Орджоникидзе.

В этот момент в кабинет вошел только что прибывший из командировки начальник оперативного управления Семен Андреевич Пугачев. Он был представлен Афанасьевым как «старый генштабист из молодых». Федор Михайлович лестно отозвался о его работоспособности, военных знаниях, умении отстаивать свою точку зрения перед командованием.

Такая аттестация, как видно, произвела должное впечатление и на Тухачевского, и на Орджоникидзе. Они без колебаний приняли решение о назначении Пугачева начальником штаба Кавказского фронта, взамен Афанасьева, уезжавшего с Шориным.

Я тоже уезжал в Сибирь. И лишь перед самым отъездом мне довелось еще раз побывать у М. Н. Тухачевского. Вместе с Ф. М. Афанасьевым зашел к нему проститься. Прощание получилось душевным, дружеским.

– Давно служите с Федором Михайловичем? – поинтересовался Тухачевский.

– С восемнадцатого года.

– Похвальное постоянство. Понимаю и одобряю. Вам, молодому командиру, состоять для поручений при таком начальнике, да еще в непосредственной близости к Шорину – все равно что кончить военную академию.

Потом он обратился к Афанасьеву: – Мне нравится, как вы используете своего ближайшего помощника. Ведь если говорить откровенно, границы его должностных обязанностей очерчены не очень четко. Какие тут могут быть «особые поручения» при нынешних-то средствах связи?

Напоследок Тухачевский пожелал нам с Афанасьевым многих лет дальнейшей совместной работы.

В 1922 и 1923 гг. жизненные пути М. Н. Тухачевского и Ф. М. Афанасьева скрестились вновь, и я нередко видел их вместе в стенах Военной академии РККА. Начальником академии был сначала П. П. Лебедев, занимавший одновременно пост начальника Штаба РККА, а затем М. В. Фрунзе, бывший одновременно заместителем наркомвоенмора. Помощник начальника академии Ф. М. Афанасьев непосредственно руководил всей текущей, в том числе учебной, работой и приглашал для чтения лекций видных полководцев. Разумеется, М. Н. Тухачевский был в их числе.

Я, как и другие, не пропускал ни одной из его лекций, ловил каждое слово. Мне еще со времен гражданской войны запомнилась стенограмма выступления Михаила Николаевича перед слушателями вновь открытой Военной академии. Стенограмма была издана примитивно, книжечка выглядела неказисто. Но тема – «Стратегия национальная и классовая» – привлекала новизной, а затем автор буквально покорял глубиной и остротой

своих мыслей.

Не будет преувеличением сказать, что Тухачевский оказался наиболее популярным даже среди таких академических светил, как Свечин, Зайончковский, Корсун, Величко, братья Новицкие, Верховский. Это признавали они сами, об этом же говорили и слушатели.

В 1924 году Ф. М. Афанасьев неизлечимо заболел и навсегда покинул военную службу. Меня пригласил к себе С. А. Пугачев, только что получивший назначение на пост командующего Отдельной Кавказской Краснознаменной армией.

К нам в Тбилиси (тогда он еще назывался Тифлисом) проездом на отдых прибыл Тухачевский. Михаил Николаевич не был связан делами и поручениями. Однако не мог не встретиться с фронтовыми товарищами – Орджоникидзе и Пугачевым.

Собравшись вместе, они с упоением вспоминали боевое прошлое, Кавказский фронт. И я еще раз убедился в дружеской непосредственности Михаила Николаевича, в его постоянной готовности прийти на помощь товарищу. Он настойчиво добивался, не нуждается ли Семен Андреевич в чем-либо? Не имеет ли желания перейти на работу в центральный аппарат, где очень нужны опытные боевые командиры?

Впоследствии по рекомендации М. Н. Тухачевского Пугачев был приглашен М. В. Фрунзе на должность заместителя начальника Штаба РККА. В этом качестве он нередко выезжал в Западный округ, которым к тому времени стал командовать Михаил Николаевич. Я же неизменно сопровождал Семена Андреевича.

В память врезалась одна военная игра, организованная М. Н. Тухачевским. На нее получили приглашение командующие других военных округов, их заместители. Прошла она отлично. Потом Тухачевский устроил банкет и, первым взяв слово, поблагодарил Штаб РККА за помощь, участников игры – за успешные результаты, а гостей – за внимание и полезные советы.

Поначалу мне показалось, что это обычная «банкетная» речь. Но после краткого вступления Михаил Николаевич вдруг «ухватил быка за рога». Он своеобразно анализировал итоги игры. Здесь я, пожалуй, впервые услышал о том, как важно увязывать строевую и тактическую подготовку войск с использованием военной техники. М. Н. Тухачевский зримо встал передо мной как военный мыслитель, глубоко проникавший в специфику каждого рода войск и способный связывать их воедино, умеющий разглядеть перспективы развития наших Вооруженных Сил на основе техники, которая есть и которая будет.

Находясь на посту командующего Западным округом, М. Н. Тухачевский при каждом посещении Москвы обязательно встречался с С. А. Пугачевым. Иной раз, поджидая, пока Семен Андреевич вернется с совещания или доклада, Тухачевский присаживался на диван в комнате секретариата. Что-то читал, просматривал записи. Случалось, Михаил Николаевич обращался ко мне с какой-нибудь просьбой – спрятать в сейф его портфель с документами, помочь отпечатать нужную бумагу, выручить стенографисткой.

Весь день, а нередко и ночь у него были заполнены множеством дел. И, как человек целеустремленный, он умел дорожить минутой. Однако никогда не уклонялся от товарищеской беседы.

Я все больше привыкал к Михаилу Николаевичу, и наши разговоры становились все более дружескими. Мы нередко вспоминали дни войны, говорили об Афанасьеве, Шорине.

Однажды Михаил Николаевич вынул из портфеля небольшой сверточек и подал мне со словами:

– Давно замечаю, что вы кладете на бумаги подсвечник вместо пресс-бювара. Вот и решил снабдить вас этой «пушкой».

Пресс-бювар действительно имел форму пушки. Я смутился, запротестовал.

– Нет уж, берите, берите, – настаивал Михаил Николаевич. – Пусть это будет памятью обо мне.

Я и поныне храню эту «пушку».

В тот вечер разговор у нас был особенно теплым. И я решил задать Михаилу Николаевичу вопрос, на который давно искал ответ. Но предварительно хотел предупредить своего собеседника:

– Если вы не захотите отвечать...

– Да нет же, – перебил меня с улыбкой Тухачевский, – спрашивайте, спрашивайте. Тем более, что я уже догадываюсь, о чем вы намереваетесь спросить... Наверное, о польской кампании?

– Конечно! – подхватил я. – Мне довелось всю войну пробыть на Восточном и Юго-Восточном фронтах. За наступлением на западе следил издали. И не могу до конца понять, почему же вдруг в августе...

– На войне нередко случается «вдруг», – спокойно ответил Михаил Николаевич. – Но здесь было не совсем «вдруг».

Он забарабанил пальцами по диванному валику и не спеша продолжал:

– Вы не первый, от которого я слышу этот вопрос. И всегда советую: обращайтесь, как при всех сложных случаях, к Ленину. Ведь он ясно сказал, что мы переощенили тогда перевес наших сил. Это в равной мере относится и к главному командованию, и к командованию обоих фронтов – Западного и Юго-Западного.

– Но все-таки...

– Минуточку, – остановил меня Михаил Николаевич. – Понимаю, вас интересуют частности. Но они неотделимы от общей причины. Командование Западного фронта, развивая наступление, имело все основания к концу лета двадцатого года внести некоторую поправку в оперативный план. Сергей Сергеевич Каменев не возражал против маневра армий Западного фронта в обход противника севернее Варшавы. Он, как и я, вначале не особенно беспокоился за левый фланг Западного фронта, который предполагалось усилить тремя армиями с Юго-Западного фронта. Появление в намеченный срок даже одной Конной армии в районе Люблина сорвало бы контрудар Пилсудского...

На этом наш разговор прервался: за Михаилом Николаевичем кто-то зашел. Он, словно извиняясь передо мной, развел руками и посоветовал:

– Попробуйте изучить эту кампанию по архивным документам, многое вам станет ясным.

Лишь через несколько лет, когда Тухачевский командовал уже войсками Ленинградского военного округа, мы вновь вернулись к этой теме.

Приехав в Ленинград с женой во время отпуска, я никак не мог найти пристанища ни в одной из гостиниц. Отчаявшись, позвонил М. Н. Тухачевскому и попросил разрешения переночевать в его салон-вагоне. Он, конечно, разрешил, просил только заехать за запиской для проводника вагона.

Через полчаса я был у Михаила Николаевича, и тут-то возобновилась наша неоконченная беседа. Дело в том, что я написал тогда большую рецензию на только что вышедшую книгу А. И. Егорова «Львов – Варшава». Триандафиллов, как член редколлегии журнала «Война и революция», направил рецензию на консультацию Тухачевскому.

– На свою голову насоветовал вам изучать польскую кампанию, – рассмеялся Тухачевский. – Вы ведь такие острые выводы делаете... Только почему подписали статью псевдонимом?

– По совету Бориса Михайловича Шапошникова, – признался я.

– Понимаю его осторожность, но согласиться с ним все же не могу. В дискуссии каждый вправе открыто высказать свое мнение...

М. Н. Тухачевскому дважды довелось находиться в руководстве Штаба РККА. Первый раз в 1924 году он был здесь помощником начальника и военным комиссаром. А затем, после непродолжительного пребывания за рубежом и командования войсками Западного округа, в ноябре 1925 года был назначен начальником Штаба и сыграл, безусловно, выдающуюся роль в реорганизации наших Вооруженных Сил, в обобщении опыта гражданской войны, в боевой

подготовке войск и оснащении армии новой техникой.

В этой сложнейшей многогранной деятельности ему очень помогли достойные сподвижники, в большинстве воспитанные М. В. Фрунзе и самим Тухачевским.

В беглых заметках о всех не скажешь. Но нельзя не упомянуть здесь имена ближайших соратников и сотрудников, связанных с Михаилом Николаевичем совместной работой, единством взглядов, а нередко и дружбой. Почти все они в 1937–1938 гг. стали жертвами сталинского произвола. И сейчас, когда восстановлены ленинские нормы, мне хочется назвать хотя бы некоторых из них.

В этой связи не могу не вспомнить еще раз С. А. Пугачева и начальника оперативного управления Штаба РККА В. К. Триандафиллова, а также заместителя последнего П. И. Вакулича. Редкой выдержкой, спокойствием и рассудительностью отличались начальник разведывательного управления Я. К. Берзин и его заместитель А. М. Никонов. Высоко ценил М. Н. Тухачевский начальника организационно-мобилизационного управления С. И. Венцова-Кранца и таких видных военных работников, как Д. А. Кучинский, Н. М. Роговский, Я. И. Алкснис, Б. И. Бобров, Б. Е. Барский, Н. А. Ефимов, Э. Ф. Аппога, Д. М. Карбышев, И. Ф. Максимов, А. И. Годорский, Б. М. Фельдман.

Среди сотрудников Триандафиллова и Вакулича выделялись своими незаурядными способностями Обысов, Трифионов, Чернов, Иванов, Медведев, Сухомлин, Евсеев, Иссерсон.

Едва ли не каждый из названных товарищей достоин обстоятельного очерка. Но, рассказывая о М. Н. Тухачевском, я могу лишь напомнить их имена и делаю это с величайшим удовлетворением.

Отдельно хочу сказать об управлении по исследованию и использованию опыта войны. В его обязанность входила также разработка первых наших уставов. М. Н. Тухачевский уделял очень много внимания этому управлению. По рекомендации Михаила Николаевича к работе над уставами привлекались крупнейшие специалисты, профессора академий, прославленные комдивы и комкоры. Он и сам немало трудился над проектами уставов.

Приняв Штаб, М. Н. Тухачевский попросил С. А. Пугачева остаться у него заместителем. Содержание этого разговора мне в тот же вечер передал Семен Андреевич. Тухачевский сказал, что, близко наблюдая работу Штаба РККА в течение ряда лет, он одобряет деятельность Пугачева и будет продолжать, как он выразился, линию Фрунзе. С особой похвалой отозвался он о пополнении Штаба способными молодыми командирами.

При Тухачевском престиж Штаба РККА, как мозга армии и военного мозга страны, поднялся особенно высоко. В приемной начальника Штаба нередко можно было встретить руководящих работников самых различных областей народного хозяйства.

С утра обычно Тухачевский ездил на всевозможные совещания, читал лекции, бывал в редакциях и издательствах. Днем приезжал в Штаб и зачастую тут же запирался в кабинете, вызвав ближайших сотрудников. Потом час или два – общий прием. Вечера и ночи – опять штабная работа или доклад наркому.

День был расписан до минуты. Тем памятнее для меня редкие беседы с Михаилом Николаевичем на неслужебные темы.

Как-то ночью, прочитав принесенные мной от С. А. Пугачева бумаги, Михаил Николаевич откинулся на спинку стула и устало зажмурил глаза. Я ждал указаний или разрешения уйти. Но Тухачевский, не меняя позы и даже не открывая глаз, вдруг спросил:

– Кем был ваш отец?

Я ответил, что он профессор Московской консерватории, композитор, дружил с Чайковским, Танеевым, Аренским.

– Наверное, хотел, чтобы и вы стали музыкантом?

– Меня учили в консерватории на вокальном отделении. Я собирался стать оперным певцом.

– Нет ничего прекраснее музыки, – горячо сказал Тухачевский. – Это моя вторая страсть, после военного дела.

И чуть смущенно добавил:

– Я ведь немного играю на скрипке. А еще больше люблю делать скрипки.

Через некоторое время, и снова также ночью, Михаил Николаевич как бы продолжил этот разговор:

– А теперь вы не поете?... Жаль. Пение легче совмещать со службой, чем изготовление скрипок. Вот недавно одного нашего военного топографа Нэлеппа приняли в Большой театр. Молодец! Отличный тенор.

И тут же рассказал, как он мучается с подысканием материала для скрипок. В последнее время нашел наконец какое-то кавказское дерево и специально просушивает чурбаки, получаемые из Закавказья. Сам разрабатывает и состав лака. Лак – великая тайна старых скрипичных мастеров...

Михаил Николаевич достал из книжного шкафа почти законченную скрипку. Внутри я заметил наклейку с фамилией ее творца, как это издавна принято в скрипичном деле.

Была у Тухачевского и третья страсть – коллекционирование редких книг. Позже я узнал и о четвертой страсти – рисовании.

Книги он очень любил, дорожил каждым томом, каждым интересным изданием.

Однажды во время ночной беседы с Михаилом Николаевичем мне по какой-то неожиданной ассоциации вспомнился случай, относившийся к 1922 или 1923 году. Моссовет просил тогда Военную академию официально сообщить, признает ли Красная Армия военные заслуги А. В. Суворова. Моссовету необходимо было выяснить это в связи с ходатайством потомков генералиссимуса по жилищному вопросу. Я составил положительный ответ и дал его на подпись Ф. М. Афанасьеву. Того удовлетворил предложенный мной текст, от себя он добавил лишь одну фразу: «Красная Армия всегда будет изучать победы генералиссимуса, не знавшего поражений, и чтить его как гениального полководца и замечательного патриота».

Тухачевский долго смеялся над моим рассказом, а потом спросил:

– Комиссар подписал ответ?

Узнав, что и комиссар академии Ромуальд Адамович Муклевич тоже поставил свою подпись, Тухачевский удовлетворенно продолжал:

– Ну, Муклевич-то понимает что к чему. Как-нибудь напомню ему об этом случае... А вам за интересный рассказ разрешаю в знак благодарности взять из моей библиотеки любую книгу о Суворове. Там есть редчайшие издания. Такие, каких сейчас и днем с огнем не найдешь. Только неременное условие: аккуратно пользуйтесь и быстро возвращайте.

Так я получил доступ к богатейшей книжной коллекции Михаила Николаевича, которую он тщательно собирал и берег пуще глаза.

Мне до сих пор не дает покоя мысль о судьбе библиотеки Тухачевского. Куда девались все эти любовно подобранные книги?

Коль скоро речь зашла о неслужебных увлечениях Михаила Николаевича, позволю себе рассказать еще об одном эпизоде.

Летом семья Тухачевского жила на даче в Серебряном бору по соседству с Пугачевыми. Я нередко навещался туда: у Пугачевых гостил мой младший братишка, друживший с сыновьями Семена Андреевича.

Как-то, когда ребята играли в городки, к ним подошел Тухачевский с Павлом Ефимовичем Дыбенко и Александром Игнатьевичем Седякиным. Взрослые попросили принять их в игру.

И тут выяснилось, что Тухачевский – отличный городошник. Играл он умело и запальчиво. Дыбенко оказался левшой. Но и с левой бил так, что городки летели во все стороны. Педантичный Седякин и здесь не изменял себе. Он долго целился, не спеша замахивался.

Игра шла дружно и шумно. Смеялись над мазилами, восхищались меткими попаданиями. В эти минуты, право, нелегко было отличить солидных военачальников от их

партнеров по городкам – мальчишек.

Не только сослуживцы, но каждый, кто хоть однажды соприкасался с Тухачевским, имел возможность убедиться в удивительной его заботливости. К Михаилу Николаевичу можно было обращаться по любому поводу, идти с любой нуждой. Он всегда выслушает, всегда окажет содействие.

Особо заботился Тухачевский о повышении командирами уровня своих военных знаний и расширении общего кругозора. «Почему бы вам не поучиться?» – частенько спрашивал Михаил Николаевич, беседуя с кем-либо из подчиненных.

Однажды такой вопрос он задал и мне. Это было в конце 1926 года, когда по его инициативе и его стараниями при Курсах усовершенствования высшего командного состава в Военной академии имени М. В. Фрунзе открылось специальное вечернее отделение для штабных работников.

– Нам нужно сделать наших штабников настоящими операторами. Настоящими, понимаете? Когда штабник в совершенстве изучит армейскую операцию, он будет на месте и в войсках, и в окружном, и в центральном штабе. Ну, так согласны? Хотите учиться?

– Хочу, – искренне ответил я. – Вот только как быть со службой?

– Попрошу Семена Андреевича не задерживать вас по вечерам, не оставлять на ночь. Но нагрузка – большущая. Отсыпаться придется потом.

Так благодаря Михаилу Николаевичу я оказался на учебе. К нашему отделению Тухачевский проявлял особое внимание. Он сам прочитал для нас вступительную лекцию и затем несколько лекций по стратегии. Учебная программа и подбор преподавателей тоже были предметом личных забот Михаила Николаевича.

Читали у нас крупнейшие специалисты – представители всех родов войск. Но и на этом фоне лекции самого Михаила Николаевича выделялись очень ярко. Даже, казалось бы, известные проблемы Тухачевский излагал совершенно своеобразно, трактовал с партийных позиций. И старые истины озарялись новым светом.

Однако главный упор в нашем обучении делался не на лекции, а на практические занятия. По мысли Михаила Николаевича, каждый из нас должен был подготовиться к замещению какой-то наиболее соответствующей его данным должности в штабе армии. Однако на какую бы работу ты ни предназначался, начинать приходилось с решения задач «за командарма», потом – «за комдива» и лишь затем тебе разрешалось приступить к своим обязанностям «начальника штаба армии», либо «начальника оперативного отдела», либо, наконец, «начальника оргмоботдела».

Тухачевский нередко сам появлялся у нас на практических занятиях. Они проводились обычно поздно вечером, после лекций. Расписание уже не соблюдалось. Сидели до тех пор, пока не заканчивали тот или иной этап операции.

Михаил Николаевич приходил усталый и обычно присаживался рядом с кем-нибудь из слушателей. Но очень скоро ни он сам, ни люди, окружавшие его, уже не чувствовали утомления. Тухачевский увлекался и увлекал других.

Когда учеба наша завершилась и предстояло дать оценку каждому слушателю, Михаил Николаевич тоже прибыл к нам. Но в работу аттестационной комиссии не вмешивался. Предоставил ей самой решить, кто чего стоит.

В общих чертах нас познакомили тогда с выводами, а о частностях, как нередко случается в жизни, мы узнавали уже впоследствии, порой при неожиданных обстоятельствах. Я, например, только в 1935 году, работая временно в Главном управлении кадров РККА, натолкнулся на список слушателей нашего выпуска и против своей фамилии увидел развернутую характеристику с заключением: «Начальник оперативного отдела штаба армии».

Почему полезнейшее начинание Тухачевского не получило поддержки и развития? Почему ни тогда, ни в дальнейшем не были учтены заключения аттестационной комиссии?

Не берусь ответить на эти вопросы. Возможно, тут многое связано с неожиданным

перемещением самого Михаила Николаевича и его ближайших помощников. Тухачевский был вдруг послан командовать войсками Ленинградского военного округа, Пугачева назначили на пост начальника штаба войск Украины и Крыма.

Это перемещение Тухачевского, как шепотом говорили в то время, было произведено по указанию Сталина.

Трудно не только описать, но даже более или менее полно представить себе все многообразие военной деятельности Михаила Николаевича. У него до всего доходили руки, все он умел рассматривать с точки зрения перспектив. И проницательность его была воистину поразительной.

Как-то в начале 30-х годов В. И. Шорин, находившийся уже в отставке, написал мне, что продолжает работу, связанную с военным делом. Оказывается, он увлекся деятельностью созданной в Ленинграде Группы изучения реактивного движения (ГИРД), которая искала пути осуществления на практике гениальных идей Циолковского. Она построила и запустила две первые опытные пороховые ракеты, разработала и рассчитала ракеты с жидкостным реактивным двигателем для подъема на высоту до 300 километров. Но у нее были большие материальные затруднения, и Шорин просил меня «по старой памяти» похлопотать о помощи со стороны Тухачевского.

По распоряжению Михаила Николаевича ГИРДу были отпущены значительные денежные суммы на постройку специального ракетодома. Тухачевский выразил искреннее сожаление, что к нему обратились так поздно. Он понимал значение идей Циолковского, принимал их близко к сердцу и обещал в дальнейшем внимательно следить за опытами ГИРДа.

К великому сожалению, полезная и перспективная деятельность ленинградских энтузиастов была вскоре свернута из-за незаконных репрессий. Но в истории отечественного ракетостроения навсегда сохранится эта славная страница. И совсем не случайно среди имен тех, кто стоял у колыбели советского ракетостроения, оказалось имя М. Н. Тухачевского.

Мои заметки подходят к концу, к тем дням, когда я служил в одном из управлений по снабжению РККА и в последний раз виделся с Михаилом Николаевичем.

Он позвонил ко мне на службу и в очень корректной форме осведомился, действительно ли я собираюсь в командировку в Белорусский военный округ. Получив утвердительный ответ, Тухачевский продолжал:

– У меня есть небольшое дело к Уборевичу. Не смогли бы вы заехать не надолго ко мне на квартиру?

Я, разумеется, заехал к Тухачевским и застал всю семью за завтраком. Михаил Николаевич представил меня жене, познакомил с дочкой Светланой, пригласил к столу.

– Моя просьба к вам не совсем обычна, – объяснил он за стаканом чая. – Как начальник вооружений, я непосредственно не занимаюсь вопросами военно-хозяйственного снабжения. Но как заместитель наркома, заинтересован в том, чтобы наши войска не терпели никаких лишений. Меня беспокоит одно нововведение – короткие шинели. Экономия – дело нужное, но вряд ли следует экономить на полах шинели. Ведь вы же понимаете, что значит для солдата хорошая шинель!..

Далее Михаил Николаевич сказал, что со слов Д. И. Косича ему стало известно о недовольстве «шинельной реформой» некоторых командующих военными округами, и в связи с этим его очень интересует мнение Уборевича.

– Уборевич – бывалый солдат. Он отлично понимает нужды бойцов. Выяснив точку зрения Иеронима Петровича и других столь же авторитетных командующих, можно будет смело ставить вопрос о шинелях перед правительством.

После завтрака я принялся рассматривать висевшие на стене картины.

– Осторожнее в оценках! – предостерег Тухачевский. – Художник перед вами. А

главное, жена художника рядом. Она-то уж не даст его в обиду.

– Если здешний художник со своей женой заедет ко мне, то они окажутся в таком же положении, – в тон ему ответил я.

Михаил Николаевич прямо расцвел.

– Меня очень радует, когда я узнаю, что кто-либо из командиров увлекается живописью, или музыкой, или литературой. Мне кажется, таким и должен быть наш командир: с широким кругом интересов, с любовью к искусству. Истинным советским интеллигентом!

На том мы и расстались. Будучи в Белоруссии, я, конечно, зашел к Уборевичу. На вопрос, интересовавший Тухачевского, он ответил с присущей ему определенностью:

– Плохая шинель! Не пиджак, не пальто. Черт знает что... Боец должен на ночлеге укрываться шинелью, как одеялом. А такой кургузой разве укроешься?! Говорят, будто полы при ходьбе мешают. Ерунда! Так и доложите Михаилу Николаевичу, а Косичу я напишу записку...

Командировка моя затянулась надолго. А когда я вернулся в Москву, то сразу же услышал ехидные вопросы:

– Почему это вам звонил враг народа Тухачевский? Какую записку привезли от врага народа Уборевича для врага народа Косича?

И последовали «оргвыводы».

Не так давно я совершил поездку по Волге и Каме. На бортах встречных теплоходов с удовлетворением читал имена героев гражданской и Великой Отечественной войн. Но имя Тухачевского мне не встречалось. И это показалось странным. Ведь здесь, в приволжских городах и в Приуралье, он одерживал такие громкие победы! Да и вообще, разве мало городов связано со славным именем Тухачевского? Разве его забыли, скажем, в Сибири, на Северном Кавказе, в Белоруссии или в Кронштадте?

Справедливость восстановлена. Она торжествует. Память о герое-полководце Михаиле Николаевиче Тухачевском живет в народе. И можно не сомневаться, что каждый советский человек отдаст дань своего уважения и городу, и колхозу, и теплоходу, носящему это славное имя.

ЧЕЛОВЕК ДЕЛА ГЕНЕРАЛ-МАЙОР Д. Я. НИКИШЕВ

Когда начальник штаба Ленинградского военного округа Б. М. Фельдман представлял нам нового командующего войсками Михаила Николаевича Тухачевского, мы все смотрели на этого внешне спокойного и сосредоточенного человека с нескрываемым любопытством и глубоким уважением. Очень уж велика и разностороння была слава, сопутствовавшая ему на протяжении последнего десятилетия.

При этой первой встрече с работниками окружного аппарата М. Н. Тухачевский сказал то, что, вероятно, сказал бы каждый на его месте: о своем желании оправдать доверие, о надежде на нашу помощь, о необходимости дружной совместной работы. Лишь заключение его краткой речи прозвучало несколько необычно:

– А что сделано в области обучения и воспитания войск, какова боеготовность округа, проверим в ближайшее время. Тогда и определим, главные направления в нашей дальнейшей деятельности.

Всем нам понравилась эта немногословность и деловитость Тухачевского. На всех произвели впечатление его собранность, подтянутость, корректность. И, как показало потом более близкое знакомство с ним, мы не ошиблись.

На следующий день командующий объявил мне, что некоторое время я должен буду выполнять обязанности начальника оперативного отдела. И тут же дал первое поручение:

– Составьте, пожалуйста, учебное задание по этому наброску и доложите завтра в шестнадцать часов. Хочу поближе познакомиться с начальствующим составом штаба и начальниками родов войск...

Назавтра ровно в 16.00 я доложил командующему свою разработку. Он внимательно проверил ее, одобрил и приказал оповестить весь командный состав о дне, часе и месте сбора на первое занятие.

Собрались мы в зале заседаний Военного совета, Командующий сразу же объяснил цель занятия:

– Мне важно проверить вашу подготовленность к решению практических задач. Ознакомьтесь с заданием, примите решение, оформите боевые документы. Время на выполнение... – он посмотрел на часы, что-то прикинул про себя и лишь после этого закончил фразу: – сто минут.

Разбирая результаты занятия, М. Н. Тухачевский подробно анализировал все варианты решения, давал им оценки, указывал недостатки. Потом сообщил о «кафедральном» решении и сделал общий вывод:

– У многих чувствуется недостаточная натренированность в составлении боевых документов. Предстоит серьезная работа. Авторитет командира окружного звена может держаться только на его прочных знаниях и опыте. Иного способа нет.

С этого и началась у нас систематическая командирская учеба. С руководящим составом штаба округа занятия проводили либо сам командующий, либо его заместитель И. Ф. Федько. С начальниками отделов штаба и заместителями начальников родов войск и служб занимались Фельдман и его помощник Рудинский. В учебу активно включились и работники Политуправления.

Везде шли занятия, читались лекции, проводились семинары.

Надо ли говорить, что подготовка командного состава округа резко повысилась, а это в свою очередь привело к повышению боевой готовности войск.

Так же энергично М. Н. Тухачевский принялся за налаживание противовоздушной обороны Ленинграда. Чтобы не наносить ущерба трудовой деятельности города, первое учение ПВО началось в субботу и закончилось в воскресенье. За ходом его следил С. М. Киров.

В процессе учения вскрылись серьезные недостатки. И хотя на разборе Михаил Николаевич избегал называть фамилии, многие командиры чувствовали себя неважно. Да и руководителям предприятий пришлось не легче: выяснилось, что они явно недооценивали возможности современной бомбардировочной авиации.

А Михаил Николаевич жал и жал на эту большую мозоль:

– Известно ли товарищам, что в некоторых странах Западной Европы имеются самолеты, способные нести свыше тонны бомбового груза? Известно ли, что эти страны располагают также зажигательными бомбами?

М. Н. Тухачевский требовал положить конец беспечности, призвал готовить население к работе в военных условиях.

И как всегда бывало у него, за словами последовали конкретные дела. Он лично пересмотрел систему ПВО Ленинграда, добился увеличения зенитной артиллерии, истребительной авиации, расширения сети постов ВНОС. И я не боюсь заявить здесь: в том, что Ленинградская противовоздушная оборона во время Великой Отечественной войны, вплоть до самой блокады, не пропустила ни одного самолета, есть определенная доля заслуг Михаила Николаевича. Он разработал основные ее принципы, которые в дальнейшем были, конечно, развиты.

Следующим объектом забот Тухачевского стал Карельский укрепленный район (замечу попутно, что район этот тоже сыграл немалую роль в героической обороне Ленинграда; враг так и не сумел преодолеть его). Перед первой поездкой туда командующий приказал мне сделать подробный доклад о всех особенностях этого операционного направления. На докладе присутствовали новый начальник оперативного отдела А. В. Семенов, начинж Г. Х.

Потапов, главный инженер УРа В. А. Яковлев, комендант УРа А. И. Кук.

Тухачевский, как обычно, внимательно, не перебивая, выслушал доклад. А когда я закончил, объявил:

– Завтра едем на местность. Прошу всех, а также начальников рекогносцировочных групп, явиться к десяти часам.

Во главе одной из таких групп поставили меня. По прибытии на место я не без волнения определил точку стояния, показал по местным предметам границы батальонного района, объяснил его тактическое назначение и перешел к секторам обстрела.

– Почему так высоко расположены огневые точки на переднем крае, особенно фронтальные? – спросил командующий.

Я доложил, что это вызвано толщиной снежного покрова.

– Если их расположить ближе к подошве и посадку сделать ниже, то в зимнее время амбразуры будут засыпаны снегом.

Михаил Николаевич молча кивнул головой. Но через минуту от него последовал новый вопрос, потом еще и еще. Для Тухачевского не существовало мелочей. Он интересовался мертвым пространством, системой и слоистостью огня, расчисткой секторов обзора. Ему живо представлялась боевая обстановка, и с этой точки зрения он оценивал все элементы укрепленного района.

Мы стали откровенно побаиваться, что Тухачевский не одобрит нашей работы (лично я провел здесь три месяца летом и один зимой). Волновался и А. И. Кук, который принял от меня огневые точки и документацию.

К нашей радости, командующий ничего не забраковал в этом батальонном районе. Но и от одобрения воздержался.

Докладывая по следующим батальонным районам, я стал несколько смелее, хотя Тухачевский все чаще и чаще вносил свои поправки. В конце он спросил:

– Какие соединения предназначены для обороны УРа и полевых позиций?

Я назвал номера. Тухачевский приказал доложить их расположение внутри УРа и очень остро поставил вопрос о форсировании строительных работ, обязал нас немедленно заняться обучением войск в предназначенных для них районах.

Потапов доложил, что на текущий 1928 год округу не ассигновано для этого достаточных денежных средств, недостает рабочей силы и транспорта. Тухачевский тут же распорядился, чтобы инженеры произвели тщательные расчеты, что им конкретно требуется.

– Будем надеяться, что ни нарком, ни Сергей Миронович нам не откажут, – заключил он.

Забегая вперед, скажу: Михаил Николаевич довел это дело до конца, и один из важнейших УРов на подступах к Ленинграду очень скоро был приведен в состояние боевой готовности.

В дальнейшем мне доводилось неоднократно выезжать с Тухачевским в другие УРа, прикрывающие город. Он всегда оценивал их с позиции возможной агрессии западных государств. Причем имел в виду не только те средства борьбы, которыми эти государства уже располагали, но и те, которыми могли располагать, по крайней мере, в ближайшие три года.

При поездках на границу он неизменно интересовался также условиями сосредоточения и развертывания наших дивизий для начальных операций. Однажды мы прибыли в район, намеченный для выгрузки и сбора войск. Михаил Николаевич осмотрел станции и прилегающую местность, выслушал доклад, а потом спросил:

– Проверку с войсками здесь проводили?

– Только на картах, – ответил я.

– Жаль. Надо сделать на местности. Но без лишних затрат.

Одновременно М. Н. Тухачевский пристально следил за мобилизационной готовностью и боеспособностью соединений второй очереди. Там тоже проводились тактические учения, проверялось умение личного состава вести боевые действия в современных условиях. И

скидок не делалось никаких. Хорошо помню, как встревожился Михаил Николаевич, обнаружив в одной из таких дивизий неудовлетворительное состояние боевой подготовки:

– Вводить ее в бой – преступление. Она не решит своих задач и сгорит в первый же день...

Тухачевский немедленно освободил командира этой дивизии и выдвинул на его место Г. А. Ворожейкина, нынешнего маршала авиации.

Но даже и при таких острых ситуациях Михаил Николаевич держал себя ровно, был корректен, внимателен к людям и справедлив. Спокойствие и выдержка никогда не изменяли ему. Эти же качества настойчиво культивировались им у командного состава всех степеней.

Однажды на учениях Тухачевский услышал, как командир дивизии «распекал» кого-то из подчиненных.

– Вы всегда так разговариваете с младшими по должности? – удивился Михаил Николаевич.

Комдив попробовал отшутиться:

– Хотел, чтобы запомнил на всю жизнь.

– Боюсь, что вам тоже придется надолго запомнить этот случай. Военный совет рассмотрит ваше недостойное поведение. Вы уронили авторитет командира Красной Армии. Ваша грубость и брань послужили дурным примером для других...

Михаил Николаевич терпеть не мог грубиянов, лгунов, подхалимов, очковтирателей. Зато любил и ценил тех, кто без шума и трескотни делал свое дело. Опора на коллектив для него была не фразой, не общим местом, а основным принципом работы. Иначе он не мог, не умел. Потому-то люди так охотно шли за ним, вкладывали всю душу в выполнение любого его задания.

Да и задание-то он умел дать как-то по-особенному. Оно не было в тягость исполнителю, даже если выходило за рамки его прямых служебных обязанностей. Я не раз испытал это на себе.

Запомнился вызов к командующему в январе 1929 года. Как всегда, приветливо поздоровавшись, Михаил Николаевич начал без лишних слов:

– На меня возложено руководство комиссией по разработке Полевого устава. А мне хотелось бы привлечь к этой работе вас. Надо обеспечить перепечатку материалов, их рецензирование. Согласны? Но только не в ущерб своей основной работе.

– Постараюсь, товарищ командующий.

– Ну и отлично. Тогда – за дело.

Тут же мне были вручены списки авторов и рецензентов, и с этого дня я, что называется, с головой ушел в работу уставной комиссии.

Некоторые главы от начала до конца Тухачевский писал сам. Я видел, как тщательно подходил он к этому, как изучал все изменения в тактике, читал и перечитывал специальную литературу. Не менее скрупулезно подходил Михаил Николаевич и к редактированию написанного другими авторами.

Любопытная деталь: чтобы на мнение рецензентов никак не влияло должностное положение авторов, Тухачевский запретил при перепечатке рукописей на машинке оставлять чьи-либо подписи.

В рецензировании и в проверке некоторых статей нового устава проигрыванием участвовала большая группа командиров окружного аппарата, а также командиры соединений. Их точки зрения не всегда совпадали. Но Тухачевский не боялся разногласий, не уклонялся от споров. Он любил, когда люди смело отстаивали свои мнения, никого не подавлял собственным авторитетом. С благодарностью принималось им любое дельное предложение и обязательно брался на заметку толковый советчик.

В ходе одного из таких споров Михаил Николаевич поручил мне собрать материалы, наши и заграничные, по воздушным десантам и подготовить реферат на тему: «Действие воздушного десанта в наступательной операции». В установленный срок – ровно через два месяца – я положил на стол командующему свою работу со схемами и расчетами на

транспорт и боевую авиацию. Он внимательно ознакомился с ней и спустя несколько дней сказал мне:

– Прделано немало. Вы могли бы уже выступать с этим рефератом перед квалифицированной аудиторией. Но давайте проверим проигрыванием и ваши расчеты и заодно некоторые теоретические положения.

С моим участием группой командиров штаба и окружных управлений было подготовлено учебное задание на десантирование бригады и действия ее в оперативной глубине обороны противника. Тухачевский лично откорректировал это задание и предварил проигрывание кратким вступительным словом. Он вел речь о неизбежном изменении в соотношении родов войск, в технической их оснащенности, в подвижности и маневренности. Он предвидел появление совершенно новых соединений и даже объединений – бронетанковых, механизированных, воздушнодесантных. Он зримо представил всем участникам проигрывания, какой характер и размах будет носить наступательная операция в будущей войне.

В простоте душевной я полагал, что на том проигрывании моя «воздушнодесантная миссия» и окончится. Но не тут-то было. Михаил Николаевич возложил на меня работу по организации нештатного воздушнодесантного отряда для проверки некоторых вопросов десантирования теперь уже на практике. Меня командировали на аэродром, потом в так называемое остехбюро, во главе которого стоял В. И. Бекаури. И тут я убедился, как много уже сделано по указаниям М. Н. Тухачевского для выброски и высадки крупных десантов.

Бекаури сконструировал специальные приспособления, позволявшие подвешивать под плоскости самолетов ЮГ-1 и ТБ-1 мотоциклы с колясками марки «Харлей Девидзон», а под фюзеляжем ЮГ-1 размещался легковой автомобиль с радиостанцией, или броневедомитель ГАЗ-А, или даже танкетка типа Т-27.

Начались тренировки в погрузке и разгрузке материальной части, отработка взлета и посадки самолетов в условиях нарушившейся обтекаемости. Этим лично руководил начальник ВВС округа П. Х. Межрауп, а ближайшими его помощниками были командиры тяжелой авиации А. А. Житов, П. Г. Алексеев и другие. В то же время начальник парашютно-десантного бюро П. И. Гроховский подготавливал выброску живой силы и грузов на парашютах.

Работа эта проводилась в течение нескольких месяцев, и лишь когда появилась полная уверенность в надежности технических средств, командующий ВВС доложил М. Н. Тухачевскому о готовности к практическому десантированию.

– Нет, товарищ Межрауп, – улыбнулся Михаил Николаевич, – до этого еще далеко. Авиация будет готова к высадке десанта лишь тогда, когда научится надежно обеспечивать выброску парашютного эшелона, которому предстоит захватить аэродромы и посадочные площадки, и, уж конечно, когда она будет в состоянии обеспечить действия воздушного десанта в глубине оперативной обороны противника, Не ранее.

Заметив некоторую растерянность на лице Межраупа, Михаил Николаевич поспешил успокоить его:

– Мы вам поможем в этом. Будем читать лекции по оперативным вопросам. Подкрепим высокообразованными людьми кадры состава авиации.

И как всегда бывало у Тухачевского, за обещанием последовали дела.

Комплектовавшийся мною воздушнодесантный отряд включал в свой состав три стрелковые роты, посаженные на легковые машины ГАЗ-А, мотоциклы с коляской и велосипеды, а также взвод перевозимых на мотоциклах пушек ДРП, роту Т-27 и броневедомителей и, наконец, роту парашютистов с пятью машинами ГАЗ-АА. После того как стадия формирования отряда закончилась, его возглавил Евгений Дмитриевич Лукин (ныне полковник в отставке). И осенью 1930 года впервые в Красной Армии на маневрах под Ленинградом была предпринята комбинированная выброска и высадка воздушного десанта. Она прошла очень удачно.

На разборе командующий увлеченно говорил о том, что заложен первый камень в

строительство воздушно-десантных вбйск. За этим должно последовать формирование специальных воздушнодесантных соединений и создание авиации, способной осуществлять десантирование в больших масштабах.

Слова эти оказались пророческими. Уже в 1931 году у нас появились первые воздушнодесантные бригады. В Ленинградском военном округе такой бригадой командовал М. В. Бойцов, в Белорусском – тов. Кормалюк, в Киевском – тов. Инзер.

А Михаил Николаевич шел дальше, новые идеи владели им. Он поручил начальнику бронетанковых курсов усовершенствования командного состава А. И. Шмай разработать примерную организацию механизированного корпуса, а начальнику оперативного отдела штаба округа вместе с начальником БТ и МВ вменялось в обязанность подготовить тактические занятия на тему: «Ввод мехкорпуса в прорыв». К этой работе привлекались также начальники артиллерии и ВВС округа. Общее руководство занятиями Михаил Николаевич взял на себя и сумел блестяще вскрыть основные особенности новой по своему характеру, размаху и темпам наступательной операции. Здесь же были наглядно продемонстрированы возможности оперативного использования ВВС и воздушных десантов.

После учений командующий вызвал к себе Семенова и меня и поздравил с повышением в должности: Семенов стал заместителем начальника штаба округа, я – начальником оперативного отдела. Выслушав обычные в таких случаях слова благодарности, Михаил Николаевич горячо заговорил о разработке новой тактики и оперативного искусства.

Он не знал устал в поисках нового. Новых форм борьбы. Новых технических средств. По его заданию в остехбюро уже тогда была разработана фосфорная (зажигательная) бомба и дистанционная бомба для поражения авиации противника в воздухе. Эти бомбы испытывались на авиаполигоне в присутствии С. М. Кирова.

Трудно охватить взглядом все многообразие деятельности М. Н. Тухачевского на посту командующего Ленинградским военным округом. Его творческая мысль работала без устал, фантазия была поистине безграничной.

На зимних учениях 1930 года по инициативе Михаила Николаевича целые дивизии были поставлены на лыжи, а крупнокалиберные пушки и гаубицы – на полозья. На морских учениях того же года в качестве высадочных средств для пехоты с танками использовались понтоны.

Тухачевский положил начало и подвижным зимним лагерям для войск, предназначенных к действиям в лесистой и лесисто-болотистой местности. На опытных учениях, которые он проводил, большое внимание уделялось противотанковым и противопехотным препятствиям, дегазации вооружения, местности и самих людей.

Михаил Николаевич не выносил шаблона в боевой подготовке войск, не терпел бездумности командиров, не позволял им ставить задачи подчиненным без учета возможностей противника.

Тухачевский умел охватить своим влиянием весь округ целиком, от окружных управлений до роты. Именно до роты! В ротах он проводил многие часы, а то и дни. Учил людей, и сам учился у них.

При всем том Михаил Николаевич крайне отрицательно относился к управлению войсками через голову их непосредственных начальников, сурово порицал командиров, которые, не зная обстановки, фактически навязывали свое решение нижестоящим начальникам. Он справедливо считал, что при этом с подчиненных снимается моральная ответственность за выполнение задачи.

Проявляя исключительное внимание к обучению и воспитанию высшего командного состава, Тухачевский никогда не упускал из виду и командиров частей, и командиров подразделений. Однажды он приехал в Псков, где проводились тактические занятия в масштабе полка. Методика была невысока. Командиры батальонов и полка, видя ошибки отделенного, даже не пытались их исправить.

Михаил Николаевич воспринял это очень близко к сердцу. Он собрал методистов, лично отработал с ними несколько летучек на ящике с песком и на местности. Потом собрал

командиров соединений и заставил их самих командовать отделениями и взводами. Картина получилась далеко не отрадная. И тогда-то взялись за дело методисты.

На разборе занятий Михаил Николаевич упрекнул командиров соединений за бесшабашное отношение к методике обучения войск:

– Если вы сами толком не знаете, как это делается, то, конечно, не в состоянии будете грамотно руководить боевой подготовкой. Тут уж никто не исправит ошибку подчиненного, и постепенно она укореняется. Не будучи мастером своего дела, отличным методистом, нельзя руководить обучением войск.

Вот как решительно ставил вопрос Тухачевский. А через некоторое время я увидел рукопись, содержащую методические указания по подготовке отделения. Она принадлежала перу Михаила Николаевича.

Так работал, учил, воспитывал командный состав и готовил войска к грядущим боям командующий Ленинградским округом М. Н. Тухачевский. В моих беглых заметках не перечислено и десятой доли того, что было сделано им в Ленинграде. Но и они, вероятно, дают некоторое представление об этом выдающемся военачальнике, верном коммунисте-ленинцем.

ПОБОРНИК НОВОГО И. М. ЦАЛЬКОВИЧ

Как и все военные специалисты моего поколения, я много слышал о М. Н. Тухачевском, не раз его видал, читал его книги и статьи, разбирал в академии и в Военно-научном обществе его операции. Лично же познакомился с ним только в январе 1927 года.

Мне довелось тогда возглавлять временную строительную комиссию № 37, занимавшуюся переоборудованием Бачмановского завода сельскохозяйственных машин в Центральные артиллерийские мастерские (ЦАМ). Вместе с главным инженером этой комиссии П. М. Никифоровым и начальником ЦАМ Н. И. Сафоновым меня вызвали на совещание в Штаб РККА. Проводил его сам начальник штаба М. Н. Тухачевский.

Михаил Николаевич очень убедительно говорил о значении техники в современной войне и необходимости гармонического развития всех родов войск на основе единой военной доктрины. Он нарисовал яркую картину предстоящего в самом недалеком будущем бурного роста авиации, танков, моторостроения, химии, радиосвязи. Потом стал развивать мысль о Едином научно-техническом центре Красной Армии. По мнению Тухачевского, такой центр должен был обеспечить конструирование, испытание и всестороннее развитие военной техники. Одновременно ему надлежало стать базой для обучения слушателей и научной работы преподавателей Единой военной академии (ЕВА). Создаваемые нами Центральные артиллерийские мастерские с их многочисленными цехами (танковым, броневым, автомобильным, пулеметным, прожекторным, связи и др.) рассматривались как одна из клеточек этого могучего организма.

Для большинства участников совещания, в том числе и для меня, идея, высказанная М. Н. Тухачевским, оказалась совершенно неожиданной. Тем не менее она захватила всех нас. Мы ее горячо поддержали.

И вот в конце февраля 1927 года группа высшего командного состава во главе с М. Н. Тухачевским прибыла к нам для ознакомления на месте с будущими Центральными артиллерийскими мастерскими. В течение трех дней я сопровождал Михаила Николаевича по всем объектам стройки, и он произвел на меня неизгладимое впечатление. Тухачевский моментально схватывал существо сложных специальных вопросов, держался очень скромно, был мягок в обращении с людьми, но тверд в решениях.

В дальнейшем, однако, вопрос о создании Единого научно-технического центра оказался отложенным на неопределенное время, а потом и вовсе предан забвению, хотя целесообразность его никем не ставилась тогда под сомнение.

Следующая моя встреча с М. Н. Тухачевским состоялась в Ленинграде осенью 1930 года. Я в то время ведал инженерной службой Черноморского флота и состоял членом комиссии РККА по фортификационным опытам. В Ленинград прибыл в командировку и опять-таки неожиданно был приглашен к Тухачевскому, теперь уже командующему войсками ЛВО.

Михаил Николаевич поначалу завел речь о сопротивляемости артиллерийскому огню опытных пулеметных долговременных огневых точек (дотов), затем перешел к главному вопросу нашей встречи – взаимодействию сухопутных войск и флота в условиях Прибалтийского театра.

Тухачевский обстоятельно анализировал особенности обстановки, не скрывая своей озабоченности тем, что почти вплотную к Ленинграду примыкает государственная граница, и проявлял большой интерес к опыту взаимодействия армейцев с моряками Черноморского флота. Я, как мог, подробно ответил на все его вопросы.

Выслушав меня, Михаил Николаевич задумчиво покачал головой:

– На Балтике обстановка сложнее и требует значительно более многосторонней боевой подготовки как войск, так и флота.

Он повел речь о сухопутно-морской коммуникации для войск, которые могут быть втянуты в боевые действия на островах Моонзунда. Такая коммуникация, по его мысли, должна была состоять из системы перегрузочных баз с берега на суда и с судов на берег.

Как обычно, Михаил Николаевич откровенно делился своими соображениями и внимательно выслушивал собеседника. В конце полуторачасовой беседы он поблагодарил меня и вдруг спросил, не соглашусь ли я перейти на должность начальника инженеров ЛВО.

Я ответил, что готов служить под его руководством, но напомнил, что сие зависит не только от меня. Тухачевский ничего не ответил на это. Однако очень скоро я был переведен в Ленинград и назначен на должность начальника инженерного факультета Военно-технической академии имени Ф. Э. Дзержинского.

Военно-техническая академия имени Дзержинского в ту пору далеко не удовлетворяла все возрастающую потребность Красной Армии и Флота в технических и особенно командных кадрах. Для кардинального изменения всей ее деятельности в 1931 году во главе этого старейшего военно-учебного заведения был поставлен незаурядный человек А. И. Седякин.

Он был большим почитателем таланта Тухачевского и о всех указаниях, полученных от Михаила Николаевича, тотчас же информировал начальствующий состав академии. Суть этих указаний вкратце сводилась к следующему: решительно повысить оперативно-тактическую подготовку слушателей и преподавателей; немедленно выделить на факультетах командную специальность; расширить контингента слушателей всех специальностей; улучшить подготовку адъюнктов, развернуть научную и конструкторскую работу профессорско-преподавательского состава; оснастить академию новыми средствами вооружения, переоборудовать на современный лад все ее лаборатории.

Как видно, мысль о создании Единой военной академии все еще не оставляла Михаила Николаевича, и нашу реорганизацию он, несомненно, подчинял этой цели.

Указания Тухачевского энергично проводились в жизнь. Создавались новые отделения на факультетах, осуществлялся дополнительный набор слушателей, пополнялся состав преподавателей, широко развернулась научная и проектно-конструкторская работа.

Надо ли доказывать, что все это принесло огромную пользу Красной Армии. Благодаря заботам Михаила Николаевича она дополнительно получила тысячи всесторонне подготовленных, технически грамотных командиров и военных инженеров.

Я не пытаюсь последовательно проследить все этапы деятельности Михаила Николаевича в мирные годы. В памяти всплывают лишь отдельные эпизоды, свидетельствующие о его поразительной восприимчивости к новому, о его творческом подходе к решению любого практического вопроса.

Еще будучи командующим войсками Ленинградского военного округа, М. Н. Тухачевский организовал в 1931 году совершенно необычный первомайский парад на Дворцовой площади.

Лучше, чем кто-либо другой, он понимал необходимость технического перевооружения Красной Армии и настойчиво добивался его. Все войска, участвовавшие в параде, за исключением военных академий, училищ и моряков, были посажены на мобилизованные автомашины. На машинах проследовала через Дворцовую площадь и дивизия авиадесантников из осоавиахимовцев.

Этот интересный эксперимент произвел большое впечатление не только на командный состав Красной Армии, но и на всех тех, кто точил зубы, готовясь воевать против СССР.

Техническая реконструкция армии немыслима была без подготовки многочисленных кадров командиров с высшим образованием и военных инженеров для различных родов войск. Проблема кадров стояла столь остро, что она рассматривалась на Политбюро ЦК партии. По докладу М. Н. Тухачевского там было принято специальное решение о развертывании на базе факультетов Военно-технической академии имени Дзержинского пяти военных академий (артиллерийской, инженерной, моторизации и механизации, связи и химзащиты), о расширении контингентов в академиях имени Фрунзе, Военно-политической, Военно-воздушной и Военно-морской, о формировании Военно-транспортной и Военно-хозяйственной академий. Реализация этого решения Политбюро возлагалась персонально на М. Н. Тухачевского, назначенного начальником вооружений РККА.

Во второй половине мая 1932 года начальник Военно-технической академии А. И. Седякин, его заместитель по политической части М. П. Баргер и начальники факультетов, среди которых был и я, получили срочный вызов в Москву. У Михаила Николаевича Тухачевского состоялось большое совещание с участием многих начальников управлений Наркомата обороны и видных командиров из войск.

Он информировал собравшихся о решении Политбюро и тут же сообщил, что в первую очередь намечено развернуть в Москве академии моторизации и механизации, химзащиты и инженерную. Временное исполнение обязанностей начальников этих академий возлагалось на начальников соответствующих факультетов Военно-технической академии – И. П. Тягунова, профессора Г. Б. Либермана и меня.

Михаил Николаевич обстоятельно изложил план коренной реорганизации всей системы высшего военного образования и вдруг объявил четырехчасовой перерыв в работе совещания.

– Пусть все присутствующие подумают об этом плане, а потом поделятся своими соображениями.

Это непривычная в практике подобных совещаний мера вполне себя оправдала. Выступления носили очень конкретный характер. И надо было видеть, с каким вниманием выслушивал их Тухачевский, как горячо хватывался за каждое дельное предложение! В частности, он поддержал мысль, высказанную Седякиным, Баргером, Тягуновым, Либерманом и мной о развертывании новых больших академий не только за счет факультетов Военно-технической академии, но и за счет передачи Красной Армии лучших гражданских втузов с их преподавательским составом и отчасти студентами, а также учебными помещениями, общежитиями и оборудованием.

М. Н. Тухачевский поблагодарил нас за инициативу и приказал на следующий день доложить ему лично, какие именно втузы наиболее подходят для этого.

Назавтра совещание возобновилось. Участвовал нарком тяжелой промышленности, член Реввоенсовета СССР Серго Орджоникидзе. Пришли и другие руководящие работники нашей индустрии и транспорта.

Все вопросы решались согласованно и быстро. Чувствовалось, что Михаил Николаевич хорошо знает положение в народном хозяйстве, а Григорий Константинович понимает нужды Красной Армии. Совместными усилиями этих двух выдающихся государственных

деятели смело был расчищен от всех помех путь к успешному выполнению поставленной партией задачи: дать Советским Вооруженным Силам в кратчайший срок нужные кадры высококвалифицированных специалистов.

Военные академии, созданные тогда, существуют и поныне.

Михаил Николаевич частенько бывал в районе Нахабино, где в то время были сосредоточены практические занятия со слушателями Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева.

Хорошо запомнился его приезд к нам в конце августа 1934 года. Меня заблаговременно предупредили, что заместитель наркома проявляет интерес к нашим работам по инженерному обеспечению действий танков и заграждениям против танков и пехоты. Мы тщательно подготовились к этому. Михаилу Николаевичу были показаны в действии минные тралы и минные заградители, продемонстрирована переправа танков, автомашин и артиллерии на новых понтонных средствах. Затем мы ознакомили его с новыми типами инженерных препятствий против пехоты, конницы, автомашин и танков, разработанными по предложениям Д. М. Карбышева и Г. Н. Тимонова.

Почти до заката оставался он у нас, со знанием дела вникал во все инженерные тонкости, быстро схватывал полезные свойства тех или иных средств, реально представлял себе их действия в бою. Под конец М. Н. Тухачевский сердечно поблагодарил организаторов показа и выразил желание еще раз проверить нашу технику в условиях зимы.

Об этом своем намерении он не забыл и в декабре снова приехал в Нахабино. Стоял морозный день с ветром и поземкой. Но Михаил Николаевич опять до самого вечера ходил от объекта к объекту. И всех нас поразило, насколько хорошо помнил он увиденное летом, а также свои замечания и предложения, высказанные тогда.

Сохранился в памяти и другой эпизод, относящийся к тому же 1934 году. М. Н. Тухачевский сам позвонил мне по телефону и со свойственной ему вежливостью попросил:

– Если служба вам позволяет, загляните ко мне сегодня же.

На этот раз его интересовало, насколько хорошо поставлена у нас научная разработка проблем подземного строительства и какое отражение нашли они в преподавании специальных дисциплин.

– Следует помнить, – наставительно говорил он, – что в условиях грядущей войны, когда вражеская авиация постарается подвергнуть прицельному бомбометанию важнейшие военные объекты, мы обязаны будем уметь спрятать их под землей.

Я доложил, что на командном факультете в курсе фортификации даются общие сведения о подземных сооружениях и расчете их конструкций, а в курсах «Инженерные заграждения» и «Военная история» содержатся некоторые данные о подземной минной борьбе; слушателей же фортификационного и аэродромного отделений готовим к ведению подземных работ более основательно.

Мой доклад явно не удовлетворил М. Н. Тухачевского. Он обязал нас заняться и вопросом подземного строительства всерьез, тут же назвав имена специалистов, с которыми следует связаться. По инициативе Михаила Николаевича на фортификационно-строительном факультете было организовано специальное отделение подземных работ и пересмотрены должным образом учебные программы для всех остальных отделений и факультетов академии. Одновременно началось формирование нескольких строительных и одного аэродромно-инженерного батальонов, предназначенных исключительно для подземных работ.

Не будучи инженером, М. Н. Тухачевский не раз давал нам, дипломированным инженерам, очень предметные уроки по специальности, учил, как нужно реагировать на развитие авиации, артиллерии и другой военной техники.

Неостывающая боль, вызванная трагической гибелью этого исключительно одаренного

человека, у меня лично обостряется памятью о роли, какую он сыграл в моей жизни.

Однажды на полигоне под Ленинградом при испытаниях произошел преждевременный разрыв сверхчувствительного зенитного снаряда и я получил тяжелое ранение осколком в правое бедро. Первая медицинская помощь оказалась неудачной. Началась газовая гангрена, против которой в то время врачи были почти бессильны.

О случившемся сразу же доложили в Москву М. Н. Тухачевскому. Он приказал принять все меры для спасения моей жизни, привлечь к операции известного хирурга, ныне покойного профессора В. А. Опеля.

Михаил Николаевич знал, что военный врач-бактериолог профессор Великанов предложил сыворотку против газовой гангрены, но она только еще проходила испытания в лаборатории и в клинике не применялась. Эта сыворотка была доставлена на специальном самолете и в конечном счете решила мою судьбу.

Мне спасли жизнь.

ТОЛЬКО ВПЕРЕД ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ АВИАЦИИ Ф. И. ЖАРОВ

Более тридцати лет минуло с того дня, а все помнится так, как будто было лишь вчера.

Я – начальник вооружения Военно-воздушных сил РККА – впервые прибыл на доклад к заместителю наркома обороны М. Н. Тухачевскому. Дело касалось перевооружения авиачастей, отправляемых на Дальний Восток. Доложить об этом коротко не представлялось возможным. Но Тухачевский и не торопил меня. Он обладал чудесным качеством – умел слушать собеседника, следить за каждым словом, за ходом мысли.

Да и вообще, по-видимому, человек должен быть наделен исключительными душевными и умственными качествами, чтобы память о первой встрече с ним сохранилась на десятилетия.

Я хочу коротко остановиться лишь на той стороне деятельности Михаила Николаевича, которая мне наиболее близка – на его роли в развитии военной техники. Здесь, пожалуй, ему принадлежит такое место, на которое не может претендовать никто другой из наших военачальников. Не было в армии человека, который бы так, как М. Н. Тухачевский, точно предугадывал и безошибочно находил новое в военно-техническом деле, так правильно определял перспективы вооружения и оснащения войск.

Напомню только наиболее важные достижения военной техники и конструкторской мысли, которые в той или иной степени обязаны своим появлением Тухачевскому.

Прежде всего это реактивные снаряды. Ведь не кто иной, как Тухачевский, выдвинул перед артиллерийским конструктором Л. В. Курчевским мысль об установке на самолете реактивной пушки.

Реактивные пушки положили начало созданию реактивных снарядов РС-82 и РС-132. Конструктором их был инженер Победоносцев, а «крестным отцом» Тухачевский. Он присутствовал на полигонных испытаниях этих снарядов еще в 1935–1936 гг. Тогда стрельбы ими проводились с самолета. А в 1941 году инженер Костиков смонтировал подкрыльные самолетные балки на автомашину, и получилась знаменитая «катюша».

Тухачевский, еще в бытность начальником Штаба Красной Армии, первым поднял вопрос о торпедоносной авиации. Самолеты-торпедоносцы предназначались для поражения с воздуха кораблей противника.

Мысль о необходимости штурмовой авиации возникла во время гражданской войны. Уже в 1919 году В. И. Ленин в записке Э. М. Склянскому высказывался о возможности применения аэропланов против конницы. В дальнейшем этой проблемой занимался М. В. Фрунзе, а после его смерти – М. Н. Тухачевский. В 1932 году на совещании, где присутствовали начальник ВВС РККА Я. И. Алкснис, представитель авиационной промышленности П. И. Баранов, конструктор Н. Н. Поликарпов и я, Михаил Николаевич

совершенно конкретно поставил вопрос о создании специального самолета-штурмовика с мощным вооружением для уничтожения живой силы и танков противника.

Первые образцы такого самолета были сконструированы Н. Н. Поликарповым. Они и послужили в дальнейшем базой для создания знаменитого Ил-2, автором которого является С. В. Ильюшин.

В тридцатые годы дальние бомбардировщики имели среднюю скорость 220–280 километров в час. Они не могли, конечно, успешно выполнять боевые задачи без прикрытия истребителей, а у тех, как известно, был весьма ограничен радиус действия. Тухачевский первым нашел выход из этого круга противоречий: он предложил крепить истребители к борту тяжелых бомбардировщиков. И уже в 1933 году инженер-конструктор В. С. Вахмистров переоборудовал ТБ-3 под самолет-матку. К этому своеобразному летающему авианосцу цеплялось от трех до пяти бортовых истребителей, которые в случае необходимости легко отделялись от него и вступали в воздушный бой с противником.

Сейчас уже известна роль М. Н. Тухачевского в создании воздушнодесантных частей. Но все ли знают, какие трудности стояли перед начальником Конструкторского бюро парашютов и десантного оборудования инженером П. И. Граховским, на какое неверие он наталкивался, какие разочарования и неудачи пережил? Если бы не энергичная поддержка Михаила Николаевича, работы Граховского вряд ли увенчались бы успехом. М. Н. Тухачевский – один из первых в мире военных деятелей понявший значение воздушнодесантных войск и энергично взявшийся за разработку принципов их применения.

Все, что касалось боевой техники и оружия, Михаил Николаевич принимал очень близко к сердцу. Как-то я доложил ему о серьезных дефектах в партии тяжелых бомбардировщиков. На другой же день он сам примчался на аэродром. Да не один! Вместе с ним прибыли Орджоникидзе, Алкснис, Баранов. Серго внимательнейшим образом осмотрел дефектные самолеты, подтвердил правильность наших претензий и тут же обязал завод-поставщик устранить брак в течение пяти дней.

Не просто дать направление конструкторской мысли, помочь воплотить ее в конкретные дела, внедрить новые образцы техники в войска. Но еще сложнее обосновать необходимость перевооружения армии, определить его масштабы и сроки. Тухачевский, однако, вполне преуспел и в этом. С государственным размахом ставил он вопросы серийного производства новых типов самолетов, настойчиво добивался быстрого увеличения численности нашей авиации, с тем чтобы она имела трехкратный перевес над авиацией вероятного противника. По его расчетам мы должны были иметь около 17 тысяч боевых самолетов. Если мне память не изменяет, эту цифру он назвал на заседании правительства в мае или июне 1933 года. А в 1934 году Михаил Николаевич писал:

«Ведение войны старыми методами, то есть в прежних формах стратегического развертывания, окажется невозможным. Та сторона, которая не будет готова к разгрому авиационных баз противника, к дезорганизации его железнодорожного транспорта, мобилизации и сосредоточению многочисленных авиадесантов и быстрым действиям мехсоединений, сама подвергнется поражению в таком же стиле, не сможет произвести необходимого стратегического сосредоточения и потеряет приграничные театры военных действий. Тот, кто пропустит 1934 год без радикального усиления своей авиации, тот неожиданно для себя внезапно окажется в угрожаемом положении».³⁸

Не каждому дано с такой прозорливостью и безбоязненностью всматриваться в грядущее, с такой ясностью определять его контуры.

Мне посчастливилось встречаться с Михаилом Николаевичем в различной обстановке – на деловых совещаниях, в конструкторских бюро, на полигонах, на оборонных заводах. И меня постоянно поражала и восхищала присущая ему устремленность вперед, в завтрашний день.

³⁸ «Военно-исторический журнал», 1963, № 4, стр. 75–76.

Когда поднялась грязная война клеветы и наветов, когда М. Н. Тухачевский и мой непосредственный начальник Я. И. Алкснис были объявлены «врагами народа», мне тоже предъявили необоснованные обвинения. Однако на партийном собрании я заявил, что в распоряжениях Тухачевского и Алксниса не находил и не нахожу ничего вредительского. Меня отстранили от должности, демобилизовали, исключили из партии. Лишь через год я вернулся в строй. А после войны, в 1946 году, банда Берии все начала сначала...

Никогда, никогда больше не повторится этот кошмар. Партия положила конец беззакониям, связанным с культом личности Сталина. И светлое имя Михаила Николаевича Тухачевского опять сияет среди лучших, достойнейших имен верных сынов Советской Родины.

СКОЛЬКО БЫ ОН МОГ ЕЩЕ СДЕЛАТЬ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ Г. П. СОФРОНОВ

1922 год. Первый тактический съезд высшего состава Красной Армии. На трибуне М. Н. Тухачевский. Он – основной докладчик по вопросу «Строй и боевые порядки стрелковой роты».

Для содоклада слово предоставляется командиру 17-й Нижегородской дивизии, то есть мне. Я защищаю точку зрения, выработанную военно-научным обществом нашей дивизии. Она противоположна той, которую высказал М. Н. Тухачевский. Основой строя Михаил Николаевич предлагает считать шеренгу, я – колонну. Вопрос ставится на голосование, и большинство принимает мое предложение.

Я горд от сознания собственной правоты и одержанной победы, а Тухачевский с присущим ему спокойствием и дружелюбием спрашивает меня о нашем военно-научном обществе, о том, как нам удалось отработать строи, столь горячо защищаемые мной на съезде. Я отвечаю на его вопросы, не подозревая, что история не закрепит мою победу. Хотя строи, разработанные 17-й дивизией, и вошли в уставы Красной Армии, практика показала их непригодность и со временем отвергла. Между тем шеренги, предложенные тогда М. Н. Тухачевским, живут поныне.

Вот как произошло мое первое знакомство с Михаилом Николаевичем и вот чем обернулась моя «победа» над ним.

Потом мы встретились в 1935 году. М. Н. Тухачевский был заместителем наркома, а я учился на особом факультете военной академии. После выпуска меня на полтора года прикомандировали к управлению боевой подготовки и поручили работу над уставами Красной Армии.

Известно, что Тухачевский уделял уставам много внимания, особенно Полевому. Однажды в беседе с ним я посоветовал включить в Полевой устав статью о широком применении дымов при прорыве укрепленных полос.

Беседа эта возникла случайно, на партийном собрании, в перерыве между докладом и прениями. Михаил Николаевич выслушал меня очень сосредоточенно, но от ответа уклонился:

– Такой вопрос с ходу решать нельзя. Дело непростое. Приходите, пожалуйста, ко мне завтра, и мы спокойно разберем ваше предложение.

На следующий день я явился к заместителю наркома и начал свой доклад примерно так:

– При прорыве укрепленной полосы дым сыграет положительную роль лишь в том случае, если будут применяться на широком фронте и продолжительное время. Для дымопуска необходимы соответствующие условия погоды и благоприятное направление ветра.

Тухачевский неторопливым жестом остановил меня:

– Погодите, Георгий Павлович. Зачем здесь эти округлые фразы? Говорите, будьте

добры, попроще, но подетальнее, поконкретнее.

Я принялся докладывать о применении дымов, как оно мне рисовалось. Говорил и о дешевизне этого средства, об обстановке, благоприятствующей использованию дымов для дезориентирования противника. Приводил примеры, называл размеры интервалов между очагами дымопуска. Речь шла о создании сплошной дымовой стены, а также зон, свободных от дыма, где можно будет вести разминирование и уничтожить иные препятствия.

Михаил Николаевич не пропускал ни одного слова. Я чувствовал, что идея применения дымов все больше и больше захватывает его. А когда дело коснулось перенесения очагов дымопуска по мере продвижения наших войск, он даже нетерпеливо прервал меня:

– Я вас правильно понял: вы рассчитываете, последовательно перенося очаги дымопуска, незаметно подвести свою пехоту вплотную к дотам противника? Любопытно! Оказывается, простыми средствами можно решать сложные проблемы. Мне по душе ваше предложение...

Многие подробности и детали обсудили мы в этот день. Меня радовало, мне льстило одобрительное отношение М. Н. Тухачевского к идее, о которой я столько думал и в эффективность которой глубоко верил.

В ходе беседы Михаил Николаевич очень четко отделил уже известное и зафиксированное в уставах и наставлениях от того нового, что только-только выкристаллизовывалось.

– Когда, при каких обстоятельствах зародилась у вас мысль о возможности скрытного и, видимо, не чреватого потерями подхода к вражеским дотам? – спросил меня Тухачевский.

– На военной игре в Белорусском округе. Я предложил это Уборевичу, играя за сторону, которой предстояло прорывать укрепленную полосу.

– А Уборевич?

– Он заинтересовался, в принципе поддержал идею, но не воспользовался ею сразу, так как не хотел комкать план игры. Кроме того, советовал подержать ее пока в секрете, не выступать с этим предложением в печати.

– И знаете, Уборевич прав, – живо откликнулся Михаил Николаевич. – Разбалтывать этого ни в коем случае нельзя. Я даже не склонен пока включать такую статью в Полевой устав. Однако работать над вашей идеей обязательно будем и используем ее в грядущей войне...

Но когда наступила война, ни Тухачевского, ни Уборевича с нами не было.

Во время боев в Финляндии я доложил свои соображения К. Е. Ворошилову. Он одобрил их и командировал меня к С. К. Тимошенко. Тот тоже одобрил. Но этим все и кончилось.

С годами все труднее становится извлекать из памяти факты. Однако постараюсь восстановить еще одну историю, раскрывающую поистине поразительную способность Михаила Николаевича улавливать все новое и превращать любую мало-мальски ценную идею в полезное практическое дело.

В 1936 году я написал работу о воздушных десантах, в которой подразделял их в зависимости от боевого применения на десанты силовые и блокадные. Первые должны были действовать во вражеском тылу обычными общевойсковыми методами, то есть вести наступление, встречный бой, обороняться. Вторые предназначались для действий попартизански, отдельными ротами и взводами.

Работа моя состояла из трех частей: 1) воздушные-десанты – средство глубокой операции; 2) основы тактических действий десантов и 3) выброска воздушно-десантного корпуса в наступательной операции фронта для дезорганизации противника.

Не без волнения я передал рукопись Михаилу Николаевичу. Прошла неделя, и она вернулась от него с многочисленными пометками на полях и одобрительным отзывом. Потом Тухачевский пригласил меня на беседу. Он согласился с моим делением воздушных десантов по характеру боевых действий, но возражал против названий «силовые» и

«блокадные». Михаил Николаевич советовал блокадные десанты именовать «партизанскими», а кроме того, не увлекаться ими чрезмерно.

– У вас почти половина рукописи отведена партизанским действиям десантников. Не многовато ли? Не смещает ли это пропорции? При всем своем значении партизанские действия – не основное в десантной практике... Вы предлагаете две трети корпуса использовать для партизанских действий и лишь одну – для общевойсковых. Не хочу делать поспешных выводов, но полагаю, что здесь надо все достаточно хорошо обмозговать.

Пытаясь отстоять свои расчеты, я говорю о необходимости сообразовать партизанские действия десантов с конкретной обстановкой.

– Вот с этим я согласен, – улыбается Тухачевский...

Так мы обсуждали многие вопросы, стараясь предвидеть все возможности и любые неожиданности. Нередко спорили, и довольно яростно. Но при этом у меня было удивительно хорошо на душе. Передо мной сидел человек, моментально охватывающий живой и острой мыслью самые противоречивые проблемы. Михаил Николаевич быстро отслаивал безусловное от сомнительного, верное от ошибочного. А если не находил ответа, то предлагал мне основательно подумать еще, да и сам обещал не упускать из виду невыясненный вопрос.

Однажды во время нашей беседы о десантах Тухачевский на минуту задумался, потом резко вскинул голову и в упор посмотрел на меня.

– Пока что у нас никто, по существу, не занимается воздушнодесантным делом. Хорошо, если бы вы, Георгий Павлович, взяли на себя руководство этой работой в масштабе всей Красной Армии! Согласны?

– Согласен, – не колеблясь ответил я.

– Отлично. В ближайшие дни поговорю с Ворошиловым...

Этот разговор состоялся в мае 1937 года. Через несколько дней я опять направился к Тухачевскому и не застал его в кабинете.

– У наркома, – сказал адъютант.

Я вышел и встретился с Михаилом Николаевичем в коридоре. Он возвращался от Ворошилова непривычно мрачный.

Поздоровавшись, я неуверенно начал:

– У меня возникло несколько организационных вопросов...

– Видимо, не сумею их разрешить, – развел руками Михаил Николаевич.

Эти слова так не вязались с Тухачевским, всегда смело бравшим на себя ответственность. Я с удивлением посмотрел на него.

– Да, не сумею, – повторил он. – Перед вами уже не заместитель наркома.

– Как? В чем дело? – невольно вырвалось у меня.

– Этот вопрос я тоже задавал несколько минут назад, но мне не ответили.

– Куда же вы теперь?

– В Самару, на округ.

– В Самару?.. И не объяснили причину?

– Нет. Ворошилов был холоден и официален. Сообщил об освобождении от обязанностей заместителя наркома, о назначении командующим Приволжским военным округом и приказал немедленно выехать. Вот и все...

Сказанное Михаилом Николаевичем настолько потрясло меня, что я утратил чувство такта и пустился в неуместные предположения:

– Вы, как видно, не сработались с Ворошиловым.

– Дело не столько в Ворошилове, сколько в Сталине, – возразил Михаил Николаевич и тут же оборвал разговор: – Простите, Георгий Павлович, но мне не хочется толковать сейчас обо всем этом.

Не попрощавшись, он направился к своему кабинету.

– Михаил Николаевич! – окликнул я его. – От души желаю вам успеха на новом месте.

Он вернулся, молча пожал мне руку. И больше я его уже не видел.

Говорили, что перед самым отъездом Михаил Николаевич заходил в партбюро платить членские взносы. Настроение у него было скверное. Проводов просил не устраивать.

О том, какая судьба ожидала Михаила Николаевича в Самаре, теперь знают все. Я вспомнил здесь лишь несколько столь обычных для М. Н. Тухачевского эпизодов. А сколько таких эпизодов было на его жизненном пути, сколько сделал он для Советских Вооруженных Сил, для каждого командира и политработника, с которыми встречался. И сколько бы еще мог сделать, если бы не грязная клевета, не преступные беззакония, порожденные культом личности Сталина!

ДУШЕВНАЯ ЩЕДРОСТЬ **Л. И. КАГАЛОВСКИЙ**

Со сколькими примечательными и интересными людьми свела меня судьба за долгие годы работы военным врачом! Но среди всех моих знакомых и пациентов самое сильное, самое яркое впечатление оставил Маршал Советского Союза Михаил Николаевич Тухачевский – человек удивительного обаяния, острого ума, большой культуры. И хоть не раз потом в горькие минуты жизни мне ставили в упрек, что был лечащим врачом Тухачевского и близко общался с его семьей, я горжусь этим.

Первое знакомство мое с Тухачевскими относится к 1925 году. Вскоре оно перешло в дружбу. Я часто бывал у них не столько по обязанности, сколько из личных симпатий к этим милым людям.

Первое, что бросилось мне в глаза, – на редкость внимательное, прямо-таки трогательное отношение Михаила Николаевича ко всем своим близким. Не часто увидишь, чтобы сын, постоянно занятый множеством ответственных дел, так заботливо следил за здоровьем матери. Когда я навещал Мавру Петровну, Михаил Николаевич обязательно приезжал домой, желая знать о ее здоровье все до мельчайших подробностей.

С такой же нежной заботливостью и уважением относился он и к своей жене – скромной Нине Евгеньевне.

Но ни с чем несравнима была его любовь к единственной дочери Светлане. Он боготворил девочку. Восторженно следил за каждым ее движением. Когда Светлана садилась за фисгармонию, Михаил Николаевич становился каким-то отрешенным от всего мира. А уж если Светлана заболела, он просто не находил себе места.

Единственный член семьи, которому не приходилось пользоваться моими услугами, был сам Михаил Николаевич. За все время, что я считался его лечащим врачом, мне не пришлось прописать ему ни одного рецепта. Правда, по моему совету в комнате, прилегавшей к служебному кабинету Тухачевского, оборудовали небольшой гимнастический зал с брусьями, турником, конем и гантелями (в те годы это было новинкой!).

Однажды при мне во время физических упражнений Михаила Николаевича в зал зашел близкий его друг Борис Миронович Фельдман (косая сажень в плечах и более ста килограммов веса). Тухачевский схватил осанистого комкора и стал вращать мельницей, приговаривая: «Держись, Бориска!..»

Часто бывает, что люди добрые и отзывчивые по натуре любят животных. Таким был и Михаил Николаевич. Забавой ему служил мышонok, прижившийся в его служебном кабинете. Михаил Николаевич приучил мышонка в определенное время взбираться на стол и получать свой ежедневный рацион. Тухачевский при случае любил даже похвастаться своими успехами в дрессировке.

Прошли годы, и далеко не все сохранилось в памяти. Но вот каким естественным было всегда его обращение с окружающими, помню отлично.

Михаил Николаевич не делал различия между людьми в зависимости от их ранга, положения, национальности, был добр и доверчив со всеми, чужд наигранной демократичности, никогда ни к кому не подлаживался. Никто не слышал от него грубого

слова. Никому и никогда он не «тыкал». Не подавлял подчиненных своим авторитетом, внимательно выслушивал каждого, а высказывая свое мнение, нередко сопровождал его оговорками: «Не кажется ли вам?», «Не думаете ли вы?», «Не лучше ли поступить иначе?..»

В начале марта 1937 года на маневрах под Калугой я выполнял обязанности начальника полевого госпиталя. Развернули мы этот госпиталь в расчете на незначительное количество больных. Но случилось непредвиденное – по ночам морозы достигали 20 градусов, хотя днем бежали ручьи. Появилось много обмороженных. Михаил Николаевич вместе с командующим Московским военным округом А. И. Корком приехал навестить пострадавших. Одновременно Михаил Николаевич заинтересовался некоторыми «мелочами» медицинского обслуживания и во многом облегчил нашу работу.

Михаил Николаевич заботился о людях не формально. Это было органической чертой его характера. Однажды он специально послал меня в Сочи, в санаторий имени Фабрициуса, для наблюдения за тяжело больным командиром, находившимся прежде в его подчинении. Мои доводы, что там и без меня хороших врачей достаточно, он парировал не очень убедительно, но чрезвычайно искренне:

– А кто знает, могут и отличные врачи что-либо проглядеть, Потом, знаете, тут может еще сыграть свою роль и чисто моральная поддержка...

Вспоминается и другой, несколько комичный случай, свидетельствующий о неизменной доброжелательности Тухачевского. Однажды в его автомобиле был обнаружен подвыпивший человек, пытавшийся отвинтить никелированные дверные ручки. Неизвестного хотели задержать, но Михаил Николаевич просил отпустить его, дать ему отоспаться. Впоследствии этот человек прислал Тухачевскому благодарственное письмо, сообщил, что он композитор, и пригласил прослушать его оперу. Михаил Николаевич, читая письмо, от души смеялся и упрекал шоферов:

– Могли ведь из-за пустяка испортить человеку жизнь...

М. Н. Тухачевский любил музыку, понимал и ценил ее. Но, пожалуй, еще больше увлекался он собственноручным изготовлением скрипок. Дело это очень тонкое, кропотливое, и тут наиболее ярко проявлялось еще одно хорошее качество Михаила Николаевича – его завидное терпение. Дерево, предназначенное для скрипки, он давал мне облучать ультрафиолетовыми лучами, сам морил его, стараясь добиться наилучшего эффекта. А сколько усилий было потрачено на выяснение секрета грунтовки и лакирования скрипок! (Сохранилась работа Тухачевского «Справка о грунтах и лаках для скрипок», в которой он делится опытом этих своих поисков и находок.) Но зато как радовался Михаил Николаевич, когда раздавались первые звуки изготовленной им скрипки! Всего он создал два таких инструмента. Судьба их, к сожалению, неизвестна. Быть может, кто-нибудь играет на них, даже не подозревая, кем они сделаны. Сам Михаил Николаевич играл любительски и отнюдь не переоценивал своих данных. А вот перед музыкальным талантом других он преклонялся. В числе его близких друзей был тогда очень молодой композитор Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Точно помню, еще в 1926 году, проезжая в автомобиле по Арбатской площади, мы разговорились о его музыке, и Михаил Николаевич убежденно сказал:

– Нам непременно доведется услышать о великой славе Шостаковича.

Первая опера Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» не понравилась Сталину. В «Правде» была напечатана статья, беспощадно критиковавшая ее автора. Однако Тухачевский не изменил своего восторженного отношения ни к опере, ни к Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу. Наоборот, он всячески старался поддержать, подбодрить Шостаковича в те нелегкие для композитора дни.

Человек разносторонних знаний и высокой культуры, М. Н. Тухачевский всегда, однако, оставался прежде всего военным. Военным насквозь! О чем бы ни шла речь, его мысль, как стрелка компаса, постоянно обращалась к армии, к ее судьбам и интересам. Вспоминается, как примерно году в двадцать восьмом за праздничным обедом Михаил Николаевич обратился вдруг к своему соседу, известному изобретателю-артиллеристу

Леониду Васильевичу Курчевскому, с просьбой подумать о возможности создания безоткатной пушки для самолетов.

– Вы понимаете, как это усилит нашу авиацию, какие возможности откроет перед ней! – горячо говорил Тухачевский.

А спустя несколько лет в сходной обстановке я стал невольным свидетелем спора Михаила Николаевича с другим крупным военачальником, позволившим себе пренебрежительно отозваться о Циолковском и его проектах.

– Нет, – страстно возражал Тухачевский, – я верю в идеи Циолковского, считаю, что им принадлежит блестящее будущее. Нам не грех уже сейчас поинтересоваться, не применимы ли эти идеи и его ракеты для армейских нужд...

Маршал Тухачевский пользовался огромным авторитетом в армии, его любил весь советский народ. Даже враги отдавали должное Михаилу Николаевичу Тухачевскому, признавая его выдающийся талант полководца и блестящие организаторские способности. Совсем недавно во французском словаре Ляруса я с гордостью прочитал о Тухачевском как об одном из фактических создателей Красной Армии.

Лично у меня никогда не было веры в гнусные наговоры на М. Н. Тухачевского. Не верил в это и его близкий друг Д. Д. Шостакович. 25 сентября 1956 года, в день пятидесятилетия этого всемирно известного ныне композитора, среди многочисленных тостов и поздравлений я передал ему свой тридцатилетней давности разговор с Михаилом Николаевичем в автомобиле на Арбате. Дмитрий Дмитриевич обнял меня, на глазах навернулись слезы.

– Как хорошо, что вы вспомнили о нем!..

В порыве искренности я попросил Дмитрия Дмитриевича запечатлеть память о нашем общем друге в музыке, которую он так любил.

– Замечательная мысль, – согласился Шостакович. – Обязательно напишу о нем.

Льщу себя надеждой, что обещание это не забудется.

В ЛОНДОН АКАДЕМИК И. М. МАЙСКИЙ

Имя Тухачевского знакомо мне с первых лет революции, но лично я встретился с Михаилом Николаевичем только в 1936 году в Лондоне.

В январе того года умер английский король Георг V. Ему были устроены торжественные похороны. На эту церемонию прибыли из разных стран короли, министры, военные. Присутствовала и делегация Советского Союза, состоявшая из трех человек: Народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова (глава делегации), маршала М. Н. Тухачевского, представлявшего Красную Армию, и автора этих строк, в то время советского посла в Англии.

Чтобы современному читателю было понятно значение визита М. М. Литвинова и М. Н. Тухачевского в Лондон, следует сказать несколько слов о советско-английских отношениях того времени, и в частности отношениях по военной линии. Я подчеркиваю «по военной линии», потому что эти отношения несколько отличались от англо-советских отношений вообще, которые к началу 1936 года могли характеризоваться как спокойные и нормальные. В области же военной дело обстояло несколько иначе, ибо в руководстве британского военного ведомства засели твердолобые и узколобые догматики, сторонники английской военной традиции.

Когда в феврале 1924 года лейбористское правительство Макдональда установило с СССР дипломатические отношения и в Лондоне появилось первое советское полпредство, в нем не имелось военного атташе. В мае 1927 года, после бандитского налета на Аркос,³⁹

³⁹ Аркос – существовавшее тогда в Англии советское торговое общество.

консервативное правительство Болдуина разорвало отношения с СССР, и восстановились они лишь к концу 1929 года, когда к власти опять пришли лейбористы. Но тут произошла весьма странная история.

Военное ведомство СССР назначило в Лондон своего атташе. Британский посол в Москве сэр Эсмонд Овий выдал ему визу. Однако, когда все приготовления к отъезду были уже закончены и военному атташе оставалось только сесть в поезд, сэр Эсмонд Овий вдруг довел до сведения Советского правительства, что британская сторона не заинтересована в обмене военными представителями.

В чем дело?

Единственное объяснение сводилось к следующему: лейбористское правительство и английское министерство иностранных дел не возражали бы против обмена военными атташе, но британское министерство обороны не хочет видеть в Лондоне официального представителя Красной Армии, не желает «признавать» Советские Вооруженные Силы.

Прибыв в Лондон в качестве советского посла в октябре 1932 года, я сразу же стал принимать меры к урегулированию вопроса об обмене между обеими странами военными атташе. Мои усилия опять натолкнулись на упорное сопротивление «медных касок». Лишь в феврале 1934 года, когда общая атмосфера англо-советских отношений начала смягчаться, британское военное ведомство вынуждено было «пойти на уступки». Между СССР и Англией наконец было заключено соглашение об обмене представителями вооруженных сил.

В конце 1934 или в начале 1935 года в Лондон прибыл первый военный атташе СССР Витовт Казимирович Путна. Человек талантливый и энергичный, он сразу принялся за дело. Но старые традиции постоянно давали себя знать: к советскому атташе относились настороженно. «Медные каски» усиленно искали повод сказать: «Ну, конечно, советский военный атташе – это варвар и невежда».

К сожалению для них, Путна не давал им такого повода. Однако они не теряли надежды, что «проклятый большевик» все-таки где-нибудь оступится.

Такова была обстановка, когда М. Н. Тухачевский приехал на похороны Георга V. Его появление в Лондоне произвело большое впечатление в английских военных и военно-политических кругах. Сама внешность М. Н. Тухачевского не могла не импонировать: высокий, красивый, молодой (подумать только: маршал в 42 года!), с безупречными манерами и отличной выправкой, он оказался полной противоположностью тому, что столько лет твердили о большевистских командирах «медные каски». Наши недоброжелатели пустили даже слух, что приехал-де не Тухачевский, а подставное лицо. Но это было уж слишком нелепо, и антисоветским сплетникам никто не поверил.

Очень большую роль играло то, что Тухачевский умел разговаривать с иностранцами. Он держался с большим достоинством, но без всякой надменности. Это большое искусство, которое не каждому дано. Михаил Николаевич владел им в совершенстве. Часто наблюдая его на различных церемониях и приемах, я просто удивлялся, с каким самообладанием он представлял свою страну и свою армию перед людьми чуждого, капиталистического мира.

Помню его разговор с видным английским генералом Диллом, который одно время был начальником генерального штаба. Главной темой этого разговора оказались воздушные десанты. И не случайно.

В 1935 году я показывал в полпредстве наш фильм о военных маневрах с выброской парашютного десанта и транспортировкой по воздуху автомобилей и артиллерий. На демонстрации фильма присутствовали избранные представители политического и военного мира Англии, в том числе генерал Дилл. Фильм вызвал дискуссии и споры. Большинство английских военных – людей заскорузлых и консервативных – отнеслось к нашим маневрам, представлявшим в то время новинку, отрицательно. Они считали десантные операции малополезными и опасными. Генерал Нокс, в свое время бывший английским военным представителем при Колчаке, выразился даже так: «Этот фильм лишний раз подтвердил мое

мнение о том, что русские – нация неисправимых мечтателей». Но генерал Дилл был настроен несколько иначе: ему наша новинка определенно нравилась, хотя заявить об этом открыто он не решался.

При встрече с Тухачевским Дилл повел себя более откровенно. Он первым вспомнил о фильме и стал его расхваливать, затем перешел к выяснению подробностей, связанных с парашютными десантами вообще, и перебрской по воздуху артиллерии в частности.

Беседа приняла сугубо профессиональный характер. Тухачевский и Дилл вспоминали различные прецеденты из военной истории, обсуждали, что могло бы произойти, если бы командующие в такой-то войне или в таком-то сражении имели к своим услугам воздушные десанты, какие изменения должно внести это новшество в стратегию и тактику современных боевых действий. Мне, человеку не военному, трудно было поддерживать этот разговор. Лишь когда он закончился, англичанин подошел ко мне и заявил без всяких обиняков:

– Светлая голова у вашего маршала! Если в Красной Армии много таких командиров, я меняю свое прежние мнение о ее качествах.

А прежде Дилл, подобно большинству английских военных, упорно считал Красную Армию колоссом на глиняных ногах...

М. Н. Тухачевский нанес ряд визитов военным деятелям Англии: посетил военного министра, министра авиации, начальника штаба военно-морских сил. Западная пресса подробно освещала миссию М. Н. Тухачевского, невольно отдавая должное замечательному советскому маршалу.

Когда несколько дней спустя Тухачевский покидал Англию, я видел и чувствовал, что его пребывание здесь дало прекрасные результаты. Престиж Красной Армии заметно повысился. Английская военная верхушка наконец поняла, что это серьезная армия, с которой нельзя не считаться.

В Лондоне создалась более благоприятная обстановка для работы нашего военного атташе. Но, к великому сожалению, В. К. Путна не смог ею воспользоваться. Осенью того же 1936 года он был отозван в Москву, арестован и погиб вместе с Тухачевским.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. Н. ТУХАЧЕВСКОГО»⁴⁰

1893 г. 15 (3) февраля – Родился в имении Александровское, Дорогобужского уезда, Смоленской губ.

1904 г. – Переезд всей семьи Тухачевских в с. Вражское, Пензенской губ.

1909 г. – Переезд в Москву.

1911 г. – Переход из гимназии в 1-й Московский кадетский корпус.

1912–1914 гг. – Учеба в Александровском военном училище.

1914 г. 14 июля – Произведен в подпоручики. Начало службы в лейб-гвардии Семеновском полку.

1914 г. сентябрь – Огъезд с полком на фронт.

1914 г. сентябрь – 1915 г. февраль – За доблесть и мужество награжден шестью военными орденами.

1915 г. 19 февраля – Попал в плен.

1916 г. – За неоднократные попытки побега переведен в форт № 9 крепости Ингольштадт.

1917 г. август – октябрь – Удачный побег из плена и возвращение в Россию.

1917 г. декабрь – Избран командиром роты Семеновского полка.

1918 г. 5 апреля – Вступление в ряды партии большевиков.

1918 г. 27 мая – Назначен военным комиссаром обороны Московского района Западной

⁴⁰ Составили Ю. А. Геллер, А. С. Меркулова.

завесы.

1918 г. 19 июня – Командирован на Восточный фронт.

1918 г. 26 июня – Назначен командующим 1-й армией.

1918 г. 4 июля – Вместе с председателем Симбирского губкома РКП (б) И. М. Варейкисом провел первую в Республике мобилизацию бывших офицеров в Красную Армию.

1918 г. 11 июля – Арест М. Н. Тухачевского Муравьевым. Ликвидация муравьевского мятежа.

1918 г. июль – август – Подготовка 1-й Революционной армии к наступлению. Выход из окружения Сенгилеевской группы Г. Д. Гая. Первое наступление на Симбирск.

1918 г. 25 августа – 11 сентября – Симбирская операция. 1918 г. 12 сентября – Взятие Симбирска.

1918 г. 9 сентября – 2 октября – Мелекесская и Сызранская операции.

1918 г. 3 октября – Взятие Сызрани. 1918 г. 7 октября – Взятие Самары. 1918 г. 28 ноября – Взятие Белебея.

1918 г. 28 декабря – Назначен помощником командующего войсками Южного фронта.

1919 г. 20 января – Назначен командующим 8-й армией Южного фронта.

1919 г. 23 марта – Назначен командующим 5-й армией Восточного фронта.

1919 г. 28 апреля – 3 мая – Бугурусланская операция.

1919 г. 4 мая – Взят Бугуруслан.

1919 г. 9—12 мая – Бугульминская операция.

1919 г. 13 мая – Взята Бугульма.

1919 г. 25 мая – 19 июня – Уфимская операция.

1919 г. 25 июня – 12 июля – Златоустовская операция.

1919 г. 13 июля – Взят Златоуст.

1919 г. 19—29 июля – Челябинская операция.

1919 г. 7 августа – Награждение М. Н. Тухачевского орденом Красного Знамени.

1919 г. 14 ноября – Взятие Омска.

1919 г. 2 декабря – Награждение 5-й армии орденом Красного Знамени.

1919 г. 22 декабря – М. Н. Тухачевский назначен командующим 13-й армией Южного фронта.

1919 г. 28 декабря – Награжден Почетным золотым оружием.

1920 г. 31 января – Назначен временно командующим войсками Кавказского фронта.

1920 г. 16 февраля – 27 марта – Северокавказская операция.

1920 г. 29 апреля – Назначен командующим армиями Западного фронта.

1920 г. 22 мая – М. Н. Тухачевский причисляется к лицам с высшим военным образованием: «переводится в Генштаб».

1920 г. июль – Игуменско-Минская операция.

1920 г. 23 июля – 14 августа – Варшавская операция.

1921 г. 2 февраля – Оставаясь на посту комвойсками Западного фронта, назначен членом Высшего академического военно-педагогического совета.

1921 г. 5 марта – Назначен временно командующим войсками 7-й армии с оставлением в должности командзапа.

1921 г. 8 марта – 1-й штурм Кронштадта.

1921 г. 17 марта – 2-й штурм и взятие Кронштадта.

1921 г. апрель – Назначен комвойсками Тамбовской губернии с оставлением в должности командзапа.

1921 г. апрель – май – Разгром антоновщины.

1921 г. 5 августа – Назначен начальником Военной академии РККА

1922 г. 24 января – Назначен командующим армиями Западного фронта.

1922–1923 гг. – Избирается членом ЦИК БССР и ЦК КП(б) Белоруссии. 1924 г. 1 апреля – Назначен помощником начальника Штаба РККА.

1924 г. 27 мая – По совместительству назначен членом Комиссий нормализации труда в НКВМ.

1925 г. 17 февраля – Назначен членом РВС СССР и командующим войсками Западного военного округа.

1925 г. 13 ноября – Назначен начальником Штаба РККА.

1926 г. – Выход книги «Вопросы современной стратегии».

1927 г. 29 января – По совместительству назначен членом Высшей аттестационной комиссии НКВМ.

1927 г. декабрь – Написал на имя Сталина письмо о перевооружении РККА.

1928 г. 5 мая – Назначен командующим войсками Ленинградского военного округа.

1929–1930 гг. – Строительство Карельского укрепрайона. Маневры ЛВО. Выход книги «Наши учебно-тактические задачи». Редактирование 3-го тома «Истории гражданской войны в СССР».

1931 г. 19 июня – Назначен заместителем председателя РВС СССР и начальником вооружений РККА. Начало работы над фундаментальным трудом «Новые вопросы войны».

1933 г. 21 февраля – Награжден орденом Ленина.

1933 г. 7 ноября – Принимает парад войск Красной Армии на Красной площади в Москве.

1934 г. февраль – на XVII съезде партии избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

1934 г. 21 июня – Назначен заместителем наркома обороны СССР.

1935 г. 20 ноября – Постановлением ЦИК и СНК СССР М. Н. Тухачевскому присвоено высшее воинское звание Маршала Советского Союза.

1936 г. 15 января – Выступление с докладом об обороне страны на Второй сессии ЦИК СССР.

1936 г. февраль – Поездка в Англию и во Францию.

1936 г. 9 апреля – Назначен первым заместителем наркома обороны и начальником вновь созданного Управления боевой подготовки РККА.

1937 г. 11 мая – Освобожден от обязанностей заместителя наркома обороны и назначен командующим войсками Приволжского военного округа.

1937 г. 26 мая – Уволен из рядов РККА. Арестован.

1937 г. 11 июня – Вместе с И. Э. Якиром, И. П. Уборевичем, Р. П. Эйдеманом, Б. М. Фельдманом, А. И. Корком, В. М. Примаковым и В. К. Путной осужден по гнусному, клеветническому обвинению в измене Родине и расстрелян.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ ЛИЦАХ, УПОМИНАЮЩИХСЯ В КНИГЕ»⁴¹

Алкснис Яков Иванович (1897–1938) – командарм 2 ранга, бывший прапорщик старой армии, член большевистской партии с 1916 г. В гражданскую войну – орловский губвоенком, военком 55-й стрелковой дивизии, донской облвоенком, помкомвойск Орловского военного округа. После войны на руководящей работе в Штабе РККА и командующий ВВС РККА.

Аппога Эрнест Францевич (1898–1937) – комкор, в прошлом рабочий, член большевистской партии с 1917 г. В гражданскую войну комиссар штаба Уральского военного округа, после гражданской войны на руководящей работе в Штабе РККА. Награжден орденом Красного Знамени.

Афанасьев Федор Михайлович (1883–1935) – полковник старой армии, на службе в РККА с 1918 г. В гражданскую войну – начальник отделения во Всеросглавштабе, начальник штаба 2-й армии, затем Кавказского фронта, командующий Кавказским фронтом, начальник

⁴¹ составили Ю. А. Геллер и А. С. Меркулова.

штаба войск Сибири.

Барский Борис Евсеевич (1890–1937) – член большевистской партии с 1918 г., на службе в РККА с 1918 г. В гражданскую войну начальник УПВОСО Штаба РВС Республики. В 1922 г. – начальник ВОСО 5-й армии, с 1924 г. – начальник и военком УПВОСО РККА, начальник 3-го управления Штаба РККА.

Бекаури Владимир Иванович (1882–1937) – талантливый инженер, с 1921 г. начальник Особого технического бюро. Создатель многих видов вооружений Красной Армии.

Берзин Ян Карлович (1890–1938) – армейский комиссар 2 ранга, член большевистской партии с 1905 г. На службе в РККА с 1919 г. В гражданскую войну – начальник политотдела дивизии, затем помощник начальника, начальник и военком разведывательного управления Штаба РККА.

Берлин Лев Ефимович (р. 1897) – член большевистской партии с 1917 г. В 1918 г. – один из организаторов, комиссар и командир Симбирского отряда кораблей Волжской военной флотилии. В дальнейшем – заместитель начальника ПУ Волжско-Каспийской военной флотилии, заместитель начальника ПУ Балтфлота. С 1921 г. – на дипломатической работе. С 1928 г. – профессор МГУ. Ныне персональный пенсионер.

Благонравов Георгий Иванович (1896–1938) – член большевистской партии с 1917 г., член ВЦИК первого созыва, Будучи прапортиком, входил в состав Военной организации при ЦК РСДРП (б). Во время Октябрьского вооруженного восстания – комиссар Петропавловской крепости, участник штурма Зимнего дворца. В 1918 г. – член РВС Восточного фронта. После гражданской войны – на работе в ВЧК, ГПУ, ОГПУ, заместитель наркома путей сообщения.

Блажевич Иосиф Францевич (1891–1938) – подполковник старой армии, на службе в РККА с 1918 г. В гражданскую войну – командир полка, командир бригады, начдив-59, командующий Семипалатинской группой войск, 1-й армией Туркфронта. После войны – командир 16-го стрелкового корпуса, начальник 6-го управления Штаба РККА, инспектор ПВО РККА.

Бобров Борис Иосифович (1896–1937) – член большевистской партии с 1919 г., на службе в РККА с 1918 г. В гражданскую войну – помощник начальника и начальник оперативного отдела штабов армий. После войны – начальник штаба 2-й Кавказской стрелковой дивизии, помощник командира Азербайджанской стрелковой дивизии, начальник 21-й Тифлисской пехотной школы, помощник начальника Оперупра Штаба РККА, начальник 4-го отдела штаба Московского военного округа, заместитель начальника штаба Белорусского военного округа.

Бойцов Матвей Васильевич (р. 1890) – офицер старой армии, в РККА с 1918 г., член большевистской партии с 1919 г. В 1921 г. окончил Академию РККА и занимал ряд командных должностей в стрелковых войсках. В дальнейшем – заместитель начальника Академии ВВС имени Жуковского, директор Московского авиационного института, помощник начальника ВВС Ленинградского военного округа и командир авиадесантной бригады особого назначения. С 1934 г. – на службе в Главном управлении противовоздушной обороны. 1935–1938 гг. – начальник авиации пограничных войск. Ныне в отставке.

Брюшков Георгий Васильевич (р. 1903) – заслуженный артист РСФСР, пианист, педагог. С 1951 по 1961 г. – директор, а затем профессор Ленинградской государственной консерватории.

Бюлер Вольдемар Александрович (1896–1938) – комбриг, член большевистской партии с 1915 г., активный участник революции в Казани, первый народный комиссар почт и телеграфа Татарской республики. На службе в РККА с 1918 г. В гражданскую войну – на политработе. Затем окончил Высшую школу летнабов и занимал ряд командных должностей в авиации и ПВО.

Вакулич Павел Иванович (1890–1937) – офицер старой армии. На службе в РККА с

1918 г., член большевистской партии с 1919 г. В гражданскую войну – начальник 1-х Саратовских курсов, после войны – начальник 1-го отдела и заместитель начальника 1-го управления Штаба РККА, начальник оперативного факультета Военной академии РККА, начальник кафедры Академии Генштаба.

Варейкис Иосиф Михайлович (1894–1939) – видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, член ВЦИК ЦИК СССР и ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР первого созыва. В прошлом – рабочий-металлист, активный участник Октябрьской революции, с июня 1918 по август 1920 г. – председатель Симбирского губкома РКП(б), организатор разгрома антисоветского мятежа Муравьева. После гражданской войны – заместитель председателя Бакинского Совета, секретарь Киевского губкома, Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), зав. отделом печати ЦК ВКП(б), секретарь Саратовского губкома, Воронежского обкома и Дальневосточного крайкома ВКП(б).

Василенко Матвей Иванович (1888–1937) – офицер старой армии. В РККА с 1918 г. В гражданскую войну командовал 11, 9 и 14-й армиями. После гражданской войны – командир 45 й стрелковой дивизии, 9-го и 17-го стрелковых корпусов, инспектор пехоты РККА, заместитель командующего Уральским военным округом.

Вацетис Иоаким Иоакимович (1873–1938) – командарм 2 ранга. Во время Октябрьской революции, имея чин полковника старой армии, вместе с латышскими стрелками перешел на сторону Советской власти. В 1918 году по поручению В. И. Ленина руководил войсками, ликвидировавшими мятеж левых эсеров в Москве. С 10 июля 1918 г. – командующий Восточным фронтом, с сентября 1918 по июль 1919 г. – главнокомандующий Вооруженных Сил РСФСР. С августа 1919 по 1921 г, состоял для особо важных поручений при Реввоенсовете Республики. С 1922 г. – старший руководитель по истории войны в Военной академии РККА. Автор ряда научных работ.

Великанов Михаил Дмитриевич (1893–1938) – командарм 2 ранга, член большевистской партии с 1924 г., в РККА с 1918 г. В гражданскую войну – командир полка, бригады и дивизии, командующий группами войск 11-й армии. Награжден тремя орденами Красного Знамени. После войны – командир корпуса и командующий войсками ряда военных округов.

Величко Константин Иванович (1856–1927) – военный инженер, генерал-лейтенант старой армии. На службе в РККА с 1918 г. В гражданскую войну – начальник инженерной обороны Петрограда, председатель коллегии по инженерной обороне Республики, постоянный член инженерного комитета ГВИУ. После войны – старший руководитель Инженерной, затем Военно-технической академий.

Верховский Александр Иванович (1886–1937) – генерал-майор старой армии, военный министр Временного правительства. На службе в РККА с 1919 года В гражданскую войну – инспектор ВУЗ запасной армии, главный инспектор ГУВУЗ, преподаватель истории военного искусства и член академического совета Военной академии РККА. Командировался на Генуэзскую конференцию в качестве эксперта. После войны – руководитель Военно-академических курсов высшего состава РККА, старший преподаватель Военной академии РККА, главный руководитель всех военных академий по тактике, начальник штаба Северо-Кавказского военного округа.

Вилумсон ЭдуардФридрихович (1893–1931) – поручик старой армии, на службе в РККА с 1918 г. В гражданскую войну – начальник штаба дивизии и корпуса. После войны окончил Военно-академические курсы высшего состава РККА, был помощником начальника и начальником штаба 4-го стрелкового корпуса, затем помощником начальника снабжений Белорусского военного округа.

Витачек Евгений Францевич (1880–1946) – советский мастер смычковых инструментов, заслуженный деятель искусств РСФСР, создал свыше 400 инструментов, замечательных по звуку и внешнему виду. С 1919 г. – хранитель и реставратор Государственной коллекции старинных музыкальных инструментов. При его участии были организованы 1-я Государственная школа скрипичных мастеров и мастерская смычковых

инструментов при Московской консерватории.

Вострецов Степан Сергеевич (1883–1932) – герой гражданской войны. В декабре 1918 г. вступил в Красную Армию. Командовал полком на Восточном и польском фронтах, затем ударной группой при штурме Спасска. Награжден четырьмя орденами Красного Знамени. После гражданской войны командовал 27-й стрелковой дивизией и 18-м стрелковым корпусом.

Гай (Бжишкян) Гая Дмитриевич (1887–1937) – комкор. Член большевистской партии с 1918 г. В первую мировую войну вступил в армию и за храбрость был произведен в офицеры, в 1918 г. – начальник и организатор 24-й Железной дивизии, командующий 1-й армией Восточного фронта. На Северном Кавказе и Западном фронте командовал конными корпусами. В 1927 г. окончил Военную академию им. Фрунзе. Преподаватель, а затем начальник кафедры истории военного искусства, профессор.

Гайлит Ян Петрович (1894–1938) – подпоручик старой армии, член большевистской партии с 1918 г. В гражданскую войну – командующий Пензенской группой войск, помощник командарма-5, начдив. После войны – командир 10-го корпуса, помощник комвойсками Сибирского, Северо-Кавказского, Московского военных округов, заместитель начальника ГУРККА.

Германович Маркиан Яковлевич (1895–1937) – комкор, член большевистской партии с 1918 г. В гражданскую войну – командир бригады и начальник дивизии. После гражданской войны – командир 5-го стрелкового корпуса, помощник комвойсками Белорусского, Среднеазиатского и Московского военных округов, начальник Военной академии моторизации и механизации РККА.

Гимов Михаил Андреевич (1883–1922) – слесарь Симбирского чугунолитейного завода, член большевистской партии с 1905 г. Организатор Симбирского губкома партии и Совета, член ВЦИК. Активный участник борьбы с врагами Советской власти на Волге.

Гиттис Владимир Михайлович (1881–1938) – полковник старой армии, член большевистской партии с 1925 г. В гражданскую войну – командующий 6-й и 8-й армиями, Южным, Западным и Кавказским фронтами. После войны – комвойсками Петроградского военного округа, заместитель начальника снабжений РККА и на других высших командных должностях.

Городовиков Ока Иванович (1879–1960) – генерал-полковник, член большевистской партии с 1919 г., на службе в РККА с 1918 г. В гражданскую войну командовал кавполком, кавдивизией, 2-й Конной армией. После войны – начдив, инспектор кавалерии Северо-Кавказского военного округа, командир и военком 1-го кавкорпуса.

Награжден тремя орденами Красного Знамени. Участник Великой Отечественной войны.

Де-Лазари Александр Николаевич (1880–1942) – военный географ, подполковник старой армии, на службе в РККА с 1918 г. В гражданскую войну – начальник оперативного отдела Западного фронта, начальник штаба Западно-Сибирского военного округа. После войны – на редакционной и преподавательской работе в Военной академии.

Дзевалтовский Игнатий Львович (р. 1888) – офицер старой армии, Активный участник Октябрьского вооруженного восстания, первый комендант Зимнего дворца, комиссар Всеросглавштаба, член РВС 12-й армии, помкомвоиск Восточного фронта. В дальнейшем – член Дальбюро ЦК РКП(б), военный министр и министр иностранных дел ДВР. В 1925 г. эмигрировал из СССР.

Дыбенко Павел Ефимович (1889–1938) – командарм 2 ранга, член ЦИК СССР. Член большевистской партии с 1912 г. До революции балтийский матрос. После Февральской революции – председатель Центробалта. Активный участник подготовки Октябрьского вооруженного восстания. Нарком по морским делам первого Советского правительства. В годы гражданской войны вел нелегальную работу на Украине, командовал партизанскими отрядами и дивизией. После войны – начальник Артиллерийского управления Красной Армии, начальник снабжений РККА, командующий войсками Средне-Азиатского,

Приволжского и Ленинградского военных округов.

Егоров Александр Ильич (1883–1941) – Маршал Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР, кандидат в члены ЦК ВКП(б). На II съезде Советов избран во ВЦИК. Формировал красногвардейские отряды, командовал 2, 10, 14-й армиями, Южным и Юго-Западным фронтами. После гражданской войны – командующий войсками Петроградского военного округа, Западного фронта, Кавказской Краснознаменной армией, вооруженными силами Украины и Крыма, член РВС СССР, военный атташе в Китае, командующий войсками Белорусского военного округа, начальник Генерального штаба РККА и заместитель наркома обороны.

Ефремов Михаил Григорьевич (1897–1942) – генерал-лейтенант. В прошлом московский рабочий-инструментальщик. Летом 1918 г. отправился добровольцем на Южный фронт и за годы гражданской войны прошел путь от красноармейца до начдива. Участвовал в боях под Астраханью и в освобождении Баку. В Великую Отечественную войну командовал 21-й, а затем 33-й армиями, Погиб в бою.

Жиляев Николай Сергеевич (1881–1942) – пианист, композитор, педагог. В течение многих лет был профессором Московской государственной консерватории.

Зайончковский Андрей Медардович (1862–1926) – известный русский военный историк, генерал от инфантерии, на службе в РККА с 1918 г. В гражданскую войну – на работе во Всеросглавштабе, начальник штаба 13-й армии, для особых поручений при Полевом штабе РВСР и член Особого совещания при главкоме.

Помощник председателя комиссии по использованию опыта мировой и гражданской войн. Профессор Военной академии РККА.

Захаров Иван Николаевич (1885–1930) – подполковник старой армии. В РККА с 1918 г. В гражданскую войну – начштаба и инспектор пехоты 1-й армии Восточного фронта, помощник комвойсками Кавказского и Западного фронтов. После войны – на руководящей работе в центральном аппарате РККА.

Какурин Николай Евгеньевич (1883–1936) – полковник старой армии, на службе в РККА с марта 1920 г. В гражданскую войну – начальник штаба 8-й стрелковой дивизии, командир 10-й стрелковой дивизии, командующий 3-й армией Западного фронта, помощник командующего Западным фронтом, начальник штаба войск на Тамбовщине. После войны – старший руководитель Академии РККА по тактике, комвойсками Бухаро-Ферганского района, начальник военно-исторического отдела.

Калиновский Константин Брониславович (1897–1931) – один из зачинателей советских бронетанковых войск. Член большевистской партии с 1920 г. В гражданскую войну – командир бронепоезда, инспектор бронечастей РККА. После войны – инспектор бронетанковых частей РККА, помощник начальника Управления механизации и моторизации РККА. Награжден тремя орденами Красного Знамени. Погиб при авиационной катастрофе.

Калнин Оскар Юрьевич (1895–1920) – в большевистскую партию вступил до революции, учился в школе прапорщиков, за революционную пропаганду был заключен в тюрьму. Из тюрьмы бежал и эмигрировал за границу. В дни Октябрьской революции член Московского ВРК и военком Рогожско-Симоновского района. В гражданскую войну член РВС 1-й армии. Позже – комиссар 11-й стрелковой дивизии, для поручений при начальнике штаба Западного фронта, командир 143-й стрелковой бригады. Погиб в бою.

Каменев Сергей Сергеевич (1881–1936) – выдающийся советский военачальник, командарм 1 ранга. Перешел на сторону революции, будучи полковником старой армии. В РККА начинал службу в качестве военного руководителя Невельского района Западной завесы. В сентябре 1918 г. назначается командующим Восточным фронтом. С июля 1919 г. по апрель 1924 г. – главнокомандующий Вооруженными Силами РСФСР. С упразднением должности главнокомандующего становится инспектором и потом главным инспектором РККА и членом Реввоенсовета СССР, заместителем председателя РВС СССР. С июля 1934 г. – начальник Управления противовоздушной обороны РККА, с ноября того же года –

член Военного совета при НКО.

Карбышев Дмитрий Михайлович (1880–1945) – советский военный инженер, генерал-лейтенант инженерных войск, доктор военных наук, Герой Советского Союза. В РККА – с 1918 г. В гражданскую войну – на Восточном и Южном фронтах. После войны – руководитель работ по строительству пограничных укреплений, в дальнейшем – на преподавательской работе. В начале Великой Отечественной войны тяжело раненным попал в плен к фашистам и замучен в концлагере Маутхаузен.

Каучуковский Григорий Данилович (1898–1942) – член большевистской партии с 1917 г. В 1918 г. – секретарь Симбирского горкома и член губкома партии. В дальнейшем – на партийной и советской работе. Активный участник разгрома мятежа Муравьева.

Каширин Иван Дмитриевич (1890–1937) – подесаул казачьих войск, член большевистской партии с 1919 г., на службе в РККА с 1918 г. В гражданскую войну – командир Верхне-Уральского отряда, командир Отдельной кавбригады. После войны – на службе в ВЧК.

Каширин Николай Дмитриевич (1888–1938) – командарм 2 ранга, член большевистской партии с 1918 г. Один из организаторов и руководителей красновардейских отрядов на Урале. Возглавлял рейд южно-уральских партизан по тылам белогвардейцев в 1918 г. Командовал дивизией, корпусом, группами войск на Восточном, Западном и Южном фронтах. После войны – заместитель командующего и командующий войсками ряда военных округов.

Кобозев Петр Алексеевич (1878–1941) – член РСДРП с 1898 г., активный участник Октябрьской революции и гражданской войны. В 1917 г. – чрезвычайный комиссар Оренбургской губернии и Тургайской области по борьбе с Дутовым, затем чрезвычайный комиссар Средней Азии, нарком путей сообщения РСФСР, член РВС Восточного фронта. В 1922–1923 гг. – председатель Совета министров ДВР. После гражданской войны – на научно-педагогической работе в Москве.

Кон Феликс Яковлевич (1864–1941) – видный деятель польского рабочего революционного движения. В 1918 г. вступил в партию большевиков, в гражданскую войну – на партийной и советской работе на Украине и в Москве. В 1922–1935 гг. – активный деятель Коминтерна. В дальнейшем на издательской работе.

Корк Август Иванович (1887–1937) – сын эстонского крестьянина, командарм 2 ранга. Член РВС СССР. Поступив на военную службу в старую армию, благодаря своим способностям стал офицером. В 1914 г. окончил академию генштаба. С первых дней революции в чине подполковника перешел на сторону народа. В Красной Армии служил начальником штаба армии, начальником оперативного отдела штаба фронта, командовал Эстляндской, 15-й и 6-й армиями. После гражданской войны – помощник командующего войсками Украины и Крыма, командующий войсками Туркестанского фронта, Кавказской Краснознаменной армии, Западного, Ленинградского и Московского военных округов, начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Косич Дмитрий Иосифович (1886–1937) – член большевистской партии с 1918 г. В гражданскую войну – командир полка, военком штаба 5-й армии. После войны – командир-комиссар 9-й стрелковой дивизии, начальник снабжения Северо-Кавказского военного округа, инспектор формирований РККА, начальник Управления обозно-вещевого снабжения РККА.

Кук Александр Иванович (1886–1937) – член большевистской партии с 1927 г., штабс-капитан старой армии, на службе в РККА с 1918 г. В гражданскую войну – начальник оперативного отдела Эстляндской и 15-й армий, командующий 16-й армией, начальник штаба Южной группы 7-й армии. После войны – на руководящей работе в Штабе РККА, начальник штаба Западного военного округа, помкомвоиск Ленинградского военного округа, комендант Карельского укрепрайона, военный атташе в Японии.

Курчевский Леонид Васильевич – талантливый советский инженер-конструктор артиллерийского вооружения. Руководитель Особого технического бюро. Создатель важных

видов советской артиллерии.

Кучинский Дмитрий Александрович (1898–1938) – бывший офицер старой армии, член большевистской партии с 1918 г., участник гражданской войны. После войны – на высших командных должностях: начальник штаба Украинского военного округа, начальник Академии Генерального штаба.

Лапин Альберт Янович (1899–1937) – комкор, член большевистской партии с 1917 г. В гражданскую войну комиссар штаба 5-й армии, командир полка, бригады, дивизии, командующий войсками Приамурского и Забайкальского военных округов. После гражданской войны – начальник штаба ОКДВА, командир корпуса, затем – начальник управления Штаба РККА, командующий ВВС Белорусского военного округа и ОКДВА.

Лацис Ян Янович (1897–1937) – комкор, член большевистской партии с 1917 г., на службе в РККА с 1918 г. В гражданскую войну – командир 4-го Латышского стрелкового полка, начдив 15-й Инзенской, помощник начальника тыла 12-й и 13-й армий, начальник тыла 6-й армии. После войны командовал дивизией и корпусом.

Лебедев Павел Павлович (1872–1933) – генерал-майор старой армии. С переходом на сторону Советской власти был начальником штаба Восточного фронта и начальником Полевого штаба РВСР. После войны – на высших командных должностях.

Левандовский Михаил Карлович (1890–1938) – командарм 2 ранга, член РКП (б) с 1920 г. В гражданскую войну командовал 11, 12 и 9-й армиями. После гражданской войны – командующий войсками Туркестанского фронта, Кавказской Краснознаменной армии, Сибирского военного округа и на других высших командных должностях в РККА.

Лифшиц Борис Соломонович (1896–1949) – член большевистской партии с 1917 г., один из организаторов и первый военком 24-й Самаро-Ульяновской стрелковой дивизии. После гражданской войны окончил Институт красной профессуры, был на дипломатической работе и в Наркомвнешторге. В годы Великой Отечественной войны – военный корреспондент.

Медведев Михаил Евгеньевич (1898–1937) – в гражданскую войну – начальник штаба бригады, командир Гомельской крепостной бригады и 1-й Казанской стрелковой дивизии. После войны – начальник штаба ВВС РККА, начальник штаба корпуса, начальник управления Штаба РККА.

Межрауп Петр Христофорозич (1895–1931) – в гражданскую войну – моторист, военком и командир авиаотряда. После войны – командир авиаотряда, помощник начальника научно-испытательного аэродрома, начальник ВВС Ленинградского военного округа, инспектор ВВС РККА. Погиб при авиационной катастрофе.

Минкин А. Е. (1887–1955) – член большевистской партии с 1903 г. В 1917 г. – член Петроградского комитета РСДРП(б), затем председатель Пензенского губисполкома и губкома партии. В дальнейшем также на руководящей партийной и советской работе.

Муклевич Ромуальд Адамович (1890–1937) – флагман флота 2 ранга, бывший балтийский матрос. Член большевистской партии с 1906 г. В гражданскую войну – комиссар штабов 16-й армии и Западного фронта. После войны – заместитель начальника и комиссар Военной академии РККА, член РВС СССР и начальник Морских сил РККА.

Муравьев Михаил Артемьевич (1880–1918) – офицер старой армии. После Октябрьской революции – левый эсер. В 1917 г. участвовал в разгроме войск Краснова под Петроградом, в 1918 г. командовал советскими войсками на Украине. Летом того же года был назначен командующим Восточным фронтом, где 11 июля поднял мятеж против Советской власти. Мятеж Муравьева был подавлен, а сам он убит при аресте.

Незнамов Александр Александрович (1872–1928) – генерал-майор старой армии, на службе в РККА с 1918 г. В гражданскую войну – начальник отдела в УПВОСО, профессор Инженерной академии. После войны – преподаватель стратегии в Военной академии РККА, старший руководитель стратегии в Инженерной и Военно-технической академиях, одновременно – редактор Главной военно-научной редакции, член Высшего академического военно-педагогического совета.

Новицкий Василий Федорович (1869–1929) – генерал-лейтенант старой армии, профессор николаевской академии генштаба. В первую мировую войну – начальник бригады, дивизии, командир корпуса, командующий армией и фронтом. С 1918 г. – в РККА. Профессор Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Оборин Лев Николаевич (р. 1907) – народный артист СССР, пианист. Профессор Московской государственной консерватории.

Отто Нина Васильевна (1902–1953) – известная пианистка, в 1924 г. окончила Московскую консерваторию. Выступала в концертах, преподавала в музучилище при Московской консерватории и в училище им. Гнесиных.

Ошлей Петр Матвеевич (1886–1937) – член большевистской партии с 1917 г., в РККА с 1919 г. В гражданскую войну – комиссар стрелковой бригады, комиссар дивизии, член РВС 6-й армии, военком штаба войск Украины и Крыма. После войны – секретарь РВС СССР, управделами Наркомвоенмора и РВС СССР, начальник Военно-хозяйственного управления РККА,

Павлов Александр Васильевич (1880–1937) – в РККА с 1918 г. Руководитель и инструктор отрядов завесы. Командир дивизии, командарм-Ю. После войны – командир корпуса, помощник командующего войсками Западного и Приволжского военных округов, помощник инспектора пехоты РККА, начальник особого факультета Академии им. М. В. Фрунзе.

Перемытов Алексей Макарович (1888–1938) – капитан старой армии, на службе в РККА с 1918 г. В гражданскую войну – начальник штаба дивизии, начальник оперативного отдела штаба Южного фронта, помощник начальника штаба Западного фронта, начальник штаба Северо-Кавказского военного округа. После войны – начальник штаба 5-й Краснознаменной армии и ряда военных округов, преподаватель Военной академии РККА.

Печерский Лев Филиппович (1885–1937) – профессиональный революционер, член большевистской партии с 1903 г. Активный участник баррикадных боев 1905 г. В гражданскую войну – член РВС 10-й армии. После войны – член РВС Туркфронта, командующий частями ЧОН Туркфронта. С 1924 г. – на руководящей советской работе.

Подвойский Николай Ильич (1880–1948) – видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. Член ВЦИК, ЦИК СССР и ЦК ВКП(б). Профессиональный революционер, член РСДРП с 1901 г. Активный участник подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания, член Петроградского ВРК, затем наркомвоен РСФСР. В 1919 г. – наркомвоен Украины. После гражданской войны – на ответственной военной и политической работе. С конца 30-х годов был фактически отстранен от участия в общественно-политической жизни страны.

Поликарпов Николай Николаевич (1892–1944) – советский авиаконструктор, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, лауреат государственных премий. Создатель многих типов советских военных и гражданских самолетов.

Потемкин Владимир Петрович (1878–1946) – советский историк, академик, дипломат, член ЦК ВКП(б). В гражданскую войну – начальник политотдела 6-й армии, Западного и Южного фронтов. После войны – на педагогической и дипломатической работе (полпред в Греции, Италии и Франции, заместитель наркома иностранных дел). В 1943–1946 гг. – президент Академии педагогических наук.

Пугачев Семен Андреевич (1889–1938) – офицер старой армии, на службе в РККА с 1918 г. В гражданскую войну – начальник административного управления штаба Уральского военного округа, начальник оперативного отдела штаба 2-й армии, начальник штаба Кавказского фронта. После войны – начальник штаба Особой Краснознаменной армии, командующий Туркфронтом, заместитель начальника Штаба РККА, начальник штаба Уральского и Средне-Азиатского военных округов.

Путна Витовт Казимирович (1893–1937) – бывший прапорщик старой армии, член большевистской партии с февраля 1917 г. В 1918–1921 гг. – витебский военком, военком дивизии, командир полка и бригады, начальник 27-й Омской стрелковой дивизии. После

гражданской войны – начальник и комиссар 2-й Московской пехотной школы, инспектор РККА, начальник Управления военно-учебных заведений Красной Армии, командир стрелкового корпуса, военный атташе в Японии, Финляндии, Германии, Великобритании.

Рубинштейн Антоа Григорьевич (1829–1894) – пианист, композитор, дирижер. Организатор «Русского музыкального общества», создатель Петербургской консерватории. Выдающийся пропагандист русской классической музыки.

Свечин Александр Андреевич (1878–1938) – генерал-майор старой армии, на службе в РККА с марта 1918 г. В гражданскую войну – начальник штаба Западного участка завесы, военный руководитель Смоленского района завесы, начальник Всеросглавштаба. В последующие годы преподаватель Военной академии РККА, главный руководитель всех военных академий по стратегии. Профессор.

Седякин Александр Игнатьевич (1893–1937) – командарм 2 ранга, член большевистской партии с 1917 г., в гражданскую войну – комиссар и командир полка, бригады, дивизии, комендант крепости Кронштадт и Петроградского укрепрайона. После гражданской войны – командующий войсками 5-й Краснознаменной армии, Приволжского военного округа и на других высших командных должностях.

Сергеев Евгений Николаевич (1887–1938) – подполковник старой армии, на службе в РККА с 1918 г. В гражданскую войну – начальник штаба дивизии, армии. После гражданской войны – начальник штаба в ряде военных округов и преподаватель Военной академии РККА.

Славин Иосиф Еремеевич (1893–1938) – армейский комиссар 2 ранга, член большевистской партии с 1918 г. В гражданскую войну – начальник политотдела бригады, дивизии, округа. После войны – член РВС и начальник политуправления ряда военных округов. Начальник управления военно-учебных заведений РККА, член Военного совета при Наркоме обороны.

Снесарев Андрей Евгеньевич (1865–1937) – крупнейший востоковед, профессор, генерал-лейтенант старой армии, на службе в РККА с 1918 г. В гражданскую войну – военрук Северо-Кавказского военного округа, командующий 16-й армией, начальник Академии Генерального штаба. После войны – главный руководитель Восточного факультета Военной академии РККА, начальник статистического отдела РВС СССР.

Тодорский Александр Иванович (р. 1894) – член большевистской партии с 1918 г., на службе в РККА с 1918 г. В гражданскую войну – комбриг, начдив, комдив, помкомвойск Туркфронта. После войны – командир корпуса, помкомвойск Белорусского военного округа, начальник ГУВУЗа РККА, начальник Военно-воздушной академии. Награжден тремя орденами Красного Знамени. Ныне генерал-лейтенант в отставке. Занимается литературным трудом.

Триандафиллов Владимир Кириакович (1894–1931) – капитан старой армии, член большевистской партии с 1919 г. В гражданскую войну – начальник штаба бригады, командир бригады. После гражданской войны – командир корпуса и на руководящей работе в Штабе РККА. Погиб при авиационной катастрофе.

Уборевич Иероним Петрович (1896–1937) – выдающийся советский военачальник, командарм 1 ранга, член большевистской партии с 1917 г. Член ЦИК СССР всех созывов и кандидат в члены ЦК ВКП(б). В годы гражданской войны – начальник 18-й стрелковой дивизии, командующий 14-й, 13-й армиями, помощник командующего войсками Украины и Крыма, помкомвойск Тамбовской и комвойсками Минской губерний; военный министр ДВР и главком Народно-революционной армии. Награжден тремя орденами Красного Знамени и Почетным оружием. После войны – командующий войсками Северо-Кавказского, Московского и Белорусского военных округов. 11 июня 1937 г. по ложному обвинению осужден, и расстрелян вместе с М. Н. Тухачевским.

Уншлихт Иосиф Станиславович (1879–1938) – видный деятель партии и Советского государства. В революционном движении – с 1900 г. Член ЦИК СССР, кандидат в члены ЦК ВКП(б). В гражданскую войну – член РВС 16-й армии, Западного фронта. С 1921 г. –

заместитель председателя ВЧК, с 1923 г. – член РВС СССР и начальник снабжений РККА, с 1925 г. – заместитель председателя РВС СССР. С 1930 г. – заместитель председателя ВСНХ СССР. С 1935 г. – секретарь ЦИК СССР.

Фабрициус Ян Фрицевич (1877–1929) – герой гражданской войны, в революционном движении с 1903 г., активный участник Октябрьской революции. В гражданскую войну – командир бригады и дивизии, награжден четырьмя орденами Красного Знамени. После войны командовал дивизией и корпусом. С 1928 г. – помкомвойск Кавказской Краснознаменной армии. Погиб при авиационной катастрофе.

Федько Иван Федорович (1897–1939) – командарм 1 ранга. Член большевистской партии с 1917 г., депутат Верховного Совета СССР первого созыва. В январе 1918 г. – предревкома в Феодосии, затем – командующий 11-й армией, начальник 58, 46 и 3-й дивизий. Награжден четырьмя орденами Красного Знамени. После гражданской войны – комвойсками Кавказской Красной Армии, Приволжского и Киевского военных округов, заместитель наркома обороны.

Фельдман Борис Миронович (1890–1937) – комкор, член большевистской партии с 1919 г. В годы гражданской войны – начальник штаба бригады, дивизии. В 1921 г. окончил Военную академию РККА, затем служил начальником штаба ряда военных округов, начальником Главного управления Красной Армии (ГУРККА), Осужден по ложному обвинению и расстрелян вместе с М. Н. Тухачевским.

Шапошников Борис Михайлович (1882–1945) – выдающийся советский военный деятель, Маршал Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР. Член ВКП(б) с 1930 г. В 1939 г. избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Бывший офицер старой армии, с первых дней Советской власти перешел на сторону революции. В гражданскую войну – начальник оперативного управления штаба Высшего военного совета, затем Полевого штаба РВС Республики. После войны – помощник начальника Штаба РККА, командующий войсками Ленинградского, Московского и Приволжского военных округов. В 1932–1935 гг. – начальник Академии им. Фрунзе, затем начальник Генштаба. С 1943 г. – начальник Академии Генштаба.

Шорин Василий Иванович (1870–1938) – полковник старой армии. В РККА с 1918 г. В 1918–1922 гг. – командующий 2-й армией, командующий войсками Особой группы Южного фронта, войсками Кавказского фронта, помощник главкома РККА по Сибири, комвойсками Туркестана. После войны – инспектор ГУВУЗа и помкомвойск Ленинградского военного округа. В 1925 г. уволен в запас по болезни и навечно занесен в списки РККА. Награжден двумя орденами Красного Знамени и Почетным оружием.

Эйхе Генрих Христофорович (р. 1893) – офицер старой армии. В РККА с 1918 г. В гражданскую войну – командир бригады, дивизии, командующий 5-й армией, главком НРА ДВР. С 1922 г. – на советской работе. Теперь персональный пенсионер.

Якир Иона Эммануилович (1896–1937) – выдающийся советский военачальник, командарм 1 ранга, член большевистской партии с 1917 г., член ЦИК СССР, член ЦК ВКП(б), В 1918 г. – член РВС 8-й армии, в 1919 г. – начальник 45-й стрелковой дивизии. В последующем комвойсками Крыма и Киевского военного района, Награжден тремя орденами Красного Знамени и Золотым оружием. После гражданской войны – начальник ГУВУЗа РККА и командующий войсками Киевского военного округа. 11 июня 1937 г. по ложному обвинению осужден и расстрелян вместе с М. Н. Тухачевским.